ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

ПОЛУДЕННУЮ

РОССІЮ.

D'autres rapporteront des marbres, des médailles, des productions d'Histoire Naturelle: moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens & des idées.

du Paty.

ВЪ ПИСЬМАХЪ,

ИЗДАННЫХЪ

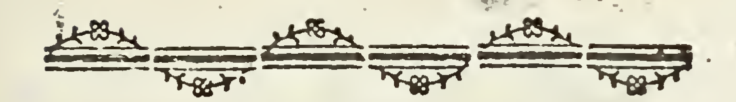
Владиміромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА, 1800.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ хотѣлъ прежде всего видѣть свое отечество — видѣлъ прекраснѣйшую часть — и описалъ ее.

Семейство его, которому онъ сообщалъ въ письмахъ свои впечатлѣнія, препоручило намъ издать сіи письма.

Путешествіе Рускаго по Россіи, есть первое въ семъ родѣ. Но Авторъ писемъ чувствуетъ, что слабость его таланта не соотвѣтствовала важности и достоинству предмета.

ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ,

въ 1799 году,

въ письмахъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

5 *Маія деревня И * * **

Не безпокойтесь обо мнѣ.

Подъ отечественнымъ Небомъ странствую съ мирною душею. Иногда вечерній вѣтерокъ нанесетъ облако го-

Естьли сія первая часть удостоится того лестнаго одобренія, которое она имѣла щастіе заслужить при чтеніи въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, отъ извѣстнѣйшихъ людей въ литтературѣ, то за нею послѣдуетъ и другая съ письмами о Крымѣ, о Кавказѣ, объ Астраханѣ, о Сарпинской или Сарептской Колоніи, и проч. — — —

Но заботы жизни, отъ которыхъ и Писатели, и самые Философы не могутъ укрыться, не позволили и не позволятъ вѣроятно нашему Автору издать свое путешествіе такъ скоро, какъ бы желалъ, можетъ быть, онъ одинъ.

ресши, шѣнь задумчивости; но съ ушренней зарею показывается мнѣ новая заря счасшія, и пѣсни ушреннихъ пшичекъ пробуждаюшъ въ душѣ моей новое чувсшво спокойсшвія и радосши. Такъ и буду пилигримсшвовашь, ушѣшаясь жизнію, наслаждаясь меланхолїей, наблюдая съ любопышсшвомъ и природу и человѣчесшво, и всѣ шѣ предмешы, кошорыхъ воспоминанїе досшойно осшашься эпохой въ жизни мыслящаго и чувсшвишельнаго сущесшва.

Со мною два человѣка, добрые и просшые, кошорыхъ привязанносшь замѣняешъ для меня дружбу; со мною Аглинская моя собачка, кошорая всегда покоишся на рукахъ моихъ, услаждаешъ

мои потери, разсѣеваетъ мои прискорбія; со мною сердце мое, гдѣ живутъ надежда и воспоминаніе, гдѣ течетъ источникъ всѣхъ удовольствій.

Я обхаживаю пѣшкомъ всѣ любопытныя мѣста, заглядываю въ каждой уголокъ рощицы, гуляю, взбираюсь на горы, сбѣгаю въ долины, ищу раздѣлять со всею вселенною живость чувствъ моихъ, сообщаю людямъ моимъ каждое новое открытіе взора, обнимаю ихъ въ движеніи радости, и спрашиваю: Видите ли, какъ прекрасно льются струи сего прозрачнаго ручейка? Слышите ли, какъ сладко поетъ соловей? Чувствуете ли, какъ сердце томится отъ нѣжности?

Иногда удаляясь отъ большой дороги, укрываюсь подъ тѣнью лѣсочка съ людьми моими и съ моею ловъ. (*), которая всегда ложится у ногъ моихъ. Тамъ покоимся всѣ мы на мягкихъ коврахъ, разстилаемыхъ роскошной природой; вѣтерокъ прохлаждаетъ кровь, воспаленную жаромъ; свистъ птичекъ служитъ намъ музыкою, цвѣты питаютъ благоуханіемъ, и чувства нѣжатся. Какъ вкусна пища, когда отдохновеніе послѣ усталости пробуждаетъ аппетитъ! Какое пріятное теченіе мыслей, когда задумчивость овладѣетъ вдругъ всѣми моими чувствами! Какой сладкой

(*) Имя собачки, которое значитъ на Англійскомъ языкѣ: *любовь.*

покой, когда солнечной жаръ, прохлаждаемой вѣтеркомъ, тихо склоняетъ къ томному сну!

Иногда самдругъ съ собачкою, которая всегда неразлучно жила со мною и въ скукѣ и горести, и въ нищетѣ и въ одиначествѣ; съ симъ вѣрнымъ товарищемъ и защитникомъ гуляю безопасно по деревнямъ и селамъ. Щастливое семейство, нѣжнолюбящаяся чета, пастушокъ, которой на свирѣли поетъ природѣ тайну души своей, хороводъ сельскихъ дѣвушекъ, группы дѣтей, нѣжная улыбка, трогательной взглядъ — ничто не укрывается отъ моего вниманія, и воспоминаніе сихъ впечатлѣній слѣдуетъ вездѣ за мною, утѣшаетъ, радуетъ меня. Мы

переглянемся иногда съ собачкою при встрѣчѣ какого нибудь пріятнаго предмета, и сердца наши (простите мнѣ сіе выраженіе!) раздѣлятъ свое чувство живѣе, нежели иные люди.

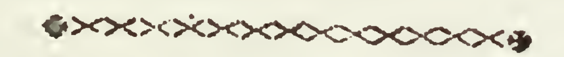
Иногда забывъ и природу и Югъ, и поля и рощи, думаю только о друзьяхъ моихъ — смотрю на часы отъ времени до времени, и говорю себѣ: теперь они просыпаются — теперь они гуляютъ — теперь они сидятъ въ кружку и разговариваютъ, можетъ быть, обо мнѣ. Я слушаю, вхожу въ разговоръ, и самъ разсказываю. Щастливая сила памяти и воображенія, которая переноситъ человѣка за неизмѣримыя отдаленности, и даетъ ему чувство-

вать радость свиданія въ нѣдрахъ самой разлуки!

Не знаю, какая тайная сила обольстила душу мою; но я не уступилъ бы ни за какіе вѣнцы славы, ни за какое торжество честолюбія тѣхъ мирныхъ дней, которые провожу подъ защитою Небеснаго крова, въ повиновеніи законодательной природѣ, въ одномъ шумномъ сообществѣ птичекъ. Чувства мои живы, впечатлѣнія глубоки, сердце свѣже. Надежды жизни моей столько разъ обманутыя, заботливыя попеченія о счастіи, шумныя суеты свѣта, бури страстей, несправедливость человѣческая, заблужденія, предразсудки, пороки! вы представляетесь мнѣ однимъ сновидѣніемъ, подобно какъ жи-

тейскія бури должны мечтаться счастливымЪ вЪ вѣчности.

Не осуждайте невольныхЪ восторговЪ моихЪ, невольнаго моего энтузіазма. Скоро отцвѣтетЪ весна жизни моей, и тогда настанетЪ угрюмое время истинны. Пока оставьте меня наслаждаться тѣми свѣтлыми призраками, которые вЪ легкомЪ туманѣ играютЪ надЪ долиною.

ПИСЬМО II.

СерпуховЪ.

Сего дня пріѣхалЪ я вЪ СерпуховЪ. ОбЪ семЪ городѣ не имѣю ничего сказать вамЪ. ВЪ немЪ нѣтЪ ничего достой-

наго взоровъ путешественника, ни мѣстныхъ украшенiй, ни городскихъ монументовъ, ни Историческихъ достопамятностей.

Не нужно сказывать вамъ, что онъ былъ два раза раззоренъ Литовцами подъ начальствомъ Олгердовича, былъ возобновленъ Царемъ Iоанномъ I, и видѣлъ въ стѣнахъ своихъ, во время Годунова, собранiе всѣхъ Россiйскихъ войскъ.

Здѣсь нѣтъ ничего, достойнаго взоровъ путешественника, но есть памятникъ, драгоцѣнный для моего сердца, по которому я буду всегда любить сей городъ. Вы помните, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ мы всегда проѣзжали чрезъ него въ деревню нашу К***; тог-

да семейство наше составляло одно многочисленное общество друзей; тогда не было еще горестнаго разрыва въ сердечныхъ нашихъ связяхъ. Добрѣйшій изъ отцевъ и нѣжнѣйшій изъ братьевъ украшали союзъ священнаго дружества; мы были живы, — были щасливы, веселились природою, простотою, сердцами своими, и не воображали, чтобы Богъ могъ прервать когда нибудь счастіе, его самаго достойное. Помните и то конечно, что въ одно время нашего проѣзда, нещастный поселянинъ, увлеченный быстротою рѣки Нары, погибъ въ волнахъ ея; мимо насъ пронесли его холодный трупъ. Мы всѣ тронулись, но любезный Т*** содрогнулся.... взглянулъ

на насъ . . . . . хотѣлъ говорить, но слова замерли на устахъ его . . . . . и одни слезы полились рѣкою. Ахъ! кажется, что сердце его предчувствовало въ сїю минуту, что онъ самъ скоро погибнетъ на зарѣ прекрасной жизни.

Съ сими воспоминанїями въ душѣ моей, сѣлъ я на зеленой пригорокъ, неподалеку отъ постоялаго двора, между тѣмъ какъ заходящее солнце освѣщало мїръ послѣдними лучами. Тутъ оживлялъ я предъ собою образъ мнѣ еще милый; тутъ искалъ я того, кто не могъ изчезнуть въ мїрѣ, не оставивъ горячихъ слѣдовъ за собою; тутъ воображалъ я, какъ гуляли мы вмѣстѣ,

какъ сиживали на семъ самомъ мѣстѣ, какъ пріятныя чувства лились рѣкою изъ сердецъ нашихъ, какъ мы были упоены и голубымъ цвѣтомъ неба, и зеленымъ бархатомъ луговъ, и шумомъ ручейковъ, и красотою весны, и весною жизни нашей. Тутъ около часа мечталъ я — возвращалъ минувшіе дни блаженства — внималъ, какъ эхо повторяло еще наши радости — снова жилъ — снова дышалъ малымъ человѣкомъ — и чувствовалъ на сей разъ, что надежда и воспоминаніе дѣлаютъ иногда насъ счатливѣе, нежели самая существенность.

ПИСЬМО III.

Деревня.

Нѣсколько разъ перемѣнялъ я лошадей; нѣсколько разныхъ мѣстъ видѣлъ, но не встрѣчалъ ничего для меня интереснаго. Проѣзжая только чрезъ деревню Л*** вздохнулъ я о судьбѣ нашего несчастнаго М*** Л***, которой въ нѣдрахъ сладкаго уединенія, имѣя дѣтей и подругу, не умѣлъ наслаждаться сими чистыми благами жизни, тосковалъ объ шумѣ свѣта, котораго сцена была для него закрыта, и кончилъ преждевременно дни свои отъ

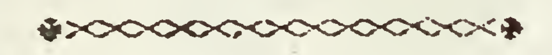
того, что не пользовался благодѣтельными совѣтами Философіи.

Послѣ обѣда день прояснился, и я, остановясь на первой станціи, сѣлъ въ крестьянской избѣ подъ окномъ, гдѣ прекрасная ветла составляла густую тѣнь.

Вѣтеръ утихъ, солнце проглядывало отъ минуты до минуты, и сердце мое открывалось пріятнымъ впечатлѣніямъ.

Вы не забыли, что другъ вашъ родился сего дня. Мнѣ хотѣлось провести сей день, торжественной для всякаго человѣка, въ мирѣ съ природою и человѣчествомъ. Я удерживалъ всѣ порочныя движенія сердца, скончалъ день пріятно, и думалъ съ

восторгомъ, что нѣсколько любезныхъ мнѣ существъ молятъ въ сей день Небо о счастiи ихъ любимца.

ПИСЬМО IV.

Тула.

Я буду говорить въ семъ письмѣ вдругъ о нѣсколькихъ предметахъ, мною видѣнныхъ.

Первымъ предметомъ моего любопытства былъ оружейной заводъ. Я видѣлъ тысячу рукъ занятыхъ работою, механизмъ приводящiй въ движенiе восьмнадцать огромныхъ колесъ, и механизмъ воды.

Прогуливаясь по симъ подземнымъ кузницамъ, встрѣчая черныя лица, ви-

дя ковальни, мѣхи и печи, слушая шумъ рѣки, громъ колесъ, стукъ молотовъ, наконецъ осыпанный летящими искрами огня, мнѣ казалось, что я вижу Вулканово царство съ одноглазыми Циклопами: жилище, достойное бога, столкнутаго съ неба Юпитеромъ, но не пріятное для наблюдателя, и для тѣхъ, которые тутъ работаютъ подъ огнемъ, живутъ только механическою жизнію, и не имѣютъ нравственнаго наслажденія.

Гостиной дворъ не имѣетъ ничего примѣчательнаго. Я не нашелъ въ немъ и того движенія, той живости, той суетной толпы, съ которою люблю носиться по нашимъ Московскимъ рядамъ; кажется, что тамъ чело-

вѣкъ живѣе чувствуетъ бытіе свое.

Одинъ домикъ чистенькой и свѣтленькой прельстилъ меня. Я вошелъ въ него. Меня встрѣтилъ Нѣмецъ очень учтивой, которой работаетъ мѣдные часы, Электрическія машины, циркули и проч. Онъ водилъ меня по мастерскимъ, отпиралъ, показывалъ всѣ вещи съ чрезвычайною снисходительностію.

По сему сдѣлалъ я замѣчаніе. Многіе купцы, ремесленники, художники не любятъ перебирать свои вещи, естьли приходящій не хочетъ купить ихъ. Это показываетъ одну только жадность къ деньгамъ. Истинной художникъ долженъ всегда съ удовольствіемъ вы-

ставлять на глаза свою работу изъ любви къ искуству, такъ какъ Поэтъ изъ любви къ Музамъ читаетъ всегда съ охотою стихи свои.

Замокъ, построенный Іоанномъ Васильевичемъ, и возобновленный Екатериной II. существуетъ еще. Я смотрѣлъ на него, и мечталъ о разности теперешнихъ и тогдашнихъ временъ. Какая перемѣна въ три столѣтія! Воображеніе мое протекало пространство времянъ отъ перваго шага ума до послѣдняго успѣха общежитія, и старалось угадать будущую судьбу человѣка; но невидимая Рука не позволяла смертному читать въ книгѣ Судебъ небесныхъ.

ПИСЬМО V.

Тула.

Я гулялъ около трехъ часовъ по городу.

Лучшія зданія въ Тулѣ: Театръ, присудственныя мѣста, Воспитательной домъ, Смирительной и проч. Церквей по пространству города довольно, какъ и во всѣхъ городахъ Россіи.

Городъ раздѣляется рѣкою Упой на двѣ части; по обѣимъ берегамъ простирается нить строеній, между которыми возвышается и набережный Дворецъ не огромный, но пріятный.

Вообще Тула нравится тѣмъ, что всѣ домы низень-

кіе и свѣтленькіе представляютъ образъ счастливой посредственности. Но всего болѣе плѣнился я тѣмъ, что изъ каждаго уголка сего города, лежащаго въ долинѣ между пригорковъ, видны цвѣтущія зеленыя поля, которыя, переходя изъ возвышенности въ возвышенность, препоясываютъ горизонтъ вѣнцемъ горъ и лѣсовъ; изъ каждаго уголка можно гулять глазами по прекрасному лугу, гдѣ пасутся стада по холмамъ, гдѣ разсѣяны деревеньки по бережкамъ ручейковъ, которыхъ кристальное теченіе сверкаетъ въ отдаленности; изъ каждаго уголка можно однимъ шагомъ перейти отъ сцены города къ сценѣ деревенской, и плѣняться симъ восхи-

спительнымъ разнообразіемъ. Пріятно, очень пріятно имѣть передъ глазами сельскія картины въ нѣдрахъ самаго города, быть всегда близкимъ къ природѣ и къ ней возвращаться.

Ахъ! какъ часто, гуляя по Москвѣ, желалъ я быть въ полѣ за городомъ, въ тишинѣ души и натуры — желалъ, и не могъ исполнить своего желанія. Кажется, что въ большихъ городахъ человѣческая развратность хотѣла нарочно укрыться преградами отъ невиннаго гласа природы.

Подходя къ Кіевской заставѣ, обратились глаза мои на церковь въ полуверстѣ за городомъ. Я пошелъ туда, и увидѣлъ прекрасное мѣсто.

Церковь, построенная Октогономъ, стоитъ на горѣ; въ низу къ подошвѣ ея спелятпся, кажется, кровли домовъ, куполы церквей и всѣ зданія города; далѣе на противоположной горѣ поля усѣяны деревеньками, рощицами и кустарничками. Около часа любовался я симъ видомъ, и не могъ налюбоваться. Жаль, что кладбище и острогъ въ нѣсколькихъ саженяхъ, мѣшаютъ полному наслажденію чувствительнаго сердца.

Вечеръ былъ прекрасной. Мнѣ не хотѣлось перестать гулять. Я пошелъ на берегъ рѣки Упы, чтобъ окончать день мой въ бесѣдѣ съ вечернею природою и нѣжными сердцами. Тамъ, сидя на травѣ и смотря на розовую

зарю, думалъ я объ тѣхъ, которыхъ дружба украшаетъ розами жизнь мою.

ПИСЬМО VI.

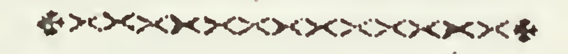
Тула.

Вчера былъ я въ Соборѣ, но онъ былъ запертъ. Сего дня я его видѣлъ.

Великолѣпной иконостасъ! великолѣпные образа! великолѣпная трапеза! вездѣ сіяетъ золото и серебро; вездѣ глаза ослѣплены богатыми дарами, которые человѣческая бѣдность приноситъ Всеимущему Богу; кажется что смертные, принося слабыя жертвы, исполняютъ только обѣтъ Христіанскаго смиренія. Все, чѣмъ бы ни

украсила рука смертнаго священный храмъ Божества, все будетъ мало и недостойно предъ Тѣмъ, Кто имѣетъ свое прекраснѣйшее святилище во глубинѣ души человѣческой; но по крайней мѣрѣ человѣкъ показываетъ, что сердце его умѣетъ благоговѣть предъ Высочайшимъ Существомъ въ мірѣ.

Утро — бьетъ девять часовъ. Я прощаюсь съ Тулою.

ПИСЬМО VII.

Деревня.

Куликово поле, гдѣ Димитрій Донской съ 20000 Рускихъ побѣдилъ славнаго Мамая, лежитъ въ 60 верстахъ отъ моей дороги; я не могъ

за отдаленностію видѣть мѣсто славной побѣды.

Выѣхавъ изъ Тулы, смотрѣлъ я съ примѣчаніемъ на поля, ее окружающія. Тамъ въ XVII столѣтіи Литовцы опустошали все огнемъ и мечемъ; тамъ во время походу Іоанна Г подъ Казань, набѣжали Орды Татарскія, наполнили ужасами войны сердца мирныхъ пастуховъ и обагрили кровію поля и луга, гдѣ паслись щастливо невинныя овечки; тамъ Россійскіе Орлы, всегда противъ зла устремленные, поразили сообщниковъ Отрепьева, и вырвали лавръ побѣды изъ рукъ тирана. Сіе послѣднее сраженіе было самое кровопролитное. Я перенесся въ тѣ времена, и мнѣ казалось, будто я вижу нещастныхъ, утo-

пающихъ въ рѣкѣ: Упѣ, землю усѣянную трупами, и друзей другъ друга оплакивающихъ.

Окрестности Тулы имѣютъ много живописнаго. Вездѣ пригорки и покатости, одни другихъ возвышеннѣе; зеленыя долины лежатъ между ими, и глаза перебѣгаютъ пріятнымъ образомъ отъ горы усаженной кустарничкомъ къ лощинѣ, покрытой стадами, слѣдуя за излучинами сего прекраснаго ландшафта. Я люблю такія мѣста, и можетъ быть болѣе отъ того, что милая П*** сообщила мнѣ свой нѣжной вкусъ. Сердце любитъ все то, что передало ему другое любезное сердце.

Въ 20 верстахъ отъ Тулы, прекрасной березовой

лѣсъ служитъ опушкою лежащей чрезъ него дорогѣ — опускается съ обѣихъ сторонъ по легкому скату въ низъ къ долинѣ — и опять съ обѣихъ сторонъ по теченію противоположной горы, возвышается въ видѣ амфитеатра, и образуетъ аллею передъ глазами путешественника. Не можно себѣ представить, какія романическія убѣжища, густыя тѣни и чистыя, гладкія равнины открываются отъ мѣста до мѣста въ семъ лѣсу; кажется, что нѣжные любовники могли бы въ немъ укрыться отъ цѣлаго міра, забыть пороки, злобу, несправедливость человѣческую, и только жить съ любовію и природою. Сей лѣсъ называется малиновка, и я тотчасъ вообра-

зилъ себѣ, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывалась въ немъ какая нибудь милая красавица съ любовїю своей, открывала природѣ тайну душевную, и пѣла отъ горести, какъ Сафо, какъ малиновка.

ПИСЬМО VIII.

Обтуха.

Солнце садилось, когда я остановился въ сей деревнѣ. Она стоитъ на пригоркѣ; въ низу течетъ Ока; за рѣкою по самому берегу растетъ зеленой и высокой лѣсъ. Я былъ расположенъ къ чувствительности, и трогался видомъ сего мѣста. Въ самую сїю минуту многочисленное

стадо съ блѣяніемъ бѣжало въ деревню; пастухъ позади его игралъ на свирѣли; ребятишки съ прутиками загоняли барашковъ и овечекъ, которые не хотѣли, казалось, разставаться съ природою; все чувствовало сладкое вліяніе вечера, и сцена становилась часъ отъ часу живѣе.

Я сбѣжалъ на берегъ Оки, и сѣлъ на зеленой травкѣ, смотря на синія волны, которыя съ тихимъ движеніемъ изъ блеска въ блескъ переливались, и на алую зарю, которая за солнцемъ показывалась. Сладкое упоеніе овладѣло мною; образъ милыхъ людей, неразлучный съ радостями нашего сердца, оживился передо мною. Я вспомнилъ тѣ счастливые дни, когда вмѣстѣ съ нѣжнѣйшимъ

другомъ и братомъ, жили мы подъ кровомъ сельской природы — все видѣли одними глазами — и все чувствовали одною душею. — Теперь я одинъ на землѣ безъ него, не могу сообщить ему моихъ радостей, не могу дать ему положить руку на мое сердце — и сердце мое, при сей мысли, затосковало. Я спрашивалъ натуру, для чего разрушаетъ она сладостнѣйшія связи душъ, разлучаетъ нѣжнѣйшихъ друзей во цвѣтѣ лѣтъ и счастія, и оставляетъ жизнь врагамъ непримиримымъ, людямъ злымъ, и старцамъ отягченнымъ бытіемъ своимъ? . . . . спрашивалъ — но природа молчала вокругъ меня. Солнце скрылось; свѣтлой мѣсяцъ и милліоны звѣздъ засверкали на

небѣ; какой-то тайной голосъ говорилъ мнѣ, что за предѣлами сего міра, посреди небесныхъ сферъ, есть другое жилище, гдѣ друзья соединятся, гдѣ человѣкъ тосковать перестанетъ. Сердце мое пылало отъ радости. Я взглянулъ на небо свѣтлыми глазами, съ полною довѣренностію къ Богу, съ твердою надеждою, что рука Его усѣяла мірами голубое пространство и живыми существами шаръ земный, для того, чтобы совершить счастіе сихъ самыхъ существъ.

Я поѣхалъ. Ночь наступила самая тихая и свѣжая; все обольщало мои чувства; казалось, что самъ Богъ хотѣлъ наградить меня за сладкую вѣру. Вѣтерокъ тихо вѣялъ, и вдругъ въ ближ-

ней березовой рощицѣ запѣлъ соловей, первой, котораго я еще слышалъ нынѣшнею весною, и запѣлъ такъ пріятно, такъ трогательно, что мои люди, какъ будто бы оживленные симъ голосомъ, вздохнули вмѣстѣ со мною изъ глубины сердца. У меня навернулись на глазахъ слезы....

Ахъ! я никогда не забуду вечера, проведеннаго мною въ Обтухѣ 9 Маія. Естьли и вы будете проѣзжать когда нибудь эти мѣста, друзья чувствительности! то отъищите слѣды мои, посидите на берегу Оки, и вспомните, что я чувствовалъ.

ПИСЬМО IX.

Орелъ.

Орелъ есть городъ довольно пространный, но нехорошо отстроенный, хотя въ немъ и довольное число домовъ каменныхъ и деревянныхъ. Между великолѣпными и новѣйшими зданіями, замѣтилъ я главную школу, которой фасада съ перистилами и колоннадою достойна своего вѣка.

Городъ стоитъ на пространной равнинѣ; но отъ него подобно солнечнымъ лучамъ, текущимъ изъ своего средоточія, простираются холмы и пригорки, возносятся надъ городомъ, и соста-

вляютъ горной вѣнецъ, подъ которымъ отъ мѣста до мѣста блеститъ Ока.

Сей городъ можетъ славиться тѣмъ, что еще въ седьмомъ надесять столѣтіи извѣстно было о его существованіи. Правленіе Димитрія самозванца, набѣги Крымскихъ Татаръ, и войны Россіи съ Польшею произвели великія опустошенія въ его окрестностяхъ.

Я гулялъ около часа, и возвращаясь спросилъ одного человѣка, мнѣ встрѣтившагося: Кому принадлежитъ большой каменной домъ на правой рукѣ? — Гражданскому Губернатору. — Кто онъ такой? — Не знаю; но знаю то, что онъ доброй человѣкъ, и очень доброй. Бѣдной до него доходитъ, при-

стѣсненной также. Чего больше? Сколько ни спрашивай, ничего лучше не узнаешь. — Правда, отвѣчалъ я, правда, провожая глазами сего человѣка, котораго лице показывало, что онъ глубоко въ душѣ своей чувствовалъ цѣну добра, и вѣрилъ безъ всякой Философіи, что добродѣтель выше всего въ мірѣ. Моралисты! запишите сію черту въ трактатахъ вашихъ, и имя Вульфа въ Исторіи людей.

ПИСЬМО X.

Курскъ.

Отъ Орла до Курска нѣтъ ни одного лѣсочка, который бы привлекъ взоры ваши; ни

одного лужечка, на которомъ бы захотѣлось отдохнуть съ нѣжною красавицею; ниодного селенія, гдѣ бы воображеніе любило поселять счастливое семейство. Вездѣ только поле — пашня — и печальной горизонтъ; — вездѣ натура, безъ прекрасной натуры; кажется послѣ тѣхъ красотъ, которыя прежде восхищали путешественника, что милая кокетка, обворожившъ глаза и чувства, скрылась, не оставивъ за собою и самой тѣни; но кокетка скрывается на время для того, чтобы болѣе воспалить любовь къ себѣ, и послѣ является передъ глазами съ новымъ блескомъ и торжествомъ. Въ самое то время, когда я перестаъ заниматься природою, поту-

пилъ глаза въ землю и задумался такъ, что не видалъ, какъ мы приближились къ Курской заставѣ; — вдругъ глаза мои встрѣчаютъ великолѣпную картину, и одинъ взглядъ наградилъ меня за отсутствіе прекрасной натуры.

Улица со свѣтлыми домиками, по одной линіи выстроенными, опускаясь ниже и ниже, примыкаетъ вдали къ зеленѣющей горѣ, которая на концѣ ея, за пріятною перспективою домовъ и церквей, за сценою оживленнаго вездѣ народа, возвышается какъ ландшафтъ съ кустарничками и рощицами. Изъ этой улицы на обѣ стороны видно также поле до самой, такъ называемой Красной площади, гдѣ новыя кра-

соты открываются. На высокой и прямо въ отвѣсъ стоящей горѣ лежитъ большая часть города; рѣка Тускаръ, широкая и быстрая, разливается у подошвы горы; за нею, по другому берегу, на пространной равнинѣ, между цвѣтущими зелеными садами, разсыпаны деревянные домики, или лучше сказать хижины; соломенныя кровли ихъ покрываются вѣтвями густыхъ деревъ; кудрявая зеленая сѣнь обвиваетъ, такъ сказать, все ихъ пространство. Кажется, что сія Стрѣлецкая слобода представляетъ образъ Флоренціи, которая, говоритъ дю Пати, сидитъ (*) посреди

(*) Я осмѣлился удержать сей галлицизмъ.

букета цвѣтовъ. Нѣжность сего ландшафта, которой, естьли смѣю такъ сравнить, улыбается у подошвы горы, какъ страстной юноша у ногъ нѣжной красавицы. Излучины сверкающей на немъ рѣчки, островокъ, какъ будто бы отъ него отдѣлившійся и зеленѣющій посреди кристальнаго Тускара — сколько картинъ!... Смотришь — и не можешь насмотрѣться; чувствуешь — и не можешь разобрать чувствъ своихъ; забываешь самаго себя — и наслаждаешься симъ самымъ забвеніемъ.

Не есть ли это чувство любви, и чувство природы?

Прекрасенъ видъ изъ городской части за рѣку на Стрѣлецкую слободу, мною описанную; но не менѣе пре-

красенъ видъ закурной части. Стоя на Красной площади, имѣешь предъ глазами возвышеннѣйшую гору, гдѣ зеленѣютъ сады, гдѣ блестятъ домы и церкви, посреди сихъ цвѣтущихъ садовъ, гдѣ густая зелень стелется, вьется, кудрявится, естьли можно такъ сказать, по кровлямъ, фронтонамъ и колоннадамъ, гдѣ прекрасная Херсонская улица съ двумя другими съ ней параллельными разсѣкаетъ сей цвѣтущій садъ, въ образѣ величественнѣйшей перспективы. Глаза текутъ съ удовольствіемъ вдоль улицы, въ верьхъ горы, къ концу ея, гдѣ тріумфальныя вороты съ трубящею славою служатъ предѣломъ зрѣнія и концемъ горизонта. Кра-

сота сего мѣста тѣмъ разительнѣе, что видишь вмѣстѣ Натуру и искуство, деревню и городъ, близь дому садъ, близь саду хижину; кажется, что духъ общежитія поселился тутъ подъ цвѣтами сельской природы, что всѣ жители любятъ страстно натуру, и что одно щастливое семейство людей живетъ тутъ въ мирѣ и согласіи подъ законами разума и сердца. По крайней мѣрѣ я любилъ думать, смотря на красоты закурной части, что присутствіе изящнѣйшихъ картинъ въ природѣ не совмѣстно съ развращенными существами въ человѣчествѣ; — любилъ вѣрить, что такая мысль не есть одна мечта воображенія.

Въ городѣ есть много хорошихъ зданій. Каменныя лавки, Дворецъ, Присудственныя мѣста, Знаменской монастырь, главная школа, представляютъ пріятную архитектуру и пріятной видъ.

Въ главной школѣ былъ я сего дня. Классы, зала испытанія, библіотека и Кабинетъ физической заключаютъ въ себѣ все то доброе, что можно только ожидать въ Россіи отъ обыкновенной школы, отъ учителей, которые трудятся со всемъ возможнымъ напряженіемъ силъ, во всемъ пространствѣ физическихъ и моральныхъ своихъ способностей. Одинъ изъ нихъ водилъ меня по классамъ, сказывая, что славнѣйшій изъ Истори-

овъ, (конечно изъ Рускихъ) Щербатовъ, и славнѣйшій изъ Сатириковъ, Кантемиръ, и славнѣйшій изъ Трагиковъ, Сумароковъ находятся въ ихъ библїотекѣ для очищенія вкуса учениковъ, и что же многіе изъ нихъ, къ доказательству своихъ успѣховъ въ наукахъ, дослужились до Офицерскихъ чиновъ въ арміи.

Возвращаясь съ сегодней моей прогулки, увидѣлъ я двухъ молодыхъ Нимфъ, которыя освѣжались въ струяхъ прозрачной рѣки Тускары. Я приближился къ тому мѣсту; но цѣломудренныя Діаны, угадая мысль новаго Актеона, скоро выскочили изъ воды и закрылись платьемъ. Видя милую стыдливость, милое ихъ замѣша-

тельство, я постыдился своей нескромности, и — удалился.

Что касается до Исторических дѣлъ сего города, то нѣтъ нужды сказывать вамъ, что онъ былъ нѣкогда опустошенъ правнукомъ славнаго Чинхисъ-Хана, Батыемъ, и что въ немъ прежде было Княженіе великихъ Князей Россіи. Нынѣ не осталось никакихъ памятниковъ сихъ важныхъ перемѣнъ въ Исторіи нашей; все приняло новой видъ.

Такъ заглаживаются слѣды варварства и дикости; но такъ разрушаются и цвѣтущія Царства!

ПИСЬМО XI.

Писоремка.

Я разстался съ Курскомъ, какъ разстаются съ любезной женщиной, которой обладать не можно, но которой образъ останется вѣчно жить во глубинѣ сердца. Естьлибъ возможно было, тобъ я хотѣлъ всякой годъ ходить въ сей городъ на поклоненіе — природѣ.

Какъ прелестна дорога за Курскомъ! Цвѣтущіе луга лежатъ по обѣимъ сторонамъ ея; прекраснѣйшія деревья, прекраснѣйшіе кустарники, подобно цвѣтникамъ разбросаны отъ мѣста до мѣста; стада пасутся между ими. Смотря

на покоющихся овечекъ, на поющихъ пастуховъ, на травки и цвѣточки, чувствуешь какое-то небесное вдохновенiе и хочешь схватить сельскую свирѣль, чтобы пѣть съ Геснеромъ щастiе пастуховъ и пастушекъ.

Надлежало переѣзжать рѣку Сеймъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Курска. Вмѣстѣ со мною взошли на паромъ множество крестьянъ и крестьянокъ. Между ими примѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ сѣдой старикъ, идущiй на богомолье. Онъ сидѣлъ на краю, устремивъ взоры на влажную бездну, подъ нимъ шумящую; нѣчто святое оживляло черты лица его; казалось, что одна тонкая завѣса отдѣляетъ отъ него вѣчность, и что

онъ простираетъ уже руки къ послѣднему убѣжищу жизни. Рядомъ съ нимъ сидѣли двѣ молодыя крестьянки, смотря также на волны; онѣ были прекрасны; ихъ робкая улыбка разнообразила съ сѣдою бородою старца; онѣ разцвѣтали — онъ отцвѣталъ; — онѣ улыбались на земныя радости — онъ мечталъ о небесныхъ. Я не могъ перестать глядѣть на сіи двѣ противныя эпохи человѣческой жизни.

ПИСЬМО XII.

Малороссія.

Я ступилъ ногою на ту землю, которая была театромъ великихъ происшествій въ

Исторіи нашей, добычею сосѣднихъ державъ, и отечествомъ самыхъ миролюбивыхъ людей. Сей прекрасной климатъ, сія прекрасная земля, сей народъ ее населяющій достойны были лучшей участи — достойны были покоиться подъ тѣнію вѣчнаго мира, которымъ они наслаждаются наконецъ подъ Россійскою Державою.

Я гулялъ по берегу рѣки Алешны, въ деревнѣ Писоремкѣ (гдѣ пишу сіе письмо теперь), и смотря на зеленые лѣса, которые здѣсь зеленѣе кажутся, нежели лѣса на Сѣверѣ — на рѣку, которая свѣтлѣе рѣкъ нашихъ, на небо ясное и голубое, чувствовалъ всю теплоту Юга и всю горячность сердца:

Ахъ! какъ хотѣлось мнѣ на-
ей разъ дышать симъ воз-
ухомъ вмѣстѣ съ тѣми,
ого люблю я всего болѣе въ
іірѣ!

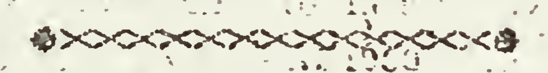
Въ сію деревню пріѣхалъ
въ 6 часовъ, — напился аро-
латическаго чаю на бальза-
лической травѣ — написалъ,
що вы читали — и хочу
ѣхать далѣе, оживленный во
сѣхъ чувствахъ, неся образъ
вашъ въ душѣ моей, и об-
разъ всего мнѣ любезнаго.

Естьли всегда будетъ
такъ свѣтло сердце мое,
стьли всегда буду такъ гар-
монировать съ природою,
стьли жизнь моя, однимъ
словомъ, будетъ всегда цѣпью
на их пріятныхъ впечат-
лѣній, то я скажу, вопреки
нѣкоторой Философіи, что
радости, которыя чувстви-

тельной человѣкъ вкушаетъ въ семъ мірѣ, стоили того, чтобы природа произвела его на свѣтъ для сихъ минутныхъ радостей, не смотря на слезы его и бѣдствія. Горести разительны; потери сердца ужасны и очень ужасны. . . . . .

J' ai trop à mes depens appris à le (connoitre.

Но за то тѣмъ живѣе чувство счастія и радости. И птички, послѣ тихой бури, поютъ веселѣе.

ПИСЬМО XIII.

Сумы.

Первой Малороссійской городъ по сей дорогѣ, чрезъ которой проѣзжалъ я, былъ

Суджа, не важной городъ; за нимъ послѣдовали Сумы, гдѣ теперь остановился, и въ нихъ нѣтъ также ничего примѣчательнаго — по крайней мѣрѣ для моихъ глазъ и для моего сердца. Одни зданія, одни виды, одни люди для меня не интересны; я не могу заняться никакою книгою, никакимъ разговоромъ, никакимъ важнѣйшимъ предметомъ въ свѣтѣ, естьли сей самой предметъ не трогаетъ моего чувства, или не возбуждаетъ во мнѣ никакой идеи.

Я разговаривалъ съ однимъ умнымъ Малороссіяниномъ. — „Вы не богатѣе другаго народа, и живете такъ чисто, такъ хорошо, гораздо лучше нашихъ крестьянъ.„ — „Это правда; мы лю-

бить чистоту. Мы кажемся сами себѣ лучше и богатѣе, когда все вокругъ насъ показываетъ опрятность и изобиліе." — И вы не бѣдны въ самомъ дѣлѣ; однакожъ вы не наживаетесь отъ проѣзжихъ, и угощаете ихъ не за дорогую цѣну. — (съ улыбкой) „Отъ того мы и наживаемся, что не требуемъ никогда лишняго. Скупость раждаетъ скупость, великодушіе дѣлаетъ великодушнымъ. Дань, наложенная корыстолюбіемъ, досадна. Платежъ добровольной и предоставленной великодушію превосходитъ всегда цѣну вещи. Въ первомъ случаѣ мы дѣлаемъ только должное, иногда принужденное, но въ послѣднемъ подвергаемъ опыту нашу щедрость, — обязываемъ благодарностью къ себѣ и по-

;кетъ выгодное мнѣніе о се-
ѣ. „— Какъ вамъ кажется
:акая Философія въ про-
тоомъ крестьянинѣ?

Въ Сумахъ нѣтъ ничего
римѣчательнаго, но за горо-
омъ по Ахтырской дорогѣ,
ельзя не замѣтить съ удо-
ольствіемъ столѣтнихъ Осо-
оровъ, посаженныхъ по обѣ-
мъ сторонамъ плотины
резъ рѣку, гдѣ пѣшеходецъ
томленный жаромъ скры-
ается въ тѣни и прохладѣ.
I самъ пошелъ пѣшкомъ изъ
орода, оставивъ экипажъ
азади — и увидя сію густую
ллею, сѣлъ отдохнуть подъ
еревьями на берегу рѣки.
)ни бросаютъ зеленыя тѣни
іа кристальную поверхность
зодъ, и волнующіяся воды
играютъ, кажется, ихъ мель-

кающими тѣнями. Я долго стоялъ, радовался, и наконецъ началъ въ семъ сладкомъ убѣжищѣ читать Поэму: Таврида, которая была со мною.

ПИСЬМО XIV.

Слобода Баромля.

Сія слобода, на рѣкѣ сего имяни населенная въ прекрасной картинѣ очаровала меня; но въ ней ожидало меня еще сладчайшее очарованіе. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ почтоваго двора, стоялъ свѣтлинькой домикъ: передъ нимъ зеленѣлъ цвѣтникъ; двѣ дѣвушки лѣтъ въ 20 выглянули изъ окошка. Я поклонился имъ, и пошелъ гулять, но вдругъ молодой

человѣкъ явился передо мною. Хозяинъ проситъ васъ посѣтить его, сказалъ онъ мнѣ снявъ шляпу. — Съ удовольствїемъ, отвѣчалъ я, заплативъ ему тою же учтивостїю, и послѣдовалъ за нимъ. Отецъ съ двумя дочерьми встрѣтили меня съ сельскою простотою — потчивали кофеемъ и разговаривали со мною объ моемъ путешествїи. Старикъ сохранилъ почтенной характеръ своей нацїи, и его можно назвать съ Оссїаномъ сыномъ древности; но большая дочь, воспитанная въ новѣйшїя времяна, милая и ловкая, начала мнѣ скоро хвалить удовольствїе сельской жизни. — „Въ городѣ жить скучно; по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется — деревенскимъ жителямъ, которые

привыкли пользоваться жизнїю, трудиться и гулять по прекраснымъ полямъ нашимъ весною и осенью. Этого нельзя дѣлать въ шумѣ общества и въ нарядныхъ платьяхъ.„ — „Правда, сударыня, правда, и вамъ завидуютъ тайно въ сердцѣ своемъ наши горожанки. Вы счастливы, что умѣете такъ пользоваться сельскими прїятностями, и достойны вашего счастїя.„ — Она отблагодарила меня; разговоръ продолжался — и мы съ нею чрезвычайно гармонировали. Братъ ея, жившїй долго въ Крыму, хотѣлъ меня увѣрить, что удовольствїе быть на горѣ Чатыръ-дагѣ, откуда видѣнъ весь полуостровъ Тавричеекой, не можетъ наградить

за тотъ трудъ, котораго оно стоитъ. Она спорила съ нимъ, и утверждала, что одинъ взглядъ съ оной горы, гдѣ ясность и тишина царствуютъ на долину, гдѣ носятся облака подъ ногами, и бури свирѣпствуютъ, — наградитъ конечно за самые тягчайшїе труды. Однимъ словомъ, вы не повѣрите, какъ умно и прїятно говоритъ сїя молодая дѣвушка.

Хозяинъ дома есть Дворянинъ Малороссїйской Карповъ. Еще отдаленнѣйшїе предки его владѣли сею землею, и онъ говоритъ, что не могъ бы безъ слезъ разстаться съ симъ наслѣдственнымъ кровомъ, гдѣ столько лѣтъ жилъ дѣдъ его, отецъ, и наконецъ онъ самъ съ своею семьею, въ простотѣ и счастїи.

Сія привязанность къ родинѣ, сіе счастіе переходящее изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ сельскимъ домомъ, сіи слова въ устахъ сѣдаго и почтеннаго старца тронули меня до слезъ.

Съ сею встрѣчею осуществилась отъ части сладчайшая мечта моего воображенія, восхитительнѣйшая фантазія юности. Сколько разъ думалъ я, сколько разъ живо представлялъ себѣ, какъ буду жить съ нѣжною подругою, съ плодами еще нѣжнѣйшими любви нашей, въ сельскомъ домикѣ, въ тишинѣ сердца и природы. Безъ заботъ, безъ попеченія о фортунѣ, безъ страха о судьбѣ своей, съ нѣсколькими книгами, съ добрыми поселянами проводилъ бы я жизнь

свою тихо, но покойно, не богато, но весело — и былъ бы не извѣстенъ въ мірѣ, но дорогъ и незабвенъ для сердецъ, достойныхъ хранить память добраго человѣка. Мнѣ хотѣлось сверьхъ того, чтобы дѣти, мною воспитанные въ добронравіи съ однимъ просвѣщеніемъ необходимымъ для счастія, передали и сіе щастіе, и сіи нравы, и самую сію хижину своимъ дѣтямъ, и чтобы такимъ образомъ поколѣніе мною начатое, перерождаясь изъ одного въ другое, продолжало жить однимъ умомъ и однимъ сердцемъ, которые никогда не угасаютъ въ мірѣ. Сладостно думать, что эхо, которое повторило бы въ темномъ лѣсочкѣ клятву любви послѣднѣйшаго потомка,

было бы только черезъ тысячу столѣтій однимъ отзывомъ того голоса, которой въ семъ самомъ лѣсочкѣ, въ глазахъ неба и природы, клялся устами моими любить новую Сарру, мать новыхъ Израилей. Это была одна мечта конечно; но жизнь видимаго мною семейства показала мнѣ тѣнь возможности, и можно по крайней мѣрѣ думать, что нѣкогда родятся люди, которые съ выгодами здравой Философіи, пользуясь одними благами общежитія и удаляясь отъ безчисленныхъ золъ его, представятъ на землѣ примѣръ едва ли вѣроятный въ вѣки наши.

Что касается до красавицы, то я буду также

всегда любить ея образъ. Никакая городская Грація не могла бы такъ восхитить мою душу; самая достойнѣйшая дѣвушка едва ли бы не потеряла цѣны въ глазахъ моихъ, естьли бы я встрѣтилъ ее блестящую нарядомъ, въ кругу романическихъ обожателей, веселую въ шумѣ свѣта и общества; но молодая дѣвушка съ милымъ лицемъ, съ прекрасною душею, которая въ присутствіи отца и матери безъ нескромныхъ рукоплескателей свѣта, подъ тѣнью дерева, въ тихой вечеръ, играетъ или поетъ, которая умѣетъ трогаться красотами натуры, гармоніи и домашней жизни, которая наконецъ читаетъ Руссову Элоизу, не изъ любви къ одимъ

романамъ, но для того, чтобы научиться благородству и нѣжности того невольнаго чувства, которое уже говоритъ въ ея сердцѣ сильнѣе и опаснѣе всякаго романа — такая дѣвушка есть для меня совершеннѣйшее творенiе въ мiрѣ. Я нашелъ почти сiе любезное существо и посвятилъ ему всю ту часть души моей, которую могъ посвятить безъ нарушенiя другихъ священнѣйшихъ правъ.

Надлежало проститься съ гостепрiимнымъ семействомъ. — Жалѣю, сказалъ я съ растроганнымъ чувствомъ; жалѣю, что не могу долѣе пользоваться прiятнымъ вашимъ знакомствомъ. — Они пожелали мнѣ счастливаго пути, и мы разстались. Не

знаю, что они нашли во мнѣ; но я — я полюбилъ ихъ, какъ родныхъ своихъ; они будутъ раздѣлять сердце мое съ любезнѣйшими мнѣ людьми, и счастіе ихъ останется одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній.

Узнаю въ сію минуту, что сія любезная женщина, сей земной ангелъ, сія новая Шарлотта, объ которой писалъ къ вамъ, за мужемъ, и за тѣмъ самымъ, котораго принялъ я за ея брата, и которому она во всемъ противорѣчила. Всегда ли Шарлотты будутъ за Алъбертами?

ПИСЬМО XV.

Роменъ.

Пребываніе Александра нашего вѣка въ семъ городѣ, дѣлаетъ его любопытнымъ для путешественника. Онъ имѣлъ въ немъ главную свою квартиру, пробираясь чрезъ Украйну; но, искусно вымaненный хитростію мнимаго своего Дарія, онъ провелъ двое сутокъ въ дикой степи, на открытомъ полѣ, среди жестокаго мороза, между Гадячемъ и Ромнемъ въ то время, когда Россійскія войска заняли сей послѣдній городъ.

Я ходилъ въ задумчивости послѣдамъ его, и — можно

сказать — съ нимъ вмѣстѣ; мнѣ казалось, будто я вижу и его самаго, и долину, на которой страдало его честолюбіе. Мнѣ не хотѣлось перестать читать на лицѣ и въ душѣ его исторію сердечныхъ сокровенностей.

Выѣхавъ изъ сего города, встрѣчалъ я почти на каждой верстѣ могилы или курганы насыпанные землею, гдѣ скрываются слѣды войны и остатки человѣчества. Я не могъ видѣть ихъ безъ содроганія. Къ томужъ въ сихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ видны памятники разрушенія, гдѣ свѣжи еще слѣды кровопролитія, находится множество селитряныхъ заводовъ. Сія близость человѣческаго праха къ орудію разрущенія и по-

гибели возбуждаетъ тысячу идей. Я ходилъ по заводамъ, и думалъ о баснословномъ Вулканѣ, которой работалъ для Юпитера перуны на другихъ боговъ...

ПИСЬМО XVI.

Веприкъ.

Городъ Веприкъ есть тотъ самой, которой былъ осажденъ Карломъ XII три раза безъ успѣха, не смотря на превосходное число его войска. Гарнизонъ нашъ здался, по изтощеніи всѣхъ средствъ сопротивленія. Осталось только 1000 человѣкъ съ тремя полевыми пушками.

Такъ покорялись Греки и Римляне!

Въ семъ мѣстечкѣ имѣлъ я минуту, незабвенную въ жизни. У заставы сидѣлъ нищей. Онъ не просилъ милостыни; но черты лица его, но выраженіе его взоровъ, но тайные вздохи, вырывающіеся изъ груди, сказывали, что онъ терпитъ нужду. Я подалъ ему бездѣлицу — и почувствовалъ такое внутреннее движеніе, котораго описать не умѣю. Упоеніе пролилось въ душу мою. Я былъ безъ памяти — не слыхалъ, что говорилъ благодарный старикъ — и не видалъ, что вокругъ меня происходило; какой-то сладкой голосъ раздавался въ природѣ и въ моемъ сердцѣ; все казалось мнѣ вокругъ меня веселѣе и небо, и травка, и поющіе птички, и шумящіе ручейки, и

собственное бытіе мое. Около часа не могъ я собраться съ разсѣянными мыслями. Наконецъ вздохъ, вылетѣвшій изъ глубины сердца привелъ меня въ самаго себя. Говарды, Рюмфорды! вѣрю, что ваши наслажденія были живѣе наслажденій всѣхъ щастливѣйшихъ Аристипповъ и Лукулловъ.

ПИСЬМО XVII.

Липова долина.

Такъ называется деревня или слобода, гдѣ я сего дня обѣдалъ. Въ хатѣ своей сидѣла мать съ двумя младенцами: одинъ лежавъ на рукахъ, сосалъ грудь ее; другой игралъ на скамьѣ. Такая

мать должна быть счастлива, думалъ я; но не видалъ въ ея выраженіяхъ сердечнаго удовольствія: мнѣ хотѣлось читать въ ея сердцѣ. — Любишь ли ты мужа своего, спросилъ я сперва, какъ будто бы боясь, чтобъ отвѣтъ ея не лишилъ меня вдругъ сладкаго обмана? — Онъ мужъ мнѣ, отвѣчала она. — Такъ любишь ты и дѣтей своихъ? — Очень люблю; но съ ними хлопотно, съ ними много горя. — Ахъ! нѣтъ; съ ними легко носить горе; — захотѣла ли бы ты перестать быть крестьянкою и сдѣлаться Госпожею, промѣнять хижину на палаты, посредственность на богатство? — Кто не хочетъ добраго? — Однакожъ ты не терпишь нужды въ твоемъ со-

стоянїи; а наше имѣетъ свои безпокойства, свои горести. — Однакожъ, баринъ!.. твое состоянїе счастливѣе. — Лучше быть тѣмъ, что ты есть. — Нѣтъ! все бы лучше. . . . Она не договорила словъ своихъ и вздохнула; я также вздохнулъ отъ мысли, что просвѣщенїе необходимо для счастїя, что оно даетъ намъ чувствовать цѣну нашего состоянїя въ сравненiи съ другими, и что просвѣщенная крестьянка посреди дѣтей своихъ, имѣя милаго мужа, не позавидуетъ никогда удовольствiямъ свѣта и жизни городскихъ Сибаритовъ.

Послѣ того ходилъ я къ Жиду, которой прїѣхавъ изъ Польши, поселился въ семъ мѣстѣ. Онъ читалъ книгу

вЪ то время, когда я пришелЪ кЪ нему; множество другихЪ книгЪ лежало вокругЪ его; лице показывало очень умнаго человѣка. Я осмѣлился заглянуть вЪ книгу; это была Еврейская Библія. — Завидую, сказалЪ я ему по Нѣмецки, что вы умѣете читать на томЪ языкѣ, на которомЪ писана Библія. — У васЪ есть переводЪ, отвѣчалЪ онЪ. — Правда; но переводЪ не есть подлинникЪ; вЪ немЪ пропадаютЪ многія красоты. КЪ томужЪ наша Славянская переложена сЪ Греческой. Такую книгу, гдѣ хранятся всѣ великія истинны, гдѣ Божество устами святѣйшихЪ СыновЪ своихЪ изрекло законы добродѣтели и мудрости, откуда самой философической умЪ почерпаетЪ

лучшія мысли, гдѣ наконецъ одно невѣжество находитъ зло и порокъ; — такую книгу, священную для ума и сердца, любопытно читать въ подлинникѣ, и......... — Я хотѣлъ продолжать: нѣкоторой священной жаръ пылалъ въ груди моей; но почтенной мой Раввинъ, не входя совсѣмъ въ мои чувства, началъ говорить со мною о другомъ. Мнѣ не хотѣлось потерять душевнаго жара; я пресѣкъ разговоръ, и пошелъ отъ него гулять съ остаткомъ чувствъ и мыслей моихъ.

Гуляя и размышляя съ самимъ собою, вспоминалъ я о тѣхъ безумныхъ людяхъ, которые смѣли вооружаться противъ Религіи, и наконецъ вспоминалъ и о томъ Жидѣ,

извѣстномъ въ ученомъ мірѣ, которой написалъ систему объ атеизмѣ. Это былъ часъ утра: птички сладко пѣли; травка вездѣ зеленѣла; небо и земля радовались; казалось, что природа торжествовала въ присутствіи Бога. Я не хотѣлъ вѣрить, что Спиноза былъ атеистомъ, и чтобъ атеисты могли быть въ мірѣ.

ПИСЬМО XVIII.

*Деревня****

Нынѣшній день сдѣлался такъ жарокъ, что лошади мои, утомленныя зноемъ и пылью, едва передвигали ноги; я самъ чувствовалъ тѣлесное разслабленіе, и оста-

новился отдохнуть въ одной крестьянской хатѣ. Мужъ молодой и прекрасной собою съ женою еще прекраснѣйшею сидѣли оба за работою. Онъ ткалъ холстину, она пряла шерсть. — Извольте сѣсть, сказали они мнѣ, но не безпокойно ли будетъ для васъ стукъ стана? — Ничего, отвѣчалъ я учтивымъ крестьянамъ и сѣлъ на скамьѣ. Тутъ увидѣлъ я пріятную сцену. Мужъ и жена, молодые супруги, въ нѣкоторомъ упоеніи взглядывали другъ на друга съ нѣжною улыбкою, трогали одинъ другаго рукою, назывались пріятнѣйшими именами и смѣялись. Скоро они забыли и работу и гостя, и конечно всю вселенную, и бросились другъ къ другу ласкаться.

Ласка ихъ была самая горячая, но и самая цѣломудренная; строгіе Римляне конечно бы ее не осудили. Наконецъ они опомнились, захохотали — и спросили: не надобно ли мнѣ молока и яицъ? — Казалось, что они стыдились своей нескромности. Молодая крестьянка стояла съ потупленными глазами; румянецъ любви и стыдливости горѣлъ на лицѣ мужа; но сей самой румянецъ, сіе замѣшательство составляли живѣйшую сцену любви.

Я узналъ отъ нихъ, что они около мѣсяца носятъ названіе счастливыхъ супруговъ. Имена любовниковъ не новы кажется для сердецъ ихъ. Они выросли вмѣстѣ подъ одною кровлею, играли

вмѣстѣ въ младенчествѣ — и нынѣ играютъ подъ вѣнцемъ любви своей.

Живая картина любви въ состоянїи земледѣльца распалила мое воображенїе. Разставшись съ ними, мечталъ я во всю дорогу объ удовольствїяхъ простой жизни, и прекраснѣйшїй романъ родился въ головѣ моей. Есть-ли судьба или превратность вещей человѣческихъ перемѣнитъ когда нибудь состоянїе мое въ обществѣ; то я, не задумаясь ни на минуту, сдѣлаюсь земледѣльцемъ, выберу себѣ подругу, и вмѣстѣ съ нею поселюсь въ низкой хижинѣ. Тамъ, въ часъ солнечнаго восхожденїя, буду пробуждать любезную на рукѣ друга покоющуюся; тамъ буду съ нею обработывать

уголокъ земли, или стеречь барашковъ и овечекъ; тамъ плоды земные, молоко и хлѣбъ будутъ нашею пищею; мягкая солома — постелью, вечерніе часы — отдохновеніемъ. Тамъ останется изъ моей библіотеки Цицероновъ трактатъ о Богѣ, Сен-Ламбертова книга о морали для всѣхъ народовъ, и — признаюсь въ слабости — всѣ четыре тома Новой Элоизы. Я буду читать, любить и трудиться; подруга моя будетъ мнѣ въ угожденіе пѣть Рускія пѣсни, а я въ угожденіе ей буду переводить наизусть нѣжнѣйшія письма Аглинскихъ любовниковъ (1); послѣ

(*) Авторъ сего путешествія давно занимается симъ переводомъ. Первой томъ близокъ къ окон-

чтенія, прогулки, работы, послѣ слова *люблю тебя*, я прилягу къ ея груди; она приляжетъ къ головѣ моей, и мы сладко заснемъ съ образомъ счастія, съ образомъ того нѣжнаго плода, которой въ Ангельской улыбкѣ разцвѣтаетъ всегда предъ воображеніемъ супруговъ. Вы скажете, что это одна романическая идея, и что возможное для меня невозможно, можетъ быть, для женщины, которая должна быть моею подругою. Но я не вижу причины сомнѣваться. Женщины не все-

---

чанію. Можетъ быть вскорѣ за сими письмами могла бы послѣдовать и Новая Элоиза, естьлибъ Переводчикъ осмѣлился когда нибудь выдать Руссо на Рускомъ языкѣ.

гда любятъ уединеніе, не всегда согласятся на такой родъ жизни; но естьли любовь требуетъ жертвы, естьли должно слѣдовать за тѣмъ, кто милъ сердцу: нѣтъ тогда ничего невозможнаго для женскаго сердца, и прекраснѣйшія изъ существъ творятся славнѣйшими Героинями добродѣтели и твердости. Къ тому же, хоть не умѣю точно разсказать вамъ мое видѣніе, но я вижу, какъ будто бы въ тѣни, милую красавицу, которая уже надѣваетъ легонькой карсетецъ, беретъ соломенную шляпку съ посошкомъ, и съ улыбкою подаетъ мнѣ руку. Вамъ оставляю изъяснять такое видѣніе.

Романическія идеи на сторону. Мнѣ кажется, что можно потерять свое мѣсто

въ обществѣ, не потерявъ тѣхъ способностей, которыя служатъ основанiемъ нравственнаго бытiя и должны служить основанiемъ счастiя. Намъ данъ разумъ для того, чтобы мыслить о вещахъ, разбирать человѣка и природу; въ насъ есть сладкiя движенiя души, которыя даютъ намъ чувствовать въ одно мгновенiе неизчетныя наслажденiя. Съ сими двумя прекраснѣйшими способностями человѣкъ можетъ всегда и вездѣ дѣйствовать, облетать пространство возможностей, и наслаждаться; ихъ никто отнять не можетъ, тиранство человѣческое не похититъ того, что хранится во глубинѣ сердца, и въ чемъ Вышняя воля заключила сѣмена счастiя.

ПИСЬМО XIX.

Бориспольская станція.

Теперь пишу въ тридцати верстахъ отъ Кіева въ ожиданіи лошадей, за которыми побѣжали почтари. И такъ я ужъ проѣхалъ часть Малороссіи, которая обращаетъ на себя все мое вниманіе. Съ отмѣннымъ любопытствомъ прохожу и осматриваю все на здѣшней сторонѣ.

Сообщаю нѣкоторыя мои примѣчанія о простомъ народѣ.

Малороссіяне сохранили еще нѣчто изъ древняго своего характера. Они любятъ отечество и его славу; ибо слухъ ихъ привыкъ къ симъ

именамъ, и собственная слава ихъ всегда была тѣсно связана съ долгомъ патріотизма. Они помнятъ, что собственная рука ихъ защищала отечество противъ безчисленныхъ враговъ, и память Хмельницкихъ жива еще въ душахъ ихъ.

Хлѣбопашество занимаетъ малую часть ихъ времени и хозяйства. Они обработываютъ одинъ уголокъ земли для пропитанія себя въ теченіи года; вся прочая усадьба остается подъ лугами, на которыхъ зрѣетъ ихъ главное богатство, и гдѣ вскармливаются многочисленныя и тучныя стада воловъ. Они почитаютъ скотоводство лучшимъ способомъ жизни и вѣрнѣйшею наградою трудовъ своихъ.

Легко судить можно, что земледѣльное искуство находится еще здѣсь въ младенчествѣ; но для того, чтобъ оно процвѣтало, какъ въ Англіи, требуется уже нѣкоторое совершенство во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго художества и наукъ, которыхъ заря едва ли еще взошла на землѣ нашей.

Я видѣлъ круги семейства ихъ; — видѣлъ, что супруги любятъ другъ друга и дѣтей своихъ, также какъ дѣти любятъ своихъ родителей. Взаимная любовь производитъ въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ лучшую гармонію и порядокъ, нежели власть и повиновеніе у насъ. Я рѣдко видалъ ссоры между ими; они не терпятъ ихъ, и согла-

сіе есть первымъ закономъ ихъ супружества.

Женщины добры, смирны и чадолюбивы. Онѣ стараются угождать самымъ тайнымъ желаніямъ мужей своихъ, и сердце ихъ привыкло ясно читать въ сердцѣ милаго человѣка. Дѣти служатъ имъ утѣшеніемъ а не тягостію, и вмѣстѣ залогомъ супружеской любви.

Законы супружества соблюдаются свято; рѣдкая женщина имѣетъ своего Чичисбея, извѣстнаго не подъ однимъ пламеннымъ небомъ Италіи, но и въ Сѣверѣ нашемъ между самымъ простымъ народомъ.

Дѣвицы напротивъ того имѣютъ довольно свободное обхожденіе; каждая изъ нихъ

есть Нарина (*), рѣзвая и привлекательная. Нѣтъ прекрасныхъ женщинъ; но всѣ онѣ имѣютъ выразительное лице, на которомъ написано пламенными чертами чувство души ихъ. Онѣ стройны и ловки для крестьянокъ. Одежда ихъ не безобразна. Бѣлое покрывало, называемое *наметъ*, одѣваетъ голову женщины, и виситъ распущенными концами; ленточка или повязка, изъ подъ которой выбираются волосы и переплетаются косами, украшаютъ головы дѣвушекъ.

Мущины носятъ такъ называемые *сиряки*; — всѣ брѣютъ себѣ не только бороды, но и часть волосъ на головѣ

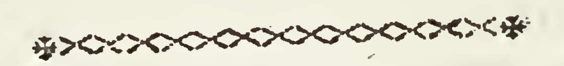
(*) См. Voyage de F. le vaillant, tome I. page 370.

вокругъ лба и щекъ. Они имѣютъ вообще умныя лица.

Кажется, что самой вкусъ Малороссіянъ есть вкусъ изящнаго, и что онъ образовался по натурѣ, которая такъ великолѣпна передъ ихъ глазами. Всѣ деревни или хуторы ихъ расположены въ прекрасныхъ мѣстахъ; каждая хата, чистая и бѣлая окружена цвѣтущимъ садомъ со зрѣющими плодами; окны осѣнены осокорами или липами; у каждаго поселянина есть скрипка и любимая овечка въ стадѣ. Не кажется ли, что это самой просвѣщенной поселянинъ? Не такъ ли и Руссо и Клейнъ — Шпокъ любили натуру?

Малороссійской народъ достоинъ любопытства и можетъ быть славы, естьли

не одинъ наружной блескъ въ состоянїяхъ человѣческихъ заслуживаетъ уваженїе.

ПИСЬМО XX.

Кїевъ.

Дорога чрезъ Малороссїю отъ Курска къ Кїеву прекрасна; то цвѣтущїе луга, то зеленые лѣсочки, то долины увѣнчанныя пригорками увеселяютъ взоры путешественника. Но приближаясь къ Кїеву, сцена перемѣняется; лѣса рѣдки, земля пуста, селенїя бѣдны; — волшебство натуры исчезло.

Отъ Бориспольскаго (послѣдней станцїи къ Кїеву) ѣхалъ я около часа по ровному мѣсту, между влаж-

ныхъ болотъ, безъ удовольствія для сердца и безъ пріятности для глазъ. Я ожидалъ увидѣть прекрасныя мѣста вокругъ Кіева — и не встрѣчалъ ничего, кромѣ степей. Летѣлъ мыслями къ предмету пламенныхъ моихъ желаній — и движущіеся пески, какъ будто бы мнѣ въ досаду, препинали путь мой. Я терялъ терпѣніе.

Въ самое то время, когда любопытство мое обвиняло въ медленности и пески, и природу, и лошадей, и проводника, зазеленѣлся густой сосновой лѣсъ, и немного повыше его, подобно блестящей точкѣ, сверкнула одна златая глава Печерской Лавры. Вотъ Кіевъ, твердилъ я самъ себѣ, вотъ Кіевъ,

и чувствовалъ радость. Мы въѣхали въ чащу бора.

Мрачныя сосны, возносящіяся къ облакамъ, опирались вѣковыми корнями на сыпучій бѣлой песокъ; святая древность цвѣла на ихъ кудрявыхъ вершинахъ; молчаніе, мракъ и ужасъ царствовали во внутренности бора. Я видѣлъ тутъ разительной образъ того времени, когда Кіевское Княжество стенало подъ игомъ чуждыхъ народовъ, когда гремѣли цѣпи наложенныя рукою побѣдителя, и гибельное варварство производило явленія, однѣ другихъ ужаснѣйшія. Онѣ мечтались мнѣ. Сѣдой старецъ, согбенной тяжестію лѣтъ, мертвой для радости жизни, но еще живой для любви къ отечеству,

возносилъ на небо томное око, моля его о спасеніи Царя Русскаго, о спасеніи народа Русскаго: онъ стоялъ на колѣняхъ — послѣдній вздохъ жизни его готовъ былъ въ жертву; но небо не принимало жертвы несчастнаго. Тамъ слабая женщина, оживленная материнскою любовію, сражалась за невинность дочери своей; злодѣи похищали ее — и цвѣтъ невинности увядалъ съ жизнію матери. Во мракѣ густаго лѣса, подъ меланхолической сосною, скиталась по песку блѣдная красавица, съ дикимъ взоромъ, съ растрепанными волосами; она искала слѣдовъ нѣжнаго юноши на войнѣ убитаго, и ожидала, чтобы взошелъ свѣтлый мѣсяцъ надъ его могилою.... Кажется, что рука

времени сохранила сей мрачной сосновой лѣсъ для того, чтобы онъ остался вѣчнымъ памятникомъ таких печальныхъ происшествій, и оживлялъ передъ глазами Исторію нашего отечества.

Лѣсъ мало по малу тѣрялся; зеленая отдаленная гора, бѣлыя кучи песковъ, нѣсколько блестящихъ главъ показывались сквозь рядъ деревьевъ, и опять за деревьями скрывались. Я напрягалъ зрѣніе, но — не могъ ничего видѣть. Одно любопытство мое воспалялось.

Наконецъ — перерывается преграда. Величественный Днѣпръ, въ синей равнинѣ, развивается нечувствительно передо мною. Я вижу Амфитеатръ горъ, возвышающихся

изъ уступовъ въ уступы, поддерживающихъ, подобно величественному піедесталу, седиглавую Печерскую Лавру, и церковь Андрея Первозваннаго, и подносящихъ сіи храмы къ самымъ облакамъ, какъ будто бы въ даръ небу отъ земли; — вижу красоты природы, величество Бога и твореніе ума человѣческаго: соединеніе всего, что есть изящнѣе въ предѣлахъ міра. — Вижу тысячи богомольцевъ спѣшащихъ къ берегу, тысячи народа, покрывающаго обширной лугъ передъ рѣкою, тысячи другихъ плывущихъ съ свѣтлымъ взоромъ благоговѣнія: — вижу множество женщинъ, высаженныхъ на другомъ берегу, крестящихся на небо, и съ смѣлостію взбирающихся на крутизну

горъ, по тяжелому песку изъ любви къ трудамъ и Богу (*); — вижу все оное — переплываю самъ божественной Днѣпръ — лечу на верьхъ — и чувствую оживленіе всѣхъ жизненныхъ силъ. Холодные люди, холодные Философы! не посѣщайте сего мѣста; но вы, имѣющіе сердце и воображеніе, взгляните на сію живость, шумъ и толпу людей

(*) Я видѣлъ старушекъ, которыя всходили по самому крутому мѣсту горы и сказывали мнѣ сами, что онѣ такъ трудятся для Бога. — Число богомольцевъ, которые приходятъ всякое лѣто покланяться Святымъ мощамъ, бываетъ до 60,000 человѣкъ, по численію одного любопытнаго. Въ мой пріѣздъ, было ихъ конечно не менѣе 10,000 на лугу передъ Днѣпромъ, въ лодкахъ и на другомъ берегу.

покланяющихся Богу, — и Кїевъ останется навсегда въ памяти вашей.

Мнѣ хотѣлось бы гулять по городу — и меня удерживаютъ; хотѣлось бы заглянуть подъ мрачные своды пещеръ, — и высокая гора стоитъ между ими и мною; хотѣлось бы насытить взоръ свой и первымъ храмомъ Христїанства (*), и жилищемъ Великаго Владимїра, и убѣжищемъ новыхъ Анахоретовъ, — но макъ ночи скрывъ городъ, смѣется, кажется, моему нетерпѣнїю.

Почти со слезами вхожу въ маленькую комнату нанятую мною. Она мнѣ кажется темницею. До раз-

(*) Т. е. церковь Андрея Первозваннаго.

свѣта не увижу Кїева. Какъ тяжело духу, когда онъ летѣть хочетъ, а ему подсѣкаютъ крылья!

Чтожь дѣлать? Разбираю книги свои, выставляю дорожной письменной ящикъ и поселяюсь съ душею и мыслями въ новомъ кабинетѣ; тутъ буду возвращать вѣки скрытыя во мракѣ временъ; тутъ буду вопрошать тѣни людей и непремѣнные законы натуры; тутъ буду наконецъ бесѣдовать съ друзьями о произшествіяхъ, объ судьбѣ земныхъ вещей и объ моихъ чувствахъ.

Спѣшу спать; ибо за сномъ ожидаетъ меня удовольствїе.

ПИСЬМО XXI.

Кïевъ.

Нетерпѣнïе пробуждаетъ меня въ 4 часа утра. Ужъ я готовъ бѣжать; но вдругъ новая мысль меня удерживаетъ: *ко мнѣ есть вѣрно письма отъ друзей моихъ.* Простите, мѣста прекрасныя! Прости Кïевъ! Прости первое нетерпѣнïе! Все забылъ; бѣгу на Почту.

Ахъ! любить и быть любимымъ есть первое земное благо! Съ какимъ сладкимъ чувствомъ читалъ я письма друзей моихъ! Эта минута заплатила мнѣ и за долговременную неизвѣстность и за разлуку. Какъ

нѣжно пѣняетъ мнѣ дружба за то, что я лишилъ ее утѣшенія прощаться и проливать слезы! Какъ трогательно пишетъ любезный Д*** о дѣйствіи произведенномъ въ немъ моею комнатою, и о пустотѣ, которую мое отсутствіе оставило въ душѣ его. Слова: mais dissipons le nuage et n' en parlons plus — сіи слова до слезъ меня растрогали. Такъ! Ангелы завидуютъ конечно сердечнымъ союзамъ смертныхъ!

Наконецъ сердце мое удовлетворено, и я иду насытить любопытство мое, столько разъ перерываемое другими предметами; — иду взглянуть на картину Кіева.

Въ самомъ дѣлѣ величественная картина! Съ одной стороны Печерская крѣпость

съ ея предмѣстіями, съ ея зеленымъ валомъ, занимаетъ высокую гору надъ Днѣпромъ; съ другой стороны на нѣсколькихъ холмахъ съ Михайловскимъ и Софійскимъ монастыремъ, въ видѣ замковъ съ домами и садами, лежитъ старой Кіевъ; въ низу къ самому Днѣпру, подобно остроконечному мысу, у подошвы высокой горы видѣнъ *Подолъ*, украшенной также громадою зданій.

Златыя главы, отъ которыхъ сыплются огни и искры, зеленые холмы окружающіе Печерскую Лавру, Днѣпръ сверкающій отъ игры лучей солнечныхъ, барки разсѣкающія его волны съ шумомъ, лучезарное солнце, котораго злато со златомъ куполовъ переливается изъ

блеска въ блескъ, противоположной берегъ, гдѣ, кажется, небо и вода сливаются, и гдѣ тонкая зеленая опушка означаетъ горизонтъ; все сїе образуетъ такую картину, такое мѣстоположенїе, такое очарованїе, что всѣ чувства трогаются, одно за другимъ, самымъ прїятнѣйшимъ образомъ.

Естьли любовь къ природѣ и къ изящному моглабъ когда нибудь угаснуть въ душѣ человѣческой, то одинъ взглядъ на Кїевъ возжегъ бы ее снова.

ПИСЬМО XXII.

Кіевъ.

Дорога, идущая къ Печерской Лаврѣ черезъ валъ и крѣпость того же имени, обѣщаетъ нѣчто пріятное. Подъемные мосты украшенные зелеными перилами, ворота высѣченныя изъ камня и перегибающіяся надъ головою, бульваръ покрытый свѣжею зеленью, которая никогда не мялась подъ ногою человѣческою: все сіе увеселяетъ взоры. Внутри крѣпости возвышается арсеналъ, котораго архитектура есть самая великолѣпная, но еще неоконченная. Приближась къ стѣнамъ Печерской Лавры,

видишь на святыхъ воротахъ праведныхъ Мужей, оживленныхъ конечно не кистїю Эспаньолетта (*), но святыхъ и праведныхъ въ лицѣ своемъ. Вы проходите ворота, и за ними представляется вамъ восхитительное зрѣлище. Толпа людей покланяется Богу въ преддверїяхъ храмовъ и на помостѣ; толпа народа гуляетъ, шумитъ и тѣснится вокругъ святыхъ мѣстъ; множество великолѣпныхъ зданїй возвышаются въ стѣнахъ монастыря, и въ тѣни храмовъ прикасающихся къ облакамъ, сре-

(*) Славной живописецъ, которой въ одной Неапольской церквѣ (Eglise des chartreux) написалъ мастерски образа 12 ти Пророковъ.

ди краснорѣчія Религіи, среди Божіяго Величества, преклоняются къ землѣ тысячи келій, убѣжища мира и невинности, и каждая келья осѣняется столѣтними деревьями, и передъ каждою кельею цвѣтетъ садикъ. Вы смотрите — трогаетесь, и живо, живо чувствуете, что Богъ и природа остались единымъ, но совершеннѣйшимъ благомъ пустынниковъ.

Успенской Соборъ есть первая церковь и достойнѣйшая примѣчанія. Нѣсколько разъ рука непріятеля разрушала сей храмъ святости, и нѣсколько разъ неутомимая ревность сооружала новой храмъ на его развалинахъ. Наконецъ время, и конечно небо въ награду вѣрной набожности пощадили его; онъ

существуетъ нынѣ во всей цѣлости и славѣ. Образа, украшающіе иконостасъ, осыпаны дарами вѣрныхъ сыновъ церкви. Другія украшенія подарены Россійскими Государями; рака святаго Ѳеодосія посеребренная и позолоченная — Княземъ Георгіемъ; дискосъ со звѣздою, два золотыя блюдца и копье съ золотою рукояткою — Императрицею Анною; престолъ и жертвенникъ, цѣною въ 10000 руб. — Императрицею Елисаветою. Судите о богатствѣ всего прочаго, чѣмъ Вѣра и Любовь украшали церковь, что усердіе вышивало для одѣянія священно-служителей, что набожность въ кладъ полагала.

На лѣвой рукѣ отъ большаго входу написаны на стѣ-

нѣ портреты великихъ мужей нашего отечества. Великіе Князья и Малороссійскіе Гетманы являются одинъ за другимъ, къ великому удовольствію того, кто любитъ отечество и славные подвиги его сыновъ.

Вотъ и тотъ славной Хмельницкой, которой умѣлъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ ига Польши; ему обязана Малороссія своимъ спасеніемъ. Онъ достоинъ признательности народа, и народъ, чувствующій сію признательность, достоинъ такого начальника.

Князь Острозской, изваянной изъ бронзы, лежитъ на одрѣ, подъ балдахиномъ, и онъ имѣетъ право на при-

знательность Малороссійскаго народа. —

Взглянемъ съ чувствомъ на прочихъ Князей и Гетмановъ, которые болѣе или менѣе благодѣтельствовали роду человѣческому, и будемъ особливо искать между ими *Наливайко*, которой также защищалъ права своихъ соотечественниковъ передъ Поляками съ жаромъ Демосѳена и съ мужествомъ Хмельницкаго, хотя, будучи несчастливѣе сего послѣдняго, онъ погибъ жертвою своего патріотизма. Тщетно будемъ искать его; — нѣтъ сего великаго мужа! но Исторія не можетъ забыть имя его.

Приближимся къ лѣвому крылосу. Тутъ скрытъ прахъ другаго Героя; того,

которой вооружался мечемъ крови не изъ любви къ славѣ, но изъ любви къ отечеству; поражалъ по долгу, и щадилъ по сердцу; переходилъ, какъ Цинциннатъ, отъ сохи къ оружію, отъ шума къ тишинѣ, и наконецъ въ нѣдрахъ тихаго уединенія наслаждался зарею славы и вечеромъ жизни. Поклонимся праху Героя Задунайскаго, нашего Евгенія!

Какая прекрасная мысль была поставить въ храмѣ Бога памятники великимъ людямъ! Къ Источнику всего великаго должно возвратиться все великое. — Молящійся Христіанинъ, взирая на портреты славныхъ мужей, вспоминая жизнь ихъ, посвященную трудамъ и пользѣ согражданъ своихъ, воспла-

иенится усердіемъ къ заслугѣ, къ отечеству, а особливо къ Религіи, которая такъ награждаетъ подвиги сыновъ своихъ. *И я хочу имѣть безсмертное имя*, воскликнетъ онъ, и обратится отъ ничтожества къ дѣятельности, первой цѣли бытія. Ахъ! я радовался, что Религія предаетъ вѣчности имена Героевъ; — радовался, что въ нѣдрахъ новаго Сіона заключается другое Вестминстерское Аббатство.

Колокольня, цѣною въ 88000 рублей, представляетъ прекрасной осмиугольникъ объ четырехъ этажахъ, украшенныхъ 64-ю колоннами Коринѳическаго, Іоническаго и Дорическаго ордена. Между соборной церквой и колокольнею возвышается четвеpо-

угольной и остроконечной столбъ. Одна сторона показываетъ часы или время не въ одномъ Кіевѣ, не въ одной Россіи, но во всемъ извѣстномъ мірѣ, въ Парижѣ и Пекинѣ, въ Тобольскѣ и въ Филадельфіи; другая сторона показываетъ раздѣленіе времени по тѣни и по примѣру древнихъ народовъ; третья сторона являетъ солнечные и лунные часы; четвертая звѣздные. На верьхнемъ четвероугольникѣ означаются четыре кардинальныя точки.

Не льзя не замѣтить слѣдующихъ надписей на семъ столбѣ:

1.

Mortel qui cherches l'heure où tu vois du
(soleil la lumiere,
Pense que doit être celle où tu fermeras la paupiere.

2.

L'ombre fuit:
La mort vient.

Я не читалъ другихъ надписей, которыя тушъ находятся.

Объ церквахъ: Петра и Павла, Троицы, Николая и проч., находящихся во внутренности Лавры, описанныхъ въ другихъ мѣстахъ для любопытствующихъ, не буду говорить. Я взглянулъ на нихъ.

ПИСЬМО XXIII.

Кїевъ.

Низенькой человѣкъ съ сѣдою бородою въ черномъ клобукѣ, въ черной одеждѣ — словомъ,

монахъ, давъ мнѣ въ руки нѣсколько слѣпленныхъ и горящихъ свѣчь, подобныхъ возженному факелу, повелъ меня въ низъ подземнымъ ходомъ подъ мрачные своды. Свѣтъ дневной скрылся; надъ головою сгибались своды, подъ ногами звучалъ желѣзной помостъ; тишина и мракъ окружали насъ. Казалось, что безмолвная вѣчность воцарялась со стономъ на развалинахъ временъ и человѣчества. Я содрогался.

Около четверти часа шли мы узкими темными проходами, не говоря ни слова; одинъ топотъ ногъ прерывалъ глубокое безмолвіе; наконецъ голосъ моего монаха загремѣлъ подъ сводомъ. „Вы видите — сказалъ онъ, не каменные, но земляные своды;

рука времени не могла поколебать ихъ въ теченіи полвѣка; — такое чудо есть дѣло одного Бога. Подъ низкими сводами, въ смертельной сырости проводили дни святые пустынники. Тщетно искушеніе колебало ихъ сердце, тщетно страсти волновали ихъ чувства; они превозмогли страсти и искушенія, и вѣнецъ страдальческой сдѣлался ихъ наградою. Это ихъ мощи.“

Мы продолжали итти тихими шагами вдоль узкаго коридора, между рядовъ мощей, видя по обѣимъ сторонамъ затворенныя окошечки, за которыми скрывались отъ міра и людей люди, сотворенные Богомъ для угожденія сему самому Богу. Я благоговѣлъ въ молчаніи.

Вдругъ въ одномъ углу подъ покрываломъ представилась одна голова и плеча; прочія части тѣла скрывались въ землѣ. „Это мощи, сказалъ мнѣ мой путеводитель, Іоанна многострадальнаго, которой закопался въ землю до самыхъ плечь, и такъ окончилъ жизнь свою. Теперь онъ преселился на небо; но тѣло его сохранилось нетлѣнно.„

Воображеніе мое представило себѣ живо святаго Іоанна. Я видѣлъ — видѣлъ, кажется, собственными глазами, какъ творилось сіе истинное чудо, какъ Іоаннъ многострадальный зарылъ себя въ сырую землю, какъ холодъ разливался по его жиламъ, какъ черви снѣдали еще живое тѣло, какъ кровь

леденѣла, какъ замиралъ последній духъ его, обьятый ужасомъ смерти и утѣшенный надеждою вѣнца небеснаго. Священной трепетъ овладѣлъ мною, и взоры мои сквозь каменные своды, сквозь нетлѣнные прахи летѣли успокоиться на небо.

Мы вышли изъ пещеры; благоговѣніе было въ душѣ моей, и я взглянулъ на солнечной свѣтъ съ тихими слезами. Природа и Богъ показались мнѣ величественнѣе, нежели когда нибудь: — я искалъ осязать ихъ; они были для меня милы. Зелень, которая осѣняла окны коридоровъ, рѣка Днѣпръ, которая за ними омывала подошву горы, живость птичекъ и людей, біеніе собственнаго моего сердца давали мнѣ чув-

ствовать бытїе мое живѣе, нежели когда нибудь. Я готовъ былъ упасть на колѣни и благодарить Бога за мое чувство.

Естьли хотите знать число всѣхъ мощей въ пещерахъ, то ихъ съ лишкомъ сто, между которыми замѣтилъ я особливо Нестора нашего лѣтописца, Илью Муромца, и младенца убитаго градомъ.

ПИСЬМО XXIV.

Кїевъ.

Гдѣ нѣкогда кровь человѣческая лилась ручьями, гдѣ мечи сверкали и стрѣлы летали, гдѣ Печенѣги испы-

тали силу Кіевлянъ, и гдѣ наконецъ побѣда увѣнчала будущихъ сыновъ славы; тамъ Князь Ярославъ I., какъ величественной трофей, воздвигнулъ церковь, которая и нынѣ называется Софійская. На развалинахъ человѣчества, естьли можно такъ сказать, на прахѣ людей люди теперь покланяются Богу и молятъ за жертвы любви къ отечеству.

Сему самому Князю, побѣдителю Печенѣговъ, воздвигнутъ въ сей церквѣ бѣлой марморной монументъ, и не смотря на его заслуги глядимъ на сіе мѣсто сухими глазами. Отъ чего, спросите вы? Отъ того, что искуство не умѣло еще быть искуствомъ; отъ того, что Артисты не были тогда еще

вмѣстѣ и Поэтами, Философами, живописцами; отъ того, что для совершенства художнической работы надобно мыслить, чувствовать, и потомъ оживлять; отъ того, что никакая Поэма, никакая картина, никакая статуя не будетъ имѣть надъ нами дѣйствія, есть-ли она, хотѣвъ тронуть одно изъ чувствъ нашихъ, не тронетъ вмѣстѣ разума и сердца, которыя суть главныя наши способности.

Но въ сей же самой церквѣ есть прекрасное произведенїе искуства. Надлежало украсить храмъ, — и вдругъ является человѣкъ съ нѣсколькими камешками въ рукахъ, съ мастикою и молоточкомъ. Онъ приноравливаетъ камешекъ къ камешку,

оттѣняетъ — потѣетъ, и подъ творческою рукою родится — образъ Богородицы. Работа продолжается — и двенатцать Апостоловъ, во весь ростъ оживляются на стѣнѣ. Еще нѣсколько ударовъ молотка — и четыре Евангелиста являются передъ вами. Вы угадали, что я говорю объ мозаикѣ, которая еще и въ древнія времена была извѣстна подъ названіемъ *мусія*, и котораа украшаетъ часть свода въ олтарѣ.

Батый въ нападеніи своемъ на Кіевъ не пощадилъ сего произведенія. Это одно осталось отъ большой мозаической піесы.

Хотите ли вы присутствовать при рожденіи Христа? Хотите ли видѣть Богородицу и Богочеловѣка?

Взгляните на картину висящую въ Софійской церквѣ при входѣ.

Марія, держа младенца на рукахъ, смотритъ на него, стоя въ задумчивости и наклонивъ голову на лѣвое плечо. Лице ея представляетъ красоту во всѣхъ совершеннѣйшихъ соразмѣрностяхъ, во всемъ пространствѣ красоты, но красоты не человѣческой, а небесной. Нѣчто святое сіяетъ на возвышенномъ челѣ ея: глаза, осѣненные черными рѣсницами и потупленные на младенца, открыты только до половины; она хочетъ кажется улыбнуться, и въ улыбкѣ ея едва, едва примѣтной, сердце чувствуетъ высокое опредѣленіе новорожденнаго и счастіе матери. Тайна сего рож-

денія читается на лицѣ Маріи. Младенецъ покоится на рукахъ ея, и заря Божества изливается изъ его взоровъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, сидятъ на зелени, играютъ и смѣются пастухи; одинъ изъ нихъ улыбается на Марію; улыбка его есть, кажется, предчувствіе великой радости земнородныхъ. Волхвы внимаютъ съ восторгомъ пѣнію Ангеловъ, которые въ облакахъ спускаются на землю.

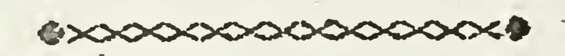
Сія картина списана, какъ мнѣ сказывали, съ Италіанской; копія даетъ предчувствовать красоту оригинала. Ни имени живописца, ни имени кописта нѣтъ на картинѣ.

ПИСЬМО XXV.

Кіевъ.

Десятинная церковь построена великимъ Княземъ Владиміромъ 1мъ. Въ ней нѣтъ ничего примѣчательнаго; но въ ней скрыты были священные останки Владиміра и Ольги. Но гдѣ же гробъ сего великаго Героя, которой просвѣтилъ народъ свой, прославилъ его, и имѣлъ Пѣвца, себя достойнаго? Гдѣ гробъ великой жены, которая была предтечею Елисаветъ и Екатеринъ? Ищу — и не нахожу ихъ. Время загладило слѣды тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоились драгоцѣнные прахи. Нѣтъ мавзолеевъ,

мѣтъ памятниковъ; но память *великихъ* не исчезаетъ въ мірѣ, и сынъ отечества въ мысляхъ покланяется тѣнямъ ихъ.

ПИСЬМО XXVI.

Кіевъ.

Вотъ гора Андрея Первозваннаго!

Прекрасные виды! прекрасное мѣсто!

На сей горѣ воздвигнуто было знаменіе того священнаго ученія, которое заключаетъ въ великомъ семействѣ людей союзы братскаго дружества, возвѣщаетъ устами Божества законы сердца и природы, и показываетъ за земными бурями тихое

пристанище и блестящую звѣзду вѣчности.

Такъ, сія гора достойна того, чтобы разцвѣло на ней древо Христіанства; достойна того, чтобы новой Боссюетъ гремѣлъ на ней съ душевнымъ краснорѣчіемъ въ присутствіи народовъ о сладостяхъ сердечной вѣры и о величествѣ миролюбиваго Бога.

Какъ великолѣпно возвышается церковь Андрея Первозваннаго! Крестъ мира сіяетъ въ рукѣ Апостола; тысячи столбовъ прикасаются къ облакамъ и соединяютъ, кажется, небо съ землею. Къ подошвѣ горы смиренно преклоняются жилища чадъ и сыновъ Бога. Прекрасна и цѣпь каменныхъ ступеней, служащая кажется эмблемою

лѣствицы, которая соединяетъ Бога съ человѣкомъ, и по которой духъ послѣдняго возносится къ величеству Перваго.

Бѣгу на гору съ живостію — всхожу на верьхъ, и обнимаю однимъ взоромъ театръ великихъ произшествій.

Отсюда вижу я и Крещатикъ, и на немъ великолѣпнѣйшее зрѣлище.

Утреннее солнце сіяетъ во всемъ блескѣ своемъ; ни одно облачко не помрачаетъ голубаго свода; сладкой зефиръ тихо струитъ воздухъ; всѣ стихіи пребываютъ въ нѣкоторой гармоніи; кажется, будто природа возвѣщаетъ день великаго торжества.

Въ самомъ дѣлѣ посреди краснаго дня, посреди все-

мірной тишины несутся волны людей къ Днѣпровской песчаной отмѣли. Старцы и младенцы, богатые и нищие, властелины и невольники, въ одной шумной толпѣ, въ смѣшеніи чувствъ и состояній, текутъ въ слѣдъ за соборомъ священнослужителей, за развѣвающимися хоругвями, за блестящими крестами, за почтѣннымъ пастыремъ, которой величественно шествуетъ впереди, ведя за собою кроткое стадо къ Источнику вѣры и благодати. Солнце озаряетъ шествіе лучами своими — солнце озаряетъ лица свѣтлыя отъ благоговѣнія — солнце озаряетъ сладкую надежду во глубинѣ сердецъ.

Все приближается къ Крещатику — и толпа прежде

движущаяся подобно бурному морю, пребываетЪ вдругЪ неподвижна. Никто не дышетЪ; кажется, что нѣтЪ ни голоса, ни движенія вЪ мірѣ.

ВЪ семЪ глубокомЪ безмолвіи, священный пастырь возвѣщаетЪ гласомЪ Ангела, что есть высочайшее Существо вЪ мірѣ, предвѣчная Причина разума и чувствительности, что Оно является намЪ вЪ блестящемЪ феноменѣ творенія, вЪ дыханіи насѣкомой и вЪ жизни цвѣточка, вЪ теченіи свѣтилЪ небесныхЪ и вЪ движеніи сердца человѣческаго, что Его всемогуществу угодно было возжечь искру жизни во всѣхЪ частицахЪ мертвой матеріи, и населить чувствительными существами безмолвныя

пустыни вселенной, что любовь Его къ тварямъ есть любовь совершеннѣйшая, несравненная, что она питаетъ птенцовъ безпомощныхъ, покоитъ младенцевъ, и печется съ нѣжностію о человѣкѣ до послѣднихъ дней его; что рука Его покрываетъ щитомъ добродѣтельнаго и щадитъ законопреступника, что воля Его даетъ торжествовать пороку и позволяетъ страдать добродѣтели, но скрываетъ внутреннее мученіе подъ наружнымъ блескомъ перваго, и свѣтлую душу въ скромной тѣни послѣдней; что благость Его подаетъ подпору въ слабостяхъ, сочувствуетъ горестнымъ и отираетъ слезы отчаянныхъ; что наконецъ Его правосудіе ожидаетъ насъ къ престолу

вѣчности, въ нѣдра высочайшей любви, къ неизъяснимымъ радостямъ, которыя ощущаютъ дѣти въ объятiяхъ отца . . . . . . Первосвященникъ преклоняетъ колѣна предъ Богомъ вселенной.

Въ одно мгновенiе всѣ преклоняютъ колѣна свои; въ одно мгновенiе милiоны рукъ возносятся къ небу; въ одно мгновенiе милiоны людей покланяются единому Богу въ мiрѣ. Во всѣхъ глазахъ блестятъ слезы; во всѣхъ сердцахъ сiяетъ вѣра; во всѣхъ устахъ безмолвствуетъ радость; кажется, будто одинъ гласъ небеснаго благословенiя гремитъ въ воздухѣ.

Первосвященникъ возстаетъ — новые Христiане приближаются къ нему —

и онъ погружаетъ ихъ въ воду. Обрядъ крещенія во имя основателя Христіанства совершается.

Уже радостныя восклицанія раздаются въ воздухѣ и во всѣхъ сердцахъ; святые гимны въ честь Божества проникаютъ твердь небесную; люди обнимаютъ другъ друга, враги примиряются, и миролюбивое соединеніе людей на землѣ доказываетъ всѣмъ ясно, что Богъ проповѣдуемый Христіанствомъ есть Богъ истинный и благій.

Ахъ! могу ли выразить слабымъ языкомъ тѣ трогательныя явленія, которыя въ сію минуту мнѣ представляются?

Тамъ прекрасная отроковица, встрѣтивъ прекраснаго отрока, обнимаетъ его и го-

воритъ ангельскимъ гласомъ:
„На небѣ живетъ всеобщій Отецъ нашъ; мы братія. . . Мы должны любить другъ друга.„ — И милой строкѣ улыбается. Сѣдой старецъ въ нѣсколькихъ шагахъ, свидѣтель трогательной сцены, отираетъ сладкую слезу.

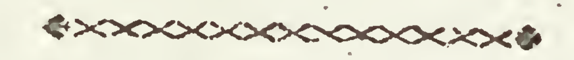
Далѣе двѣ женщины пораженныя потерею всего, что было для нихъ драгоцѣннѣе въ мірѣ, разлученныя смертію съ милыми людьми, улыбаются въ первой разъ въ жизни. Нѣтъ въ мірѣ любезныхъ для ихъ сердца, но есть вѣчность; душа не разрушается съ тѣломъ — онѣ соединятся, и соединятся на вѣки. Надежда *безсмертія* возвращаетъ душу и жизнь отчаянныхъ.

Тутъ нѣжной отецъ ведя сына за руку, бесѣдуетъ съ нимъ о долгѣ Христіанина. Первой долгъ нашъ есть посвятить жизнь свою истиннѣ, добродѣтели и человѣчеству. Богъ есть Царь вселенныя; законъ Его есть святой и ненарушимой; все земное должно преклониться предъ престоломъ Его правосудія, презрѣвъ низкія страсти и предразсудки, которые нарушаютъ благородный санъ человѣка. Истинный Христіанинъ полагаетъ жизнь въ исполненіи должностей своихъ и своего опредѣленія, наслажденіе страстей въ страсти къ добрымъ дѣламъ, славу въ распространеніи святыхъ истиннъ, служащихъ къ благоденствію рода человѣческаго. Славнѣе быть въ

тѣни: Героемъ добродѣтели и славы, нежели злодѣемъ въ блескѣ и торжествѣ. — Прекрасно защищать истинну, не взирая на безчисленныхъ враговъ ея. Блаженъ, кто приноситъ ей въ жертву жизнь свою. Онъ погибаетъ подъ ударами смертоноснаго грома; злодѣйская нога попираетъ прахъ добродѣтельнаго; зависть помрачаетъ имя его — но звукъ истинной славы тихо повторяясь изъ вѣка въ вѣкъ, загремитъ въ потомствѣ, которое передастъ вѣчности имя Героя. — Молодой человѣкъ, внимая симъ великимъ истиннамъ, воспаляется любовію къ изящной нравственности; взоры его сверкаютъ, и онъ облетаетъ мыслями подсолнеч-

нуую, чтобы защищать притѣсненныхъ, слабыхъ, обиженныхъ.

Ахъ! я часто буду съ сими мыслями приходить къ Крещатику.

ПИСЬМО XXVII.

Кіевъ.

Войдемъ въ церковь Архистратига Михаила.

Внутреннее и внѣшнее великолѣпіе церкви сего имени есть нѣчто болѣе, нежели великолѣпіе; снаружи златоглавый куполъ пылаетъ въ лучахъ солнечныхъ; внутри иконостасъ, вырѣзанной изъ золота рукою худож-

ника, подобно древеснымъ листьямъ, служитъ величественною рамою для образовъ, въ немъ поставленныхъ. Живопись, какъ и во всѣхъ другихъ церквахъ, не умѣла еще вознестись до главной цѣли живописнаго искуства, до изящнаго въ мысляхъ, до того, чтобы зрѣніе пленяясь красотою, передавало сердцу и уму чувство сей самой красоты.

На лѣвой рукѣ, на треножникѣ, возвышаются четыре колонны и поддерживаютъ балдахинъ; подъ нимъ, въ богатой ракѣ, лежатъ мощи великомученицы Варвары. Золото сіяетъ въ столбахъ; золото блеститъ на покровѣ; золото, бриліанты и жемчугъ украшаютъ паникадило; но сіе богатство,

сїе великолѣпїе, сїи лучи поздной славы представляютъ вдругъ ужасное зрѣлище.

Женщина, съ дѣвическою невинностїю въ душѣ и взорѣ, съ глазами обращенными на небо, съ глазами полными страдальческихъ слезъ, но успокоенными сладкою надеждою, стоитъ, какъ смиренная агница — и рука варварскаго палача раздираетъ грудь ея раскаленнымъ желѣзомъ, и рука другаго сѣчетъ нѣжное тѣло ея — и отецъ, свирѣпой отецъ, палачь родной дочери съ яростью въ душѣ и взорахъ, изливаетъ на нее чашу смерти, и бѣдная страдалица безъ жалобы, безъ стенанїя, въ угожденїе Богу, спокойно испускаетъ послѣднїй вздохъ подъ

сѣкирою. Какое торжество Религіи! какое страданіе человѣчества!

Сіи мученія представлены, каждое порознь, на иконостасѣ; орудія мучительства въ рукахъ злодѣевъ, держутся руками Ангеловъ, стоящихъ по сторонамъ балдахина съ разпростертыми крыльями.

Злодѣи! преступники! посѣтите святой прахъ великомученицы Варвары, есть ли хотите, чтобъ сердце ваше смягчилось. А вы, люди человѣколюбивые, други всѣхъ людей и народовъ, истинные Христіане! посѣщайте сіе мѣсто для того, чтобы питать въ себѣ духъ кротости.

ПИСЬМО XXVIII.

Кіевъ.

Святилище искуствъ и наукъ, получившее свое имя отъ Грековъ, гдѣ древле Платоны бесѣдовали съ учениками своими, гдѣ зеленѣли Лицеи ученыхъ, гдѣ мудрствовали и наслаждались Аристиппы — Академію, однимъ словомъ, видѣлъ я сего дня въ стѣнахъ братскаго монастыря.

Я пришелъ требовать позволенія видѣть Академію, и нашелъ у Префекта собраніе духовныхъ, Архимандрита съ блестящимъ бриліантовымъ крестомъ, Ректора въ Орденѣ Св. Анны и иноже-

ство монаховъ. Это былъ день диспутовъ, и господинъ Префектъ пригласилъ меня съ собою въ Академію. Скоро пришли извѣстить Префекта, и все духовенство пошло туда.

Зданіе древнее, но достойное служить театромъ Академическихъ лекцій, возносится съ прекрасною галлереею и колоннадою въ стѣнахъ монастыря. Въ огромной залѣ, на каѳедрѣ, студентъ ожидалъ слушателей; хоръ пѣвчихъ встрѣтилъ духовенство; всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ, и студентъ принявъ благословеніе Архимандрита, началъ говорить на Латинскомъ языкѣ. Послѣ того начались споры.

На листкѣ поданномъ при входѣ написаны были утверж-

даемые и оспориваемые вопросы: I. Не можно вѣрно основать понятія о вещахъ безъ Метафизики. II. Существо вещи есть необходимое, вѣчное, непремѣнное и несообщаемое, и проч. и проч.

Кажется, что говорено было только о томъ, что было затвержено наканунѣ; по крайней мѣрѣ движеніе физіогноміи не показывало, чтобы умъ работалъ и искалъ доказательствъ. Однакожь нѣкоторой жаръ оживлялъ говорящихъ; я самъ почувствовалъ огонь въ груди своей, видя бой умовъ, и горѣлъ желаніемъ имѣть способности, чтобы быть Атлетомъ въ блестящей Аренѣ.

Вышедши оттуда, думалъ я, какъ пріятно и полезно бы было, чтобъ такіе

споры произходили чаще въ обществѣ людей, чтобъ Философы и моралисты, Метафизики и Юрисконсульты, Скептики и Теологи представляли свои системы, защищалибъ свое мнѣніе, каждой въ свою очередь, и истощали искуство краснорѣчія и умствованія; чтобы Руссо, доказывая безсмертіе души Волтеру, извлекалъ слезы изъ глазъ послѣдняго; чтобы какой нибудь Монтескьё гремѣлъ противъ Махіавеля, противъ проповѣдниковъ безначалія и рушителей гражданскаго порядка; чтобы Фонтенелъ, осыпанной дарами счастія, чернилъ страсти въ то время, когда Юнгъ, пораженный въ нѣжнѣйшихъ чувствахъ сердца, признавалсябъ, что страсти и чув-

ствительность бываютЪ источникомЪ горести, но вмѣстѣ и такихЪ радостей, для которыхЪ много страдать можно. Я думалЪ обЪ тѣхЪ Аѳинскихъ площадяхЪ, гдѣ собирались Стихотворцы и Ораторы, ученый и полу-ученый, Философы и Софисты, гдѣ разсуждали о важнѣйшихЪ предметахЪ для человѣчества, гдѣ происходили тѣ восхитительные споры, которые описалЪ намЪ красноречивой отецЪ Анахарсиса и творецЪ Аглаи перомЪ новаго Бартелеми.

Отсюда прошелЪ я взглянуть на библїотеку Академїи. ВЪ ней было много рѣдкихЪ манускриптовЪ; пожарЪ похитилЪ сїе сокровище, но осталось много хорошихЪ книгЪ, которыя составляютЪ

библіотеку вкуса и выбора. Я замѣтилъ съ удовольствіемъ книгу о законахъ, писанную самимъ Геніемъ, по справедливости наименованную Духомъ закона, достойную Монтескье и ума человѣческаго, — Эмиля, единственнаго въ своемъ родѣ, гдѣ умъ говоритъ языкомъ сердца, гдѣ Философія въ устахъ Грацій, и красноречіе въ страстяхъ, — Пѣвца всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, которой произвелъ Виргилія, сіялъ съ новой славой въ славѣ своихъ подражателей, и остался одинъ въ своемъ родѣ выше Тасса, Мильтона и самаго Клопштока; — наконецъ множество твореній древности и твореній новѣйшихъ, гдѣ вкусъ, ученость и Философія положили печать свою.

Я не забыталъ запасной храмины знаній и заблужденій человѣческихъ — Энциклопедіи.

ПИСЬМО XXIX.

Кіевъ.

Вотъ церковь Святаго Василія.

На семъ мѣстѣ стоялъ домъ Князя Владиміра.

Передо мною зеленѣетъ и тотъ холмъ (*), гдѣ человѣкъ обожалъ твореніе рукъ своихъ, и низвергнулъ его въ ничтожество тою же самою рукою; гдѣ громодер-

(*) Извѣстно, что Перунъ стоялъ передъ самымъ Владиміровымъ домомъ.

жецЪ ПерунЪ, истуканЪ изваянной искуствомЪ человѣческимЪ, поселялЪ трепетЪ вЪ душѣ громодержавнаго Царя и Героя.

Стоя на семЪ холмѣ, взоры покоются на прекрасномЪ горизонтѣ. ВладимірЪ сидѣлЪ конечно часто на семЪ мѣстѣ, предавался глубокимЪ размышленіямЪ, и колебался уже заранѣе во мнѣніи своемЪ о идолопоклонствѣ. Вѣрю, что сидя на семЪ высокомЪ холмѣ, взирая на ясное небо вокругЪ его развивающееся, на рѣку шумящую сЪ нѣкоторымЪ величествомЪ, на горы и долины; обтекая взоромЪ красоты горизонта, и чувствуя тайное восхищеніе, онЪ самЪ призналЪ Творца вЪ мірѣ. Мнѣ кажется, будто я вижу сей великой

часъ ; великолѣпная картина природы сообщила ему понятіе о Богѣ , и онъ поклонился Его величію.

Не въ семъ ли же самомъ Владиміровомъ жилищѣ было покушеніе на жизнь его , и самое трогательное приключеніе ?

Рогнеда , распаленная мщеніемъ , захотѣла нѣкогда, чтобы объятія любви и наслажденія превратились для ея супруга въ объятія смерти. Женщина вознесла убійственную руку на своего любимца , и въ то самое время , когда онъ покоился въ сладкомъ снѣ на груди ея ; но — Владиміръ просыпается въ сію самую минуту. Вообразите его пробужденіе. Рука , которая нѣжно его ласкала ,

держитъ кинжалъ надъ нимъ; дикая свирѣпость сверкаетъ въ тѣхъ взорахъ, гдѣ нѣкогда сверкали любовь и нѣжность. Онъ видитъ адскую блѣдность и трепетъ на тѣхъ самыхъ устахъ, на которыхъ улыбались розы, и пылали поцѣлуи. Онъ удерживаетъ руку несчастной; кинжалъ выпадаетъ, убiйца обезоружена; но кажется, что ярость и мщенiе пролились въ Рогнединомъ взорѣ во глубину сердца Владимiра. Онъ самъ вооружается кинжаломъ, которой былъ устремленъ противъ него, и назначаетъ часъ казни для той, которая хотѣла устроить гробъ ему. Уже на другой день Рогнеда ожидала смерти. Наступаетъ назначенной часъ. Владимiръ вбѣ-

гаетъ, чтобы совершить наказанiе преступницы, какъ вдругъ видитъ бѣгущаго къ себѣ младенца съ обнаженнымъ кинжаломъ. Это невинной младенецъ — это сынъ его, это залогъ прежней любви. Онъ бросается на колѣни предъ отцемъ и требуетъ, чтобы онъ пощадилъ мать его, или пронзилъ грудь, собственную грудь его. Я остаюсь сиротою въ мiрѣ, восклицаетъ младенецъ, и слезы перерываютъ рѣчь его. Владимiръ изумленный пребываетъ безмолвенъ. Не сражается ли онъ съ самимъ собою? . . . Нѣтъ... чувство природы погасило мщенiе; но онъ наслаждается несравненными минутами. Ему хотѣлось бы продлить ихъ, хотѣлось бы долѣе видѣть

у ногъ своихъ сына умоляюща-
го отца за жизнь матери, и
чувствовать, какъ природа
сладко торжествуетъ въ ду-
шѣ его. Я читаю это въ
лицѣ Владимира. Онъ мол-
чит, но молчаніе его красно-
рѣчиво; — едва онъ можетъ
удержаться, чтобы не бро-
ситься къ сыну. Наконецъ
одинъ взоръ Изяслава, кото-
рой читалъ побѣду свою въ
глазахъ Владиміра и прости-
ралъ къ нему уже рученки,
сей взоръ довершилъ торже-
ство любви отеческой. Влади-
міръ бросилъ мечь, и взялъ
на руки младенца. — Опус-
каю занавѣсъ.

Но простилъ ли Влади-
міръ Рогнеду? Стыдитесь
спрашивать, естьли вы
имѣете сердце.

Живописцы, Поэты, и ты, Пѣвецъ Владиміра! простите, что я осмѣлился изобразить слабою кистію сіе произшествіе.

<><><><><><><><><><><>

ПИСЬМО XXX.

Кіевъ.

Здѣсь бываетъ гулянье въ Дворцовомъ саду каждой вечеръ, и я иду взглянуть на Кіевскую публику. Вы спросите можетъ быть: какъ, и въ Кіевѣ есть собраніе? — Есть, и не удивляйтесь. Вездѣ сердце говоритъ сердцу, вездѣ взоры любятъ сообщаться со взорами; вездѣ человѣкъ носитъ въ груди своей чувствительную душу; вездѣ самой строжайшій Ана-

хорешъ, и самой безстрастнѣйшїй Философъ любитъ улыбку и взглядъ красавицы.

Часы показываютъ вечеръ, и не запирая Философїи своей за ключемъ, какъ находилъ за нужное Жанъ-Жакъ Руссо, выступаю съ нею на улицу.

Кареты скачутъ; форейторы кричатъ: *поди!* пыль вьется столбомъ, и тамъ философствующїй пѣшеходецъ скрываясь въ пыльномъ туманѣ, но счастливѣе Дїогена, находитъ между собою и солнцемъ не страшныхъ Александровъ, но кроткихъ красавицъ, распудренныхъ франтовъ, и старушекъ забывшихъ на часъ богомолье. И такъ Кїевъ имѣетъ уже

славу (*) равняться съ знатнѣйшими городами въ Европѣ блескомъ экипажей, быстрымъ полетомъ коней и тѣмъ каретнымъ вихремъ, которой разноситъ ипохондрію и истерику, но правда съ невыгодой для пѣшеходцевъ, не столько отягченныхъ жизнію, чтобы имъ хотѣлось издыхать подъ колесами.

Приближаюсь къ саду, и вхожу въ него. Одни гуляютъ парами, по аллеямъ; другіе сидятъ на лавочкахъ; иные стоятъ и смотрятъ. Мое дѣло не представлять себя на сценѣ, не мѣшаться въ толпѣ, но замѣчать. Сядемъ подъ тѣнію этой липы.

(*) Нужно ли замѣчать, что путешественникъ шутитъ?

Можетъ быть душевное мое расположенїе, можетъ быть нѣкоторая живость чувствъ, можетъ быть юное воображенїе расписываетъ все предо мною свѣтлыми красками; но я нахожу нѣчто прекрасное и важное въ сихъ собранїяхъ, гдѣ тысячи смертныхъ, привлеченныя взаимною потребностїю души и сердца, посвящаютъ зеленой садъ въ храмъ удовольствїя, и назначаютъ другъ другу свиданїе въ нѣдрахъ сельской природы, гдѣ невинная забава разсыпаетъ легкїя прїятности, вкусъ — свои тонкости, красота — неистощимыя прелести; гдѣ минута разсѣянїя, сверкая молнїею счастїя, разсѣиваетъ тучи горести и облака прискорбїя на горизонтѣ жизни человѣ-

ческой. Признаюсь, что глаза мои наполняются слезами, видя, какъ человѣкъ, всегда горестной на землѣ, лобызаетъ тѣнь счастія въ нѣдрахъ существеннаго бѣдствія, какъ надежда удовольствія, маня его къ прелестному призраку, питаетъ привязанность къ жизни; какъ воспоминаніе, повторяя дни быстраго бытія, показываетъ ихъ въ минувшей отдаленности свѣтлѣе и радостнѣе, нежели они когда нибудь были, и прибавляетъ видъ существенности къ тому, что было одною мечтою.

Однакожъ прохладимъ воображеніе и признаемся, что сіи собранія не достигаютъ своей цѣли; что зависть, злословіе и суеты помрачаютъ истинныя его удоволь-

ствія, и что въ обыкновенномъ общежитіи нѣтъ — общежитія.

Передо мной столкнулась толпа. Одинъ сказалъ слово, другой улыбнулся, третій и четвертой пожали другъ у друга руку; всѣ встрѣтились безъ вниманія и всѣ разстались безъ сожалѣнія. За сею толпою слѣдуетъ другая съ суетнымъ тщеславіемъ, въ ослѣпленіи самой себя, глядясь только въ зеркало другихъ предметовъ, подобно Нарциссу, которой гулялъ по лугамъ и долинамъ для того, чтобы во всѣхъ ручейкахъ созерцался его образъ. Вотъ еще куча людей, и она остановилась; идетъ разговоръ; не мысли летятъ на уста, но языкъ ищетъ однѣхъ словъ; говорятъ о по-

годѣ — смѣются надъ убо-ромъ одной женщины — и разсказываютъ объ утреннемъ съѣздѣ у Губернатора. Естьли можно по оному судить о духѣ собранія, что никогда не проглядываетъ въ немъ основательной разумъ, никогда не сверкаетъ искра сердечнаго чувства, нѣтъ души въ разговорахъ. Полагаютъ ли удовольствіе прогулокъ въ томъ, чтобы вѣтреной зефиръ игралъ словами и мыслями? Должно ли только для забавы прикасаться къ пуху цвѣтовъ, не вдыхая въ себя ихъ ароматовъ, не пользуясь ими, какъ хотѣла того природа? Не льзя ли выбрать достойнѣйшихъ предметовъ разговора изъ того ума, не важнаго, но пріятнаго и легкаго, кото-

рой рѣзвился во множествѣ міровъ съ Фонтенелемъ, гулялъ въ садахъ между цвѣтами съ Виргиліемъ, Делиллемъ, Сен-Ламбертомъ и путешествовалъ съ Анахарсисомъ въ отечествѣ Музъ, Грацій и Философіи?

Оставимъ это и займемся другимъ дѣломъ. Я сижу въ царствѣ красоты; женщины, однѣ другихъ прелестнѣе, мелькаютъ предо мною, и взоръ не успѣваетъ ловить всѣ черты нѣжности, любви и безстрастія.

Вотъ красавица во всѣхъ чертахъ и во всемъ станѣ! но душа еще не прикасалась къ ея взорамъ, къ ея физіогноміи, къ ея тѣлодвиженію; кажется, будто она ожидаетъ чуда Пигмаліоновой любви. Молодой человѣкъ, которой

говоришъ съ нею, не показываетъ, чтобы его любовь могла произвести чудо, и чтобъ онъ имѣлъ къ ней то боготворенїе, которое сообщаетъ жизнь и душу.

Взглянемъ на эту дѣвушку не прекрасную, но милую. Она улыбнулась, и улыбка принадлежитъ мнѣ. Я имѣю на нее право. Сердце мое глубоко почувствовало сїю улыбку; она доставила мнѣ наслажденїе, и я причисляю сей часъ къ счастливѣйшимъ часамъ моей жизни. Естьлибъ красавица превратилась въ прелестнѣйшую Аспазїю, естьли бы она пролила на меня рѣки сладострастїя, то едвали бы восторги ея объятїй принесли мнѣ болѣе удовольствїя. Ахъ! одна улыбка дала мнѣ пред-

чувствовать все блаженство любви.

Эта дѣвушка, которая съ томнымъ взглядомъ тихо шепчетъ нѣчто на ухо своей подругѣ, заставляетъ меня мечтать. Мнѣ бы хотѣлось въ тѣни сей аллеи, при тихомъ свѣтѣ мѣсяца, провести съ нею нѣсколько минутъ за книгою . . . . . новой Элоизы.

Присутствіе тысячи блестящихъ красавицъ разнѣжило мое сердце; я чувствую томность, и невольные вздохи вырываются изъ груди. Пламенные взоры мои ищутъ кого-то, и не находятъ; сила тайной симпатіи влечетъ меня; образъ небеснаго счастія, которое человѣкъ вкушаетъ въ надеждѣ, что оно возвратится, и которое еще вкушаетъ онъ въ воспомина-

нïи, повторяется предо мною.

Милыя, милыя женщины! гдѣ тотъ уголокъ на землѣ, которой бы не освѣщался солнцемъ и не украшался вашими прелестями? Гдѣ то существо, которое не дышало бы воздухомъ и не жило вами? Въ рукахъ вашихъ — держава мïра; въ глазахъ — скипетръ природы; вы оживляете и царствуете. Съ вами нѣжной юноша приводитъ въ совершенство духовныя свои способности; съ вами счастливъ человѣкъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ; вашими воспоминанïями живетъ старецъ. Нѣтъ кажется счастïя на землѣ — и вы, не знаю какъ, даете его предчувствовать. Жизнь наша есть одно мгновенïе — и вы претворяете

миг҃ бытія въ вѣчность наслажденія. Ничто не совершенно въ семъ мірѣ; но боготвореніе, котораго вы бываете предметомъ, и которое не причастно ничему земному, приближаетъ чувства наши къ божественной чистотѣ и къ высочайшему совершенству. Милыя женщины! повелѣвайте нами, утѣшайте насъ, царствуйте; но естьли хотите быть достойны олтарей міра, любите, какъ любили Юліи и Софіи; любите святую добродѣтель, тихія удовольствія и домашнюю жизнь.

Возвращаюсь домой тихими шагами, и пишу въ головѣ параллель Кіевскихъ и Московскихъ женщинъ.

Въ Кіевѣ болѣе красавицъ, но въ Москвѣ болѣе

Грацій; здѣсь ловкость природы, тамъ ловкость искуства; здѣсь болѣе истинны во взорахъ, тамъ болѣе нѣжности въ каждомъ взглядѣ; здѣсь нѣтъ живой игры романовъ, и отъ того нѣтъ утонченной любви; тамъ играютъ романическія роли, и въ самомъ дѣлѣ бываютъ Героини романовъ. Московитянка можетъ подражать новой Элоизѣ; Кіевлянка можетъ сдѣлаться другой Юліей; наконецъ первая милѣе для холоднаго разсудка, послѣдняя милѣе для пламеннаго сердца.

ПИСЬМО XXXI.

Кїевъ.

Я хочу вамъ сказать нѣчто о моихъ знакомствахъ въ семъ городѣ.

Г* * * В* * * есть богатая вдова и богомольная старушка. Я имѣлъ къ ней письмо отъ такого человѣка, которой за два года предъ симъ жилъ въ Кїевѣ, и два года былъ ея вседневнымъ гостемъ; но такъ все быстро въ вихрѣ общества, гдѣ однѣ впечатлѣнїя заглаживаются другими, что госпожа В* * * читая и перечитывая письмо своего знакомца, нашла за нужное признаться

мнѣ, что она его не помнитъ. Я просидѣлъ у ней около часа. Она разсказывала мнѣ о святыхъ мощахъ, о чудесахъ угодниковъ Божїихъ, о Кїевѣ; я разсказывалъ ей о моемъ путешествїи, объ его прїятностяхъ, о тѣхъ удовольствїяхъ, которыя меня вдали ожидаютъ, и взглядывалъ между тѣмъ на ея дочерей, которыя предупреждали мое сердце въ пользу любезныхъ Кїевлянокъ. Мы разстались съ учтивостїю. Кажется, что мое путешествїе по Россїи было почти тоже въ глазахъ госпожи В* * *, что Расинова Иѳигенїя для одного Геометра, которой во время представленїя спрашивалъ: что это доказываетъ?

Ген. * * * К * * * ъ, къ которому былъ я также

рекомендованъ, находится здѣсь въ статской службѣ. Умъ безъ требованія, добросердечіе безъ притворства, обходительность безъ этикеты дѣлаютъ сего человѣка простымъ и любезнымъ. Я былъ у него нѣсколько дней сряду — обѣдалъ сего дня, и узналъ опытомъ, что говоря не объ изящной словесности, не объ задачахъ Философіи или Метафизики, можно провести время пріятно съ тѣмъ, кто лучше науки, имѣетъ доброе сердце и здравой смыслъ; особливо ежели должно вѣрить славному Гельвецію, которой сказалъ, что здравой смыслъ кончится тамъ, гдѣ начинается разумъ. Сему почтенному человѣку обязанъ я знакомствомъ Бри* * * В* * * у.

Господинъ В* * * й играетъ уже важную ролю. Онъ имѣетъ требованія и право на ученость, по любви къ ней. Онъ много читалъ — имѣетъ понятія, и старается о воспитаніи дѣтей своихъ. Жаль только, — и онъ самъ говорилъ мнѣ о томъ съ сожалѣніемъ — что нѣтъ здѣсь ни хорошихъ учителей для обработанія талантовъ, ни книгъ для чтенія, никакого источника вообще, откуда бы вкусъ и знаніе почерпать могли.

О молодомъ В * * *, о Митрополитѣ, котораго нашелъ я слабымъ отъ болѣзни, объ отцѣ П* * *, которой водилъ меня по пещерамъ, и угощалъ послѣ у себя, и о всѣхъ тѣхъ, съ которыми знакомство мое было минутное

не буду говорить; но я не могу забыть между ими протопопа Лев* * *, котораго проповѣди напоминают намъ о Боссюетѣ и Массильйонѣ.

Я имѣлъ счастїе быть у него, сидѣть съ нимъ, видѣть его, и съ тѣхъ поръ вижу его безпрестанно предъ собою, безпрестанно питаюсь сладостїю его бесѣды, какъ однажды питался ею; безпрестанно возношусь воображенїемъ къ мысленной и нравственной красотѣ, которая дышетъ въ образѣ сего почтеннаго мужа.

Таковъ долженъ быть служитель Бога; таковъ долженъ быть пастырь душъ и министръ Религїи; таковъ долженъ быть человѣкъ во всѣхъ званїяхъ, во всѣхъ сотношенїяхъ, которыя не

перемѣняютъ ничего въ существенномъ состояніи человѣка.

Онъ такъ воспользовался размышленіемъ, чтеніемъ, опытами, что изъ всѣхъ страстей и заблужденій, затмѣвающихъ разсудокъ, сохранилъ одну страсть, угодную Богу въ чистомъ сердцѣ — страсть любить ближнихъ и быть имъ полезнымъ. Правила и мнѣнія его такъ чисты, такъ благородны, такъ близки ко внутренней совѣсти, которая требуетъ отчета о каждомъ шагѣ въ жизни, что онъ позволяетъ приближаться къ себѣ, не стыдясь показываться въ своемъ видѣ, не опасаясь, чтобы слова и мысли его были въ противорѣчіи. Онъ обработалъ такъ самые свои

поступки, что его обхожденіе есть самое благородное и простое, какое долженъ имѣть человѣкъ съ человѣкомъ безъ народной грубости, безъ свѣтскаго утонченія, безъ философской надменности.

Жизнь его течетъ, какъ жизнь истиннаго мудреца, которой не воздвигаетъ воздушныхъ замковъ, и остается жить между цвѣтами. Подобно умной пчелѣ, онъ умѣетъ выбирать лучшій сокъ изъ всѣхъ положеній жизни. Онъ служитъ предъ олтаремъ Божества — и молитва изливаясь изъ души его, составляетъ святой гимнъ чувствительности. Онъ сидитъ въ тишинѣ кабинета подъ зелеными тѣнями, висящими передъ

окнами его домика — и наука, не наперсница честолюбія, не провозвѣстница громкой славы, но кроткая сопутница жизни, занимаетъ его уединеніе. Онъ сажаетъ или копаетъ въ садикѣ своемъ; — и ясность мирнаго чувства сіяетъ въ его взорахъ и душѣ. Онъ гуляетъ въ цвѣтникѣ своемъ, между поющихъ птичекъ, между зелеными кущами — и тихое весеннее утро, прохладной вечеръ, захожденіе солнца бываетъ попеременно предметомъ его наслажденія; и онъ посреди сихъ прекрасныхъ часовъ природы, вблизи ревущаго Днѣпра любитъ задумываться о зимѣ дней человѣческихъ, которая скоро забѣлѣетъ на головѣ его.

Онъ охотно сообщается изъ любопытства къ разуму человѣческому; сообщенїе питаетъ въ немъ любовь къ испытанїю мысленной силы. Отъ Моисеевой книги *Бытїя* до цвѣтковъ Де-лиллевой Поэзїи (*) все привлекаетъ его вниманїе; черты вкуса, чтенїя и ума сверкаютъ безпрестанно въ его разговорахъ. На мою мысль, что уединенїе прїятно и полезно, но не можетъ быть вѣчно; онъ отвѣчалъ: легко обращаться отъ тихой жизни къ шумнымъ удовольствїямъ, но едва ли можно переходить отъ раз-

(*) Почтенной Лев*** приводилъ мнѣ на память нѣкоторыя мѣста изъ Де-лиллевой Поэмы о садахъ, которую читалъ онъ на Польскомъ языкѣ, въ переводѣ.

сѣянія къ уединенію. — Въ сихъ словахъ скрывается болѣе глубокаго смысла, нежели какъ кажется при первомъ взглядѣ. Онъ разумѣлъ конечно чрезъ то, что должно неутомимо питать въ себѣ любовь къ уединенію, чтобы сохранить свои духовныя способности, и что потерявъ однажды привычку быть съ самимъ собою, не можно возвратить ее. Объ уединеніи можно тоже сказать, что *мой* любезный Женевецъ (*) сказалъ о силѣ размышленія. Разсудокъ,

(*) Не принимая заблужденій сего Философа, признаюсь, что я люблю его и буду всегда любить болѣе другихъ Философовъ. Сверхъ того я ему обязанъ тѣмъ, что онъ первый обработалъ вкусъ, слогъ и умъ мой; потому и называю его *моимъ*.

говоритъ, онъ, не есть такая мебель, которуюбъ можно было употреблять и оставлять по своей волѣ; и кто прожилъ десять лѣтъ безъ размышленія, тотъ не будетъ никогда мыслить.

Прощаясь съ нимъ, сказалъ я: завидую вамъ въ вашемъ садикѣ, и садику вашему близкому къ вамъ; все вокругъ васъ зеленѣетъ. — Должно, чтобы всегда что нибудь цвѣло передъ глазами, отвѣчалъ онъ съ такою пріятною улыбкою, что мнѣ показалось, будто всѣ деревья въ садикѣ его разцвѣли еще зеленѣе. Сила ума и достоинства имѣетъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствіе волшебства!

Вижу, вы завидуете мнѣ, что я узналъ Лев * * *; но за

но вы не чувствовали прискорбія столь сильнаго послѣ такого знакомства, быть принужденнымъ разстаться.

ПИСЬМО XXXII.

Кіевъ.

Судьба познакомила меня еще съ однимъ любезнымъ человѣкомъ В * * * ъ, и я остаюсь ей обязаннымъ за тѣ добрыя сердца, которыя прибавились къ числу любезныхъ мнѣ сердецъ. Съ симъ последнимъ встрѣтился я въ главной школѣ. Онъ учитель натуральной Исторіи — достоинъ быть учителемъ, и богатъ мыслями и чувствами, подобно природѣ,

которой богатства и красоты изъявляетъ онъ ученикамъ своимъ. Онъ гулялъ со мною по городу, котораго древности ему очень извѣстны (*); я пригласилъ его обѣдать въ трактиръ, и мы провели день по-философски.

Вотъ вамъ сокращенїе нашего разговора. Я люблю очень трудиться, сказалъ мнѣ любезный Б***й, люблю дѣйствовать всѣми душевными способностями. — Вы близки къ цѣли своего назначенїя. Намъ даны способности для

(*) Онъ читалъ мнѣ историческое Описанїе свое о Кїевѣ, и оно достойно похвалы; но сей бѣдной человѣкъ, пользуясь небольшимъ имуществомъ, имѣлъ бы нужду въ награжденїи, которое бы поощряло его къ дальнѣйшимъ трудамъ.

того, чтобы приводить ихъ въ дѣйствіе; трудъ также нуженъ для сохраненія моральной природы, какъ движеніе для подкрѣпленія нашего тѣлеснаго состава; безъ того то и другое разстраивается. — Но знаете ли что? Я люблю болѣе писать, нежели читать. Чтеніе не такъ сильно приводитъ въ движеніе мои умственныя силы. — Однакожъ чтеніе сообщаетъ Автору вкусъ и мастерство. Для совершенства своихъ произведеній необходимо должно собирать матеріалы. Люди строютъ мнѣнія свои, одинъ на основаніи другаго; писатель предуготовляетъ писателя; открытія и дарованія составляютъ въ цѣломъ постепенную лѣстницу совершенія.

Гомеръ родилъ гораздо совершеннѣйшаго Виргилія, такъ какъ сей послѣдній произвелъ издали Расина, которой въ свою очередь вмѣстѣ съ Шекспиромъ далъ бытіе Волтеру, имѣвшему влiянiе на талантъ тысячи другихъ писателей. Иначе дикой Камчадалъ, среди лѣснаго мрака, среди звѣрей, ему подобныхъ, могъ бы сдѣлаться Ломоносовымъ или Жанъ-Батистомъ Руссо; но это никогда не случается. Слѣдственно должно пользоваться чтенiемъ. — Это хорошо для тѣхъ, которые думаютъ о красотѣ слога, о литтеральной славѣ, о безсмертiи; но я пишу только для того, чтобы занять себя. — Не ужели вы не хотѣлибъ сдѣлаться славнымъ въ ученомъ

свѣтѣ? — Нѣтъ; слава есть дымъ, когда человѣкъ есть одинъ прахъ. — Эта Философія не есть кажется истинная. Какъ ни ничтожна жизнь наша, однакожъ природа сотворила насъ съ нѣкоторымъ намѣреніемъ; она влила въ грудь нашу любовь къ дѣятельности, къ славѣ и къ самому себѣ. Любя самаго себя, должно любить себѣ подобныхъ; любя ихъ, любить славу; любя славу, дѣлать усилія, безъ которыхъ нѣтъ ничего великаго въ нравственномъ мірѣ. Безъ того искуства и науки угаснутъ; безъ того не будетъ великихъ открытій; безъ того никогда ужъ человѣческой и гражданскія общества не достигнутъ до своего возможнаго совершенства. Гдѣ бы

были Катоны, Петры Великїе, всѣ истинные Герои, естьли бы благородная страсть къ славѣ ихъ не оживляла, естьли бы все великое ограничивалось для нихъ здѣшнею жизнїю? Вознеситесь мыслїю выше земной точки, распространите предѣлы мїра; вѣрьте, что все великое, и тотъ, кто дѣлаетъ великое, произведутъ когда нибудь и что нибудь еще величайшее, и вы почувствуете побужденїе къ великимъ дѣламъ. — Еще повторяю вамъ, что для меня по крайней мѣрѣ веселѣе быть отцемъ семейства и любить натуру, нежели гоняться за блестящими призраками. Я люблю — и доволенъ судьбою своею. Живу въ тѣни неизвѣстности — и не завидую

любимцамъ славы. Знаю, что не могу, по уставу природы, наслаждаться здѣсь вѣчною жизнїю — и не хочу, чтобы память моя переживала меня. —

При сихъ послѣднихъ словахъ я вздохнулъ, замолчалъ и погрузился въ уынїе. Мирное счастїе не дороже ли въ самомъ дѣлѣ заботы о славѣ? Не счастливѣе ли тотъ, кто можетъ довольствоваться свѣтлою хижиною, ключевою водою, улыбкою красавицы и природы? Руссо! Руссо! . . .

ПИСЬМО XXXIII.

Кіевъ.

Нигдѣ можетъ быть въ Россіи нѣтъ такъ много Жидовъ, какъ въ Кіевѣ. Они встрѣчаются на улицахъ; улицы населены ихъ домами; дома наполнены ими; но они только за два года предъ симъ поселились здѣсь въ такомъ множествѣ.

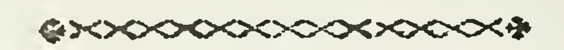
Они робки, какъ и во всемъ свѣтѣ; Жидъ снимаетъ шляпу свою передъ каждымъ человѣкомъ, и Христіанинъ показываетъ уже ему благосклонность, естьли отвѣчаетъ на его вѣжливость тою же вѣжливостію Простой народъ бранитъ его.

Ты распялъ Христа, сказалъ при мнѣ одинъ Офицеръ на заставѣ Жиду, пришедшему требовать пропуска, — злочестивой Іуда! — и бѣдной Жидъ не смѣлъ отвѣчать ничего, платя терпѣніемъ и смиренностію за преступленіе отдаленнѣйшаго своего предка.

Впрочемъ они живутъ богато, производя разныя ремесла; лица ихъ вообще имѣютъ умную физіогномію, и женщины между ими статны и прекрасны.

Философъ не можетъ довольно восхвалить терпимость ЕКАТЕРИНЫ II и ПАВЛА I, Которымъ Жиды обязаны покойною жизнію; по крайней мѣрѣ никто не

тревожитъ ихъ въ свободѣ совѣсти, и Богъ остается единымъ судiею сердецъ. —

ПИСЬМО XXXIV.

Кiевъ.

Нынѣшнiй день останется незабвеннымъ въ исторiи моей жизни.

Я былъ въ Кириловскомъ монастырѣ за четыре версты отъ города. Любопытство мое не нашло въ немъ ничего; но взоры и сердце съ нѣкоторымъ нѣжнымъ и горестнымъ чувствомъ покоились на зеленыхъ тѣняхъ деревъ окружающихъ монастырь, на мшистыхъ гробныхъ камняхъ, на лонѣ тишины и унынiя, которыя обитаютъ

въ кельяхъ и въ стѣнахъ монастырскихъ. Сердце мое трогалось болѣе и болѣе. Это былъ часъ вечера. Я сѣлъ на зеленомъ пригоркѣ въ тѣни, и предался меланхоліи. Можетъ быть, думалъ я, можетъ быть въ послѣдній разъ вижу я солнце; вижу то небо, подъ которымъ живутъ друзья мои; можетъ быть въ послѣдній разъ прощался съ Москвою. . . . — За чѣмъ было ѣхать въ такую отдаленность одному, безъ друга, безъ роднаго? Я изчезну съ земнаго шара, и никто не выронитъ слезы надъ моей могилой; умру, и никто изъ милыхъ не положитъ въ гробъ меня; буду томиться смертію, и никто не приметъ послѣдняго вздоха моего. — Эта мысль пробудила

во мнѣ привязанность къ жизни и произвела внезапную и удивительную перемѣну.

Вы помните, что за полтора года передъ симъ, послѣ первой нашей потери жизнь казалась мнѣ унылою; тщетно доставляли мнѣ разсѣянія; тщетно люди, меня любящіе, старались занять пустое мѣсто въ душѣ моей; я бунтовалъ противъ дружбы, природы и жизни, и любилъ предаваться своему отчаянію. Протекло время — и живая горесть утихла. Я плакалъ — вздыхалъ; но не сѣтовалъ на тѣхъ, которые меня любили. Я уже не думалъ разорвать всѣ узы сердца отъ того, что судьба перервала одинъ изъ нихъ. Однакожъ, не взирая на всѣ

успѣхія, не смотря на самыя горячія привязанности, которыя еще мнѣ оставались, я былъ далекъ отъ совершеннаго изцѣленія. Приближаясь къ тому ужасному и вмѣстѣ любезному мѣсту, гдѣ покоится прахъ моего друга Т* * *, я не содрогался, и измѣрялъ мыслями глубину могилы. Пусть и я тамъ лягу — думалъ я — мнѣ не будетъ тошно близь моего друга; пусть. . . и слезы съ сими мыслями лились кровью изъ глазъ моихъ. Часто проходя быструю Москву рѣку, видя, какъ волны ея съ ревомъ несутся къ стѣнамъ Сим* * * монастыря (*); слушая, какъ поютъ

(*) Въ семъ монастырѣ положенъ другъ мой; тамъ скромный мав-

птички въ первую весну послѣ его кончины, птички, которыми мы гуляя восхищались, вспоминая голосъ и взоръ друга моего и не находя ихъ нигдѣ, я чувствовалъ себя въ такой пустотѣ, въ такомъ мракѣ, что нѣсколько разъ покушался слѣдовать за нимъ въ другой міръ, и былъ только удержанъ мыслію, что одна цѣпь сердецъ связываетъ его со мною и меня съ нѣсколькими другими друзьями, и что она перервавшись съ моею жизнію, перерветъ еще нить многихъ жизней. Наконецъ чувствуя необходи-

золей, воздвигнутый дружбою, и эпитафія написанная еюже, показываетъ цѣну того, кто тутъ скрывается.

мость удалиться отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями прекраснѣйшихъ дней и скоро послѣ того самыхъ мрачнѣйшихъ, рѣшился я путешествовать. Первые часы были для меня часами жестокихъ опытовъ; горесть моя усиливалась въ одиначествѣ, и я хотѣлъ возвратиться; но мало помалу разнообразїе предметовъ оживило меня. Я началъ вкушать удовольствїе; но былъ все еще равнодушенъ къ жизни, когда я спрашивалъ о томъ свое сердце. Минута удивительной перемѣны ожидала меня здѣсь, и она есть та самая, о которой пишу къ вамъ. Въ чрезвычайкой меланхолїи, въ которой сидѣлъ я подъ стѣнами Кириловскаго монастыря, пред-

ставился мнѣ образъ смерти. Я затрепеталъ. Любовь къ друзьямъ, живымъ еще для моего сердца, боролась съ любовїю къ тому другу, котораго не было уже на свѣтѣ. Умереть далеко отъ милыхъ, въ то время, когда они воображая мое возвращенїе, радуются, когда я самъ готовлюсь найти въ ихъ объятїяхъ тѣнь минувшихъ радостей — такъ умереть ужасно. Я обратился къ тѣни друга моего, и далъ ему читать въ душѣ моей непреодолимое чувство, которое привязывало меня и послѣ его къ жизни; мнѣ казалось, будто я вижу его утѣшительной взоръ, и сладчайшїя слезы примирили меня съ жизнїю. Нѣжный, чувствительный, милый другъ! Сила

одного чувства, тебѣ болѣе, нежели кому нибудь извѣстная, влечетъ меня къ смерти и отвлекаетъ къ жизни. Въ сей день испыталъ я все, что можетъ дружба и любовь въ сердцѣ человѣческомъ. Я буду еще жить, буду любить, и не забуду милаго человѣка.

Nemo felicitatis ſuae obliviſcitur.
Сенека.

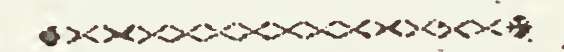
ПИСЬМО XXXV.

Кїевъ.

Я говорилъ о древностяхъ Кїева, о его достопамятностяхъ, о его положенїи; теперь скажу слово о городѣ, въ собственномъ смыслѣ. Нѣтъ домовъ каменныхъ;

нѣтъ порядка въ строенiи; нѣтъ регулярности и архитектуры; улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ; пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль, и туманной столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самой Подолъ болѣе населенный, нежели другiя части города, не имѣетъ совсѣмъ вида города; деревянныя кровли, низкiя хижины прикрываются церквами и монастыремъ; улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщенiе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно отъ того, что горы отдѣляютъ ихъ одну отъ другой; кажется, что вы видите три разныя селенiя. Я говорю — селенiя:

ибо и весь Кіевъ едва ли бы заслуживалъ названіе города, естьлибъ великолѣпныя церкви и монастыри не украшали его. Наконецъ сердце согласно со взорами именуетъ Кіевъ сладкою пустынею, гдѣ укрываются простота, миролюбіе и младенчество нравственнаго существа.

ПИСЬМО XXXVI.

Кіевъ.

Les tableaux & les monumens ne lui avoient point fait négliger l'étude des moeurs & des hommes

J. J. Rousseau.

Каждой путешественникъ имѣетъ долгъ оправдать смыслъ сего эпиграфа и мнѣніе Женевскаго Фило-

софа. Зданія и живописи, памятники и картины не питалибъ благороднаго жара въ душѣ нашей, естьлибъ онѣ не имѣли соотношенія къ какому нибудь великому происшествію или славному дѣлу, сохраненному Исторіею. Познаніе нравовъ и людей, при ихъ жизни, еще любопытнѣе.

Человѣкъ есть средоточіе, откуда все проистекаетъ на землѣ, и куда все обратно стремится. Не для него сотворена вселенная, но для него она украшена; но бытіе міра требовало бытія человѣческаго. Прекрасное твореніе осталось бы мертво безъ того существа, которое одно изъ земныхъ тварей, единымъ дѣйствіемъ мысли, сообщается со всѣми

существами, обнимаетъ пространство природы, и покоряетъ державѣ своей области міра. Образованный по высочайшему Образцу человѣкъ, подобно Ему, есть зеркало вселенной, и долженъ быть для Философа важнѣйшимъ предметомъ наблюденія.

Мое наблюденіе касается не до случайныхъ обычаевъ, не до временныхъ условій, не до мѣлкихъ подробностей, которыя принадлежатъ къ одному мѣсту и мнѣнію; но до нравственныхъ качествъ вообще, которыя составляютъ вѣчной и непремѣнной характеръ человѣчества. Мнѣнія перемѣняются, человѣкъ изчезаетъ; но родъ человѣческой возрастаетъ въ цѣломъ, переживаетъ заблужденія, и цвѣтетъ посреди

разрушенїй царствъ и народовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что философической духъ нашего времени требуетъ, чтобы наблюдатель означилъ шагъ народа въ ходѣ всемїрнаго ума. Постараемся означить его въ Кїевлянахъ.

Народъ, Дворянство и Духовенство, три класса людей въ обществѣ, составляютъ здѣсь, какъ можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ, три круга общежитїя, три сферы ума, и, естьли можно такъ сказать, три рода нравственности.

Слѣдуя отвлеченнѣйшему понятїю о вещахъ, нравственность должна быть одинакова для всѣхъ состоянїй; но умозрѣнїе Философа, мыслящаго въ своемъ кабинетѣ, всегда не согласно съ поло-

женіемъ гражданскихъ обществъ. Ремесленникъ дѣйствующій въ кругу механической жизни, священникъ проводящій дни свои въ богослуженіи, и Дворянинъ живущій въ свѣтѣ, въ безпрестанной дѣятельности, въ борьбѣ страстей, въ изощреніи чувствъ и понятій, не могутъ имѣть однѣхъ правилъ, однѣхъ мыслей, одной нравственности. Для того не буду я повторять ничего о народѣ (*); не замѣчу ничего о духовенствѣ, которое не принадлежитъ моему сужденію, и ограничу замѣчанія свои однимъ вышнимъ состояніемъ.

(*) Въ письмѣ XIX. было сказано нѣчто о Малороссійскомъ народѣ вообще.

Кіевляне имѣютъ вообще характеръ своего времени, своей земли, своего круга; цвѣтъ просвѣщенія едва ли еще развернулся между ими; черта, которая отдѣляетъ отъ нихъ остатокъ міра, служитъ чертою ихъ нравственнаго бытія. Кажется, что они ревнуютъ еще только къ успѣхамъ блестящей столицы — Москвы, которая, послѣ эпохи Петра Великаго, сдѣлалась почти тоже для цѣлаго государства, что были нѣкогда Аѳины для Греціи и Парижъ для Франціи; гдѣ превосходство знаній и вѣжливости, большое число просвѣщенныхъ обществъ, тысяча умовъ наэлектризованныхъ треніемъ, усредоточили лучи просвѣщенія; откуда одно слово

изъ устъ именитаго человѣка, одна эпиграмма изъ устъ молодаго вертопраха, одинъ жестъ модной красавицы летитъ изъ города въ городъ удивлять, смѣшить и производить тысячи вѣтреныхъ подражателей.

Нѣтъ еще здѣсь систематическаго воспитанія, и каждой слѣдуетъ въ нравственномъ своемъ образованіи одному примѣру и обычаю. Никто не составляетъ себѣ особеннаго понятія; никто не опредѣляетъ своихъ мнѣній; никто не дѣлаетъ усилій, чтобы превзойти мѣру посредственныхъ достоинствъ и покрыться блескомъ превосходства. Всякой довольствуется тѣмъ, что не хуже никакого другаго въ свѣтѣ, и гордится собою, есть-

ли самолюбіе, отдавая ему отчетъ о себѣ, показываетъ его на одной чертѣ съ людьми, ему равными.

Общежитіе обработало умы, но не довело ихъ еще, такъ сказать, до умственной роскоши, которая требуетъ въ разговорѣ тонкихъ чувствъ и живыхъ идей, Философіи и пріятности, Аттической соли въ шуткахъ и эпиграматическаго ума Волтера, искры Дидеротова энтузіазма, и въ языкѣ нѣжности Расина; которая хочетъ заниматься изящнымъ, наслаждаться природою, книгами, мечтами и всѣми благородными страстями нравственности, которая хочетъ только жить въ томъ мірѣ, гдѣ улыбка природы, взглядъ Гомера,

й чувство Стерна открываютъ новую сферу жизни и наслажденія.

Здѣшняя жизнь ограничивается кругомъ простой домашней жизни и тѣмъ состояніемъ, гдѣ человѣкъ находитъ мирное счастіе въ удовлетвореніи первымъ потребностямъ и въ умѣренномъ дѣйствіи своихъ способностей.

Вѣжливость, которая разцвѣла въ Аттикѣ подъ ея прекраснымъ небомъ съ улыбкою Философіи и Грацій, которая украшала столицу міра, вѣкъ Августовъ, Музу Виргилія, Овидія, Горація, которая наконецъ въ счастливые дни Людвига XIV осыпала нѣжнѣйшими цвѣтами своими славную націю въ свѣтѣ, всѣ состоянія обще-

ства, всѣ произведенія талантовъ отъ придворнаго до ученаго и отъ Эклоги до Эпопеи (*); вѣжливость показывается уже между Кіевлянами. Не ищите того, что называетъ Горацій: molle atque facetum; но вы найдете видъ пріятной нѣжности, привѣтливость словъ и наружную ласку. Естьли лицемѣріе, какъ думалъ Рошфокольдъ, показываетъ почтеніе порока къ добродѣтелямъ, то благородство въ поступкахъ и словахъ показываетъ человѣка близкимъ къ благороднымъ мыслямъ и къ истинной нравственности.

(*) Телемакъ и Генріада показываютъ не только Авторовъ въ Волтерѣ и Фенелонѣ, но и учтивыхъ людей.

Религія хранитъ здѣсь сладкую власть надъ сердцами въ то время, когда пагубная дерзость разрушила въ другихъ мѣстахъ олтари ея. Старцы, мужи и юноши посѣщаютъ святые храмы во всѣ часы Богослуженія: они присутствуютъ тамъ съ благоговѣніемъ, и возвращаются съ живѣйшею любовію къ Богу. Слезы пролитыя въ присутствіи высочайшаго Утѣшителя, душевное умиленіе, раскаяніе, источникъ тысячи добродѣтелей, смягчаютъ нравы. Молодые люди, воспитанные въ истиннахъ Христіанской морали, привыкаютъ чувствовать вездѣ благость Отца Небеснаго: въ нѣжной любви родителей, въ радостяхъ жизни, въ красотахъ

величественной природы и въ неизчетныхъ сокровищахъ, которыя разкрываются для человѣка въ земныхъ нѣдрахъ. Чувствительная молодая дѣвушка, пробуждаясь въ часъ утра, посвящаетъ начало дня своего не удовольствіямъ свѣта, но молитвѣ. Она возхищается въ часы солнечнаго возхожденія оживленіемъ птичекъ и цвѣточковъ; слезы каплютъ изъ глазъ ея, и сіи слезы произтекаютъ отъ благодарности къ Творцу природы, а не отъ романической чувствительности. Наступаетъ вечеръ; набожная красавица наслаждается остаткомъ дня своего, и вмѣстѣ съ вечернею природою поетъ еще святой гимнъ Богу. Такъ цар-

ствуетъ Религія въ любезной своей столицѣ!

Подъ сею эгидою сердца предохраняются отъ распаленія опаснѣйшей изъ страстей. Любовь сіяетъ здѣсь тихимъ свѣтомъ, дышетъ кротостію и заключаетъ союзы счастія и мира. Она не возжигаетъ тѣхъ ужасныхъ пожаровъ, которые поглотили нѣкогда Трою, десятую долю столѣтія и цвѣтущее юношество Греціи; но за то нѣтъ упоенной любви, которой чувство есть боготвореніе, гимнъ и восторгъ, которая, будучи украшена всѣмъ героизмомъ добродѣтели, наслаждается во всей силѣ способностей человѣческихъ, во всемъ земномъ совершенствѣ, дняхи оза-

ренными счастливымъ солнцемъ, сладкимъ уединеніемъ, тихими прогулками, зелеными рощицами и журчащими ручейками; нѣтъ нравственной любви, которая родилась въ душѣ Платона, писала письма новой Элоизы, и текла съ пера Вертера; но за то и нѣтъ тѣхъ безчисленныхъ бѣдствій, которыя бываютъ слѣдствіемъ романическаго воображенія.

Нравы сохраняютъ вообще чистоту свою; счастіе и вѣрность украшаютъ супружеское состояніе; согласіе обитаетъ въ семействахъ; цвѣтъ стыдливости не увядаетъ на лицѣ невинности. Чичисбеи! Нинонны де Ланкло! Фрины! вы не сіяете здѣсь на горизонтѣ свѣта и не помрачаете добронравія.

Любезнѣйшія изъ существъ, которыхъ красота и добродѣтели дарятъ насъ днями завиднаго счастія, достойными Ангеловъ, прекрасными, подобно ихъ улыбкѣ, — дѣвушки живутъ здѣсь со всею скромностію робкаго пола, со всею цѣломудренностію Весталокъ, которыя хранили нѣкогда святой огонь въ храмахъ и сердцахъ своихъ, или съ невинностію тѣхъ красныхъ дѣвицъ, которыя за полвѣка предъ симъ цвѣли подъ тѣнью смиренныхъ теремовъ своихъ. Онѣ имѣютъ домашнее воспитаніе и образъ жизни, близкой къ Патріаршескимъ нравамъ; вкусъ ихъ есть врожденной безъ пріобрѣтенія; природные таланты украшаютъ ихъ; онѣ судятъ здраво безъ науки.

Уборная комната ихъ не превращается также въ ученой кабинетъ, гдѣ Пиитическое вдохновенїе летаетъ въ бѣломъ облакѣ пудры, гдѣ стихи сочиняются за туалетомъ, гдѣ новые Авторы стучатся у дверей славы. Ближе къ первымъ основанїямъ обществъ, Кїевлянки играютъ въ свѣтѣ ролю скромныхъ невѣстъ, являются въ бесѣдахъ не для того, чтобы ослѣпить всѣхъ блескомъ ума и талантовъ, но чтобы понравиться женихамъ кротостїю, и выходятъ за мужъ не для однѣхъ выгодъ свободы, не для того только, чтобы окружить себя роемъ свѣтскихъ удовольствїй, но чтобы вкушать съ милымъ человѣкомъ сладости сердечной любви и ма-

теринской нѣжности. Не ищите здѣсь и тѣхъ милыхъ, но опасныхъ волшебницъ, которыя магическимъ жезломъ своимъ заставляютъ вздыхать старцевъ, юношей проливать слезы, философовъ преклонять колѣно, ведутъ за собою по цвѣтамъ Грацїй въ сады учености и силою неизъяснимаго очарованія дѣлаютъ умъ любезнѣе, дарованїе совершеннѣе, науку милѣе и привлекательнѣе.

Заключимъ: Кїевскїе жители прикасаются еще только къ развитїю всѣхъ нравственныхъ способностей, которое составляетъ человѣка въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, которое въ системѣ всемїрной гармонїи должно можетъ быть довершить творенїе человѣка, которое до сихъ

поръ остается предметомъ спора между Апостоловъ науки и враговъ просвѣщенія, между Жанъ - Жака и его Антагонистами, между вѣрующихъ совершенію ума человѣческаго и невѣрующихъ.

Между тѣмъ по необходимому закону вещей, нравы и народы сближаются. Кіевскіе жители заимствуютъ, какъ я сказалъ выше, новые обычаи и мнѣнія. Протечетъ немного времени — и вы увидите, что они потеряютъ все доброе, что показываетъ въ нихъ юность рода человѣческаго, что они пріобрѣтутъ нѣкоторыя блестящія качества, которыхъ имъ не доставало, но безъ которыхъ можно быть счастливымъ, и что съ сими качествами захватятъ они и

развратности, сопряженныя съ дальнѣйшимъ шагомъ къ просвѣщенію.

Черта, которая раздѣляетъ совершенное просвѣщеніе отъ совершеннаго невѣжества, есть можетъ быть средняя черта между двумя крайними точками счастія. Не сіе ли посредственное состояніе ума и науки осуждалъ славный Антагонистъ науки?

Замѣтьте, что мои замѣчанія о Кіевлянахъ требуютъ изключенія, и что я отмѣнялъ однѣ главныя черты.

ПИСЬМО XXXVII.

Кïевъ.

Сего дня всходилъ я на Андреевскую гору, чтобы взглянуть въ послѣднiй разъ на картину Кiева и на его окрестности. Взоры, носясь по сему горизонту, покоются на зеленыхъ бастiонахъ вокругъ Печерской Лавры, гдѣ Петръ I бросилъ, такъ сказать, одну черту творческой руки Своей (*); на старомъ Кiевѣ, гдѣ поселился Кiй, и котораго имя осталось на

(*) Извѣстно, что Петръ I заложилъ крѣпость Печерской Лавры.

слѣдствомъ всего города; на Вышгородѣ, прежде называемомъ Хоревицею, по имени Хорева; на Щековицѣ — пребываніи Щека, и наконецъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Владиміръ имѣлъ свое жилище, и гдѣ нѣтъ теперь и слѣдовъ сего святилища.

Взирая на сію землю, претерпѣвшую столько перемѣнъ въ теченіи времени, на Днѣпръ грозящій потопить нижній Кіевъ, на горы, часъ отъ часу осядающія и близкія можетъ быть къ своему паденію (*),

(*) Кіевъ былъ свидѣтелемъ нѣкотораго разрушенія сихъ горъ и потопленія части Подола, которое случилось за 40 или 50 лѣтъ передъ симъ. Сіе послѣднее свирѣпство Днѣпра продолжается такъ, что живущіе близко къ берегу переносятъ всякой годъ домики свои далѣе, и вода всякой годъ снова догоняетъ ихъ жилища.

останавливался я въ мысляхъ на земныхъ разрушенiяхъ и на превратностяхъ судьбы человѣческой.

Течетъ свѣтило дня — и вѣки про-
(текаютъ;
Дымятся прахи царствъ, народы
(изчезаютъ.

Поколѣнiя уступаютъ мѣсто другимъ поколѣнiямъ; солнце наукъ пылаетъ и гаснетъ; иногда земля представляется богатымъ святилищемъ, иногда безмолвною пустынею. Въ самое то время, когда человѣкъ готовъ кажется похитить всѣ таинства умомъ своимъ, внезапное потрясенiе природы разрушаетъ памятники разума, сокровища открытiй человѣческихъ и бытiе тѣхъ, которые вѣками собирали ихъ. Родятся новые люди, и поня-

тія снова начинаютъ образоваться, и снова человѣческой умъ ловитъ въ темнотѣ искры потеряннаго свѣта, и снова сіяетъ заря истинны до того, пока новая бездна несчастія поглотитъ успѣхи народовъ. Греція, прекрасная Греція осталась только блестящею въ мысляхъ Философа и въ душѣ Поэта; странникъ, сидя на мшистыхъ обломкахъ Дельфійскаго храма, находитъ царство запустѣнія и ничтожества тамъ, гдѣ процвѣтало царство красоты и силы. Но чтоже служитъ цѣлью такихъ важныхъ перемѣнъ въ мірѣ? Произтечетъ ли всеобщее благо изъ частнаго зла? Есть ли въ наружной нестройности вещей тайной порядокъ? Можно ли вѣрить сему девизу

нѣкоторыхъ великихъ людей: Nil ſub ſole novum?

Такъ размышлялъ я съ самимъ собою, обращался къ Философіи, чтобы она разрѣшила мои сомнѣнія, и находилъ однѣ противорѣчащія системы, однѣ догадки, однѣ остроумныя мысли, почерпнутыя болѣе изъ головы, нежели изъ природы; думалъ, какъ люди жили и еще живутъ въ счастливомъ невѣденіи, пользуясь земными благами и не заботясь о тайныхъ законахъ судьбы, непостижимой для разума; думалъ, какъ счастливыя заблужденія и сладкіе обманы предпочтительнѣе существенныхъ истиннъ, подозрѣваемыхъ разумомъ, и печальныхъ для сердца; думалъ наконецъ о сладостяхъ сердеч-

ной вѣры, о Религіи, которая разрушая умствованія, отвергая сомнѣнія, покоясь на лонѣ самаго Бога, даетъ вкушать сынамъ своимъ счастіе совершенной довѣренности.

Въ минуты сего размышленія, бродя по волѣ глазъ, очутился я на берегу Днѣпра, на мягкой зелени между поющими птичками въ тотъ часъ, когда блескъ утренняго солнца повторялся на поверхности серебряныхъ волнъ и въ капляхъ жемчужной росы; мнѣ казалось, будто первая весна міра разцвѣтаетъ передъ моими глазами. Я дышалъ радостью, которая развѣвалась во всѣхъ дуновеніяхъ вѣтерка, во всѣхъ движеніяхъ листочковъ, во всѣхъ благоухающихъ тра-

вахъ, во всѣхъ голосахъ птичекъ. Ахъ! будемъ наслаждаться природою, будемъ протекать тихо поле жизни, и не будемъ заботиться объ остаткѣ дней нашихъ, которыхъ судьба въ рукахъ Бога.

Любезные Кїевляне! любезные соотчичи! покойтесь подъ тѣнїю душевнаго мира; живите въ сладкой безпечности, не спѣшите любопытствовать; вѣрьте, что тайное внутреннее безпокойствїе тревожитъ того, кто обдумалъ всѣ вещи въ мїрѣ, судьбу жизни и судьбу человѣка. Il est beau de sçavoir, il est bon d' ignorer, такъ сказалъ одинъ Поэтъ, и такъ мыслилъ одинъ Философъ.

ПИСЬМО XXXVIII.

Деревня * * *

Прости Кїевъ! простите мѣста прекрасныя! простите памятники любопытные для путешественника, особливо для Рускаго. Я разстался съ вами.

Счастливыя предзнаменованїя провожали меня изъ Кїева; утро было прекрасное — день самой ясной — не было ни одного облачка на небѣ, ни одного облака въ душѣ моей.

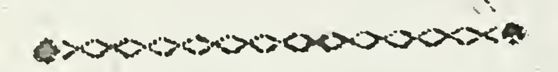
Уже Днѣпръ помчалъ меня на волнистомъ хребтѣ своемъ; Кїевъ явился въ блестящей своей картинѣ; пассажиры пѣли вокругъ меня

пѣсни, другіе творили молитвы; а я, сидя на краю лодки и перебѣгая глазами отъ романическихъ видовъ къ волнующейся равнинѣ, писалъ романъ въ головѣ моей.

Протечетъ много времени, думалъ я, будетъ много перемѣнъ въ жизни и въ сердцѣ моемъ, прежде нежели посѣщу я въ другой разъ Кіевъ. Можетъ быть пріѣду туда счастливымъ отцемъ, съ сыномъ достойнымъ носить имя другаго Эмиля; буду съ нимъ гулять по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ гулялъ одинъ, и буду повѣрять теперешнія чувства мои по чувствамъ юноши, близкаго къ природѣ. — „Здѣсь, скажу я ему, здѣсь путешествовалъ твой отецъ для твоей пользы, въ надеждѣ посвятить тебѣ жизнь

свою, любя тебя страстно, прежде нежели ты существовалъ для него и могъ оправдать такую нѣжную любовь; здѣсь заранѣе радовался я, воображая, что приношу плоды моего путешествія не въ жертву ненадежной славы, но въ пользу дружбы и нѣжности; воображая, какъ ты будешь тронутъ и бросишься обнимать счастливѣйшаго изъ отцевъ; здѣсь наконецъ старался я ближе и ближе подходить къ тѣмъ святымъ чувствамъ, которыя возбудятъ въ тебѣ присутствіе памятниковъ отечества, переносился въ твое сердце или переносилъ тебя въ мое, и въ моихъ радостяхъ наслаждался твоими радостями." — Такъ буду говорить съ нимъ, и чувствовать, что не все

счастїе потеряно для того, кто можетъ быть отцемъ нѣжнаго сына и раздѣлять его съ милою подругою. — Я веселился сею мечтою во всю дорогу до самаго вечера. Солнце закатилось; ночь покрыла природу, и счастїе мое угасло съ дневнымъ свѣтомъ. Я очутился далеко отъ Кїева, на ночлегѣ, безъ подруги, безъ сына, одинъ. . . . .

ПИСЬМО XXXIX.

Переяславль.

За двѣ версты отъ сего города стоитъ часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ Глѣбъ и Борисъ, убитые Ярополкомъ; но явленїе варварскихъ временъ, когда разбой, грабежъ

и убивство были знаками героизма, могутъ ли занимать путешественника въ осьмомъ надесять вѣкѣ? Нѣтъ! другой достойнѣйшій предметъ манилъ меня.

Теперь я нахожусь въ отчизнѣ того Поэта, который родился въ одномъ столѣтіи съ Ломоносовымъ и Екатериной, и былъ достоинъ своихъ современниковъ, послѣдовалъ за славою лирическаго Поэта и далъ намъ въ себѣ Эпическаго, жилъ во время новаго Августа, и былъ Виргиліемъ своего времени.

Здѣсь хотѣлъ бы я проходить съ Херасковымъ начало его жизни, протекать златые дни младенчества, видѣть, какъ возрасталъ духъ Поэта, какъ *релїефъ* природы впечатлѣвался въ душѣ

его, какъ вдохновенный богомъ Поэзїи, повторялъ онъ творенїе въ творенїяхъ разума. Но разогнемъ книгу сочиненїй, которая есть всегда зеркало души и жизни Писателя.

Уже я вижу зарю Поэта. Въ весенней жизни и въ весенней природѣ, онъ гуляетъ по цвѣтущей зелени, подъ концертомъ поющихъ птичекъ, и каждая картина въ творенїи раждаетъ другую прекраснѣйшую картину въ его воображенїи; и каждой отголосокъ птички повторяетъ въ душѣ его звуки той небесной гармонїи, которая строитъ теченїе мїровъ и лиры Ангеловъ, и каждое впечатлѣнїе предмета возбуждаетъ въ немъ божественныя мысли.

Иногда въ глубокомъ уединеніи онъ видитъ тотъ взглядъ, отъ котораго потрясался Олимпъ, тотъ поясъ, которой возжегъ угасшую любовь на горѣ Идѣ, и тотъ сердечной стонъ осиротѣвшаго друга, которой будетъ слышенъ въ самомъ позднѣйшемъ потомствѣ; иногда онъ проливаетъ слезы съ несчастною Карѳагенскою Царевной, внимаетъ повѣствованіямъ Троянскаго Героя, и слышитъ прекраснѣйшую музыку въ тонахъ языка человѣческаго; иногда представляется ему первое утро творенія: Адамъ и Евва въ цвѣтущемъ Эдемѣ, и потерянное наслажденіе невинности; иногда новая Муза поетъ ему на ухо славу Іоанна, покореніе Казани, осво-

божденіе отечества отъ ига Татарскаго.

Наконецъ обогащенный сими впечатлѣніями, упоенный красотами природы, плѣненный чувствомъ изящнаго, Поэтъ возносится выше земли на крыльяхъ вдохновенія, паритъ въ подсолнечной, объемлетъ, подобно орлу, единымъ взоромъ небо и землю, постигаетъ связи вещей, заимствуетъ даръ Творца, и дѣйствіемъ единой мысли производитъ новой міръ, гдѣ каждая черта есть — картина, и каждая мысль — твореніе.

Вотъ Россіяда и Эпическая Поэма!

Нѣкоторые легкіе умы судятъ о ней, какъ о бѣглыхъ стихотвореніяхъ Корнелія, какъ о Трагедіи

Расина; но я сужу о ней, какъ о Эпической Поэмѣ, гдѣ все велико, важно, величественно; гдѣ главное достоинство состоитъ въ вымыслѣ и въ изобрѣтеніи, гдѣ духъ Творца носится въ царствѣ фантазіи. Величество Эпопеи исключаетъ тѣ правила, по которымъ судятъ о простыхъ сочиненіяхъ. Поэтъ съ дарованіями рисуетъ между цвѣтами; Поэтъ съ творческимъ духомъ пишетъ въ небѣ подъ вдохновеніемъ Генія.

Говорятъ, что языкъ Хераскова не есть тотъ языкъ, которой долженъ установиться въ Россійской литтературѣ; но Писатель самой величайшій не можетъ одинъ образовать языка; совершенство его зависитъ отъ

трудовъ и числа многихъ писателей. Сверхъ того естьли Авторъ сообщилъ слогу своему всѣ возможныя красоты того языка, на которомъ онъ пишетъ, то онъ сохранитъ всегда цѣну свою, какъ Монтань заслужилъ похвалу и въ старомъ своемъ покроѣ, какъ Бокассъ, Аріостъ и Тассъ останутся прекрасными Поэтами, хотя каждый изъ нихъ писалъ своимъ особеннымъ языкомъ (*).

Сравниваютъ еще Автора Россіяды съ Авторами легкихъ произведеній вкуса

(*) Въ Италіи, говоритъ одинъ Писатель, есть языкъ Аріоста, языкъ Тасса, языкъ Махіавеля; но нѣтъ еще языка Италіанскаго. Тоже можно сказать понынѣ и о Россійской литтературѣ; но это ничего не доказываетъ противъ Хераскова.

и нѣжности, такъ какъ бы вздумалъ кто нибудь сравнивать Мильтона со Стерномъ, Волтера съ Мармонтелемъ. Я смѣюсь сравненїю, и молчу.

Наконецъ естьли Россїяда, по признанїю самаго Автора (*), подвержена благоразумной критикѣ, такъ какъ и самой Гомеръ не избѣжалъ ее; то критика должна замѣтить, что нѣтъ и не можетъ быть совершеннѣйшаго творенїя, что каждой Писатель болѣе или менѣе совершенъ въ своемъ вѣкѣ и не совершенъ въ другомъ, за нимъ слѣдующемъ; что время, обстоятельства и мѣсто Писателя имѣютъ

(*) См. Взглядъ на Эпическїя Поэмы. Творенїй М. Хераскова Томъ I. стр. 22.

вліяніе на духъ его; что должно судить о талантахъ въ отношеніи къ эпохѣ ихъ рожденія; и что наконецъ Херасковъ, воспѣвъ первый съ Калліопою въ то время, когда одинъ Ломоносовъ проглянулъ еще только на горизонтѣ Россійской Поэзіи, обработавъ дикой языкъ, вознесясь, такъ сказать, выше своего времени, заслуживаетъ славу и безсмертіе.

Но оставимъ судить потомству, и займемся дѣломъ путешественника.

Я искалъ того дому, гдѣ родился Поэтъ нашъ, но нѣтъ и тѣни его.

Посредственные люди! вы завидуете славѣ достоинства, но утѣшьтесь. Никто изъ Переяславлянъ не знаетъ, что есть на свѣтѣ

Херасковъ; я буду первой путешественникъ, которой можетъ быть затвердитъ Малороссїянамъ имя славнаго земляка ихъ. Долго талантъ не пользуется правомъ своимъ, долго слава не прославляетъ славныхъ людей; но вы говорите, что потомки бываютъ умнѣе предковъ своихъ. И такъ пока утѣшьтесь, посредственные люди!

Городъ самъ по себѣ ничего не значитъ; ничто въ немъ не отвѣчаетъ славѣ Поэта; но Поэтъ въ немъ родился — и сего довольно.

ПИСЬМО XL.

Лубны.

Окрестности Переяславля очень милы; я видѣлъ вездѣ прекрасныя долины, подобныя Темпейскимъ, — ручейки и источники, подобные Иппокренѣ; — слышалъ вездѣ тысячи соловьевъ или филомелъ, и дышалъ сладкимъ зефиромъ. Я точно бесѣдовалъ съ Геніемъ Натуры и Поэзіи.

Въ деревнѣ И * * * купался я въ рѣкѣ; чистыя, прозрачныя струи, подобно жемчужнымъ перламъ, стекались вокругъ меня; я плескался въ нихъ, освѣжалъ душу и наслаждался во всѣхъ чувствахъ. Конечно Греки чувствовали

живо сіе наслажденіе, когда они воображали, что прекрасныя Наяды живутъ во глубинѣ рѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что въ то время, когда вы погружаетесь въ воду, рука невидимыхъ Нимфъ васъ ласкаетъ, щекотитъ нервы и производитъ сладкой трепетъ.

Положеніе города *Лубны* имѣетъ нѣчто пiитическое и живописное. Перпендикулярная гора несетъ его на хребтѣ своемъ; свѣтлая рѣка лобызаетъ его подошву, зеленой лѣсъ вѣнчаетъ, и солнце въ часъ вечера отмѣнно краситъ сiю картину.

Приближаясь къ городу, видѣлъ я на травѣ двухъ горлицъ. Онѣ сидѣли такъ дружно одна съ другою, переглядывались такъ нѣжно,

такъ радовались натурою и любовію своею, что онѣ ворковали, казалось, Де-лиллевы стихи:

Que renaître au printems est un (plaisir suprême;
Mais combien les beaux jours sont (plus beaux, quand on aime.

Милы горлицы; милы стихи; милъ Поэтъ, которой написалъ ихъ.

Теперь спрашиваю себя, отъ чего гляжу я сего дня на всѣ предметы глазами энтузіазма? Отъ того, что началъ утро весело, и весело выѣхалъ изъ Переяславля. По сему случаю сдѣлалъ я замѣчаніе. Человѣкъ, открытый душею къ живымъ и глубокимъ впечатлѣніямъ, встрѣчаетъ вечеръ въ томъ же самомъ расположеніи, въ которомъ онъ началъ утро.

Какiябъ непрiятныя противорѣчiя ни пресѣкали его удовольствiя, какъ бы ни перемѣнялись обстоятельства для него; онъ останется веселъ и покоенъ, естьли первое впечатлѣнiе его при началѣ дня было прiятное. Мысли, разговоръ, упражненiе — все въ продолженiи дня заимствуетъ духъ свой болѣе или менѣе отъ сего перваго впечатлѣнiя; оно имѣетъ тогда свое влiянiе на всѣ дѣйствiя ума и сердца, такъ что для сохраненiя свѣтлой души, для успѣха добродѣтели, для достиженiя съ Франклиномъ (*) моральнаго совершенства, должно только можетъ быть стараться

(*) См. Vie de Benjamin Franklin écrite par lui-même.

о томъ, чтобъ восходящее солнце заставало насъ всегда въ миръ съ собою самими, съ подобными себъ, со всею природою.

ПИСЬМО XLI.

Полтава.

Вотъ городъ, славной въ лѣтописяхъ міра!

Россіянину не должно умереть безъ того, чтобы не взглянуть одинъ разъ въ жизни на мѣсто Полтавской баталіи, на то поприще, гдѣ сражались два вѣнценосные Ратоборца; должно вообразить на семъ мѣстѣ тотъ день, въ которой судьба вѣсила судьбу двухъ земныхъ народовъ, вѣсила судьбу двухъ

Царей и склонила вѣсы въ пользу достойнѣйшаго. Какъ ужасенъ былъ сей день для двухъ Героевъ! какъ медленно восходило для нихъ то солнце, которому надлежало освѣтить славу одного изъ нихъ! какъ медленно текли часы сраженія въ то время, когда побѣда еще колебалась! какъ въ каждомъ выстрѣлѣ; въ каждомъ воплѣ арміи, каждой изъ нихъ слышалъ восклицаніе побѣды или вопль урона! какъ надежда побѣдить и страхъ быть побѣжденнымъ — сражались въ сей день между собою съ неменьшимъ жаромъ, какъ и двѣ арміи! Но особливо взглянемъ на Петра Великаго. Я вижу быстро черные глаза его, которые освѣщаютъ воинство лучемъ мужества и на-

дежды. Онъ торжествуетъ — Полтава падаетъ къ ногамъ его — и громъ славы, раздавшись въ мірѣ и въ сердцѣ Побѣдителя, даетъ ему чувствовать судьбу блаженнѣйшего человѣка въ свѣтѣ. Удовольствіе побѣды, спасеніе отечества, будущее счастіе народа, которое должно послѣдовать за сею побѣдою, гордость благороднаго самолюбія; все радуетъ, все восхищаетъ Петра Великаго. Онъ входитъ въ городъ — и рукоплескающій народъ летитъ къ нему на встрѣчу; слѣды гордаго Карла XII изчезли, истинная слава возсѣла на развалинахъ безумнаго честолюбія... Ахъ! я люблю останавливаться мыслію на сихъ великихъ подвигахъ, которые одни достойны человѣчества,

и люблю сообщаться съ духомъ истинныхъ Отцевъ отечества.

ПИСЬМО XLII.

Полтава.

Коническая пирамида стоящая въ самомъ городѣ, въ узкомъ мѣстѣ съ мѣдною доскою, изображающею сраженіе съ стихами, недостойна сего великаго дѣла; воображеніе смѣется ей, какъ великанъ смѣется карлу; воображеніе протекло то обширное поле, которое разостлалъ, кажется, самъ богъ воинства для славы Петра Перваго. Глаза видѣли борьбу двухъ великихъ Ратоборцевъ; слухъ внималъ торжественнымъ гимнамъ

побѣды, которые пѣла и будетъ пѣть святая Поэзія въ честь Герою, и вдругъ послѣ того глаза встрѣчаютъ этотъ столбъ, частію разрушенной рукою времени, эту тѣсную улицу, эти стихи, написанные одинимъ усердіемъ Руденко (*).

(*) Вотъ они:

Полтавской брани видъ являетъ
(сей медалъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ,
(сраженъ Петромъ, упалъ;
Симъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ
(начало Росской славы.
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій
(шій Полтавы,
Которагo отецъ въ сей самой
(битвѣ былъ,
И вольность чрезъ Петра изъ
(плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сі-
(ону
Устроилъ каменный священный
(храмъ Сампсону;

Нѣтъ! очистите мнѣ обширную равнину — выберите то самое мѣсто, гдѣ летлалъ и еще летаетъ духъ великаго Мужа — соорудите мраморной обелискъ, котораго бы рука времени также поколебать не могла, какъ она не можетъ загладить дѣлъ Петровыхъ въ памяти человѣческой — вострубите съ Музою Державина похвальную пѣснь Герою — надпишите ее; и тогда сынъ Юга и Сѣвера, пришелецъ отъ страны отдаленнѣйшей, всякой Россіянинъ, чувствительной къ славѣ, прольетъ слезы восторга и радости.

Въ хвалужъ Петровыхъ дѣлъ,
(грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поста-
(вилъ образъ сей.

Но не существуетъ ли уже сей монументъ на Полтавскомъ полѣ? Не существуетъ ли онъ въ одномъ имени Полтавы, въ одномъ видѣ поля, въ воспоминанiи Россiянина?

Такъ; естьли воображенiе ваше не тронется на семъ полѣ, естьли вы не найдете на немъ Карла XII и Петра I; естьли не увидите тутъ ихъ взоровъ, ихъ движенiй, ихъ духа, — то нѣтъ нужды для васъ ни въ какомъ памятникѣ, и вы имѣете холодную душу.

ПИСЬМО XLIII.

Полтава.

Теперь сижу близь деревни Семеновки, на сценѣ славной баталіи, подъ тѣнью дуба, бывшаго можетъ быть ея свидѣтелемъ, и сравниваю въ мысляхъ Россійскаго Государя съ Королемъ Шведскимъ.

Они были оба Герои: но Герои совсѣмъ различные; одинъ ложной, другой *истинной*; одинъ пролеталъ землю съ бичемъ и пламенемъ, подобно всѣмъ кровожаждущимъ завоевателямъ, которыхъ память будетъ такъ сохранена, по мнѣнію одного Историка, какъ помнятъ эпохи землетрясенія, наводненій и всѣхъ

свирѣпствующихъ метеоровъ; послѣднiй, подобно благодѣтельному Богу или предвѣчному Хранителю природы, воздвигалъ бури и громы для того, чтобъ очистить атмосферу, чтобы ясные дни возсiяли въ нравственномъ мiрѣ; первой хотѣлъ только, чтобы имя его гремѣло въ свѣтѣ: подданные были для него одною тѣнью, и его можно сравнить съ Геростратомъ, которой для безсмертiя зажегъ Дiанинъ храмъ; второй обожалъ истинную славу, переносилъ всю личность въ лице отечества и любилъ пламенно счастiе своего народа.

Петръ I вознесся кажется свыше того круга, въ которомъ судьба его поставила; преграды положенныя

природою, дѣйствіе воспитанія, вліяніе времени — все уступило силѣ могущественнаго духа, и примѣръ его служить можетъ быть доказательствомъ, что человѣкъ самъ повелѣваетъ произшествіями міра. Карлъ XII, рожденный Героемъ, отсталъ далеко отъ того величія, къ которому казалось онъ былъ призванъ; его примѣръ могъ бы напротивъ того служить доказательствомъ, что и родясь великимъ, человѣкъ имѣетъ еще нужду, чтобъ воспитаніе обратило душевныя способности на предметъ, ихъ достойный.

Петръ родился *Великимъ*; Карлъ неустрашимымъ; Петръ имѣлъ твердость *Мужа*, Карлъ ярость безумца; проницательное око Россій-

скаго Государя сообщало ему даръ *предвѣденія*, въ Шведскомъ Королѣ не было проницанія отъ чрезвычайнаго энтузіазма; первой соображалъ всѣ шаги свои, размѣрялъ близкое и отдаленное, настоящее и будущее, строилъ въ цѣломъ, какъ зодчій полагаетъ основаніе зданія, какъ музыкантъ составляетъ концертъ голосовъ; послѣдній пользовался только настоящею минутою, забывался въ упоеніи, и представлялъ намъ весь безпорядокъ ума человѣческаго, когда одна слѣпая страсть обладаетъ имъ.

Наконецъ нѣтъ въ Исторіи ничего подобнаго тому чуду, которое совершилъ *безсмертный* Петръ. Никто изъ славнѣйшихъ учредителей гражданскаго порядка не мо-

жетъ съ нимъ равняться; никогда сила творческаго Духа не дѣйствовала надъ такимъ непроницаемымъ хаосомъ; нигдѣ не является такъ живо самъ Богъ въ дѣлѣ творенія. Одна великая мысль свыше, кажется, понятія человѣческаго постигаетъ, что невѣжество есть зло и просвѣщеніе добро, что искры свѣта таятся подъ мракомъ разума, что духъ человѣческаго могущества можетъ повелѣть хаосу, чтобъ хаосъ разсѣялся и свѣтъ родился. Петръ I взираетъ съ удивленіемъ на цвѣтущія царства, на блестящіе успѣхи ума, на лучезарное солнце полуденныхъ народовъ; — внимаетъ славѣ, которая гремитъ въ подсолнечной; мыслитъ самъ въ себѣ, и — творитъ

новое царство, котораго явленіе мгновенно послѣдовало бы въ мірѣ, естьлибъ довольно было для онаго одной силы человѣческой мысли. Съ сими предначертаніями, съ пламенною любовію къ отечеству, съ благороднымъ соревнованіемъ къ славѣ, онъ отлагаетъ величество, санъ, скипетръ ревнующей власти, чтобы странствовать между просвѣщенными народами, познавать нравы, наблюдать законы, обогащаться знаніями, пріобрѣтать все то, однимъ словомъ, что можетъ только сдѣлать человѣка достойнымъ Царскаго титла. Здѣсь бесѣдуетъ онъ съ учеными мужами; санъ въ глазахъ его ниже знанія; великой по *званію* своему смиряется предъ великими по

разуму; тамъ матрозская одежда скрываетъ на немъ блескъ порфиры; рука, правящая рулемъ Государства, правитъ орудїемъ Механики, и мореходное судно возникаетъ на Сѣверномъ Океанѣ изъ рукъ Царя — художника. Иногда онъ является въ своемъ санѣ для того, чтобы сообщаться съ вѣнчанными Главами, чтобы научиться отъ нихъ наукѣ царствовать, но безъ пышности и безъ роскоши. Обогащенный открытїями, сопровождаемый сокровищами, учеными, художниками, любимцами и обожателями славы своей, покрытый рукоплесканїями свѣта, онъ является снова на тронѣ отечества, и взоры вселенной обращаются на Сѣверъ. Ничто не показы-

ваетъ такъ ясно чудеса баснословныхъ преданій исторіи Геркулеса, Орфея, Амфіона, всѣ превращенія воспѣтыя Овидіемъ, какъ дѣла Петра Великаго. Гдѣ дикія пустыни скрывали красоты природы, гдѣ ревѣли рѣки, гдѣ шумѣли лѣса непроходимые, тамъ разцвѣтаютъ города, храмы и сады; городъ *его* имени родится на берегахъ Невы; святилище наукъ и художествъ возносится; порядокъ и повиновеніе строятъ блестящіе ряды воинства; побѣдоносные флаги развѣваются изъ краю въ край Государства, отъ Каспійскаго моря до Эвксинскаго Понта, и отъ Меотиды до Бальтики. Но что всего величественнѣе, всего прекраснѣе въ мірѣ — чело-

вѣкъ, погруженный въ затмѣнiи разума, пробуждается вдругъ при разсвѣтѣ новаго дня, познаетъ бытiе свое — познаетъ, что онъ имѣетъ умъ и душу, открываетъ въ себѣ благородныя чувства, сладкiя движенiя, великiя способности, заглядываетъ во внутренность сердца и въ святилище природы, и покоряетъ мiръ своему воображенiю, чтобы лучше имъ наслаждаться.

Osez! Dieu fit le monde et l' homme l' embellit.

Делилль сказалъ. Петръ совершилъ.

Карлъ XII.... въ параллелѣ....

Закрываю занавѣсъ.

ПИСЬМО XLIV.

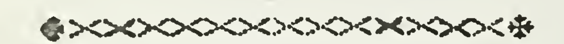
Полтава.

Естьли Историки и любящїе славу своего отечества будутъ вѣчно твердить имя Полтавы, то любители натуры не забудутъ никогда положенїе сего города на востокѣ; кажется, что Генїй мира украсилъ оное для того, чтобы глаза и сердце послѣ окровавленнаго поля битвы на немъ отдыхали. Прекраснѣйшая равнина развивается у самой подошвы горы, и съ одной стороны примыкаетъ къ холму, на которомъ въ тѣни лѣса блеститъ монастырь; излучины нѣсколькихъ рѣчекъ пере-

сѣкаютъ ее; по ней разсыпаются пески, пасутся многочисленныя стада; рощицы, подобно насаженнымъ цвѣтникамъ, зеленѣютъ отъ мѣста до мѣста; далѣе за симъ ландшафтомъ видны сельскія хижины, красивыя рощицы, луга блестящіе въ лучахъ солнечныхъ. Наконецъ, естьли смѣю такъ сказать, видъ сей столькожъ достоинъ, сколько и слава Петра Великаго, привлекать сюда путешественниковъ.

Тамъ на прекрасной эспланадѣ, сѣвъ на зеленомъ берегу рѣки Полтавки, восхищался я прекрасными видами; но натура была не однимъ моимъ утѣшеніемъ. За дальними рощами и полями мечталась мнѣ счастливая Москва, гдѣ живетъ все

любезное моему сердцу; я сидѣлъ лицемъ къ ней, и слѣдовалъ глазами зависти за быстрыми облаками, текущими къ Сѣверу; на сихъ облакахъ ловилъ я взоръ друзей моихъ — препоручалъ имъ тайну сердца — провожалъ облака, какъ могъ далѣе, глазами — простился съ Сѣверомъ, и остался одинъ въ уединенiи.

ПИСЬМО XLV.

Полтава.

О городѣ, о его строенiяхъ, о церквахъ, о Соборѣ не имѣю ничего сказать вамъ.

Малороссiяне и козаки жительствуютъ здѣсь по

большой часпи; есть также довольно и Жидовъ. Сіи последніе умѣюшъ, не смотря на ненависть людей, наживаться позволительными средствами и быть богатыми. Чего не дѣлаетъ умъ и трудолюбіе?

Козаки напротивъ того, пребывая въ лѣносши, живутъ бѣдно и грубо.

Въ моральномъ мірѣ, такъ какъ и въ Физическомъ, нужно можетъ быть дѣятельное движеніе, чтобы сохранить жизненныя способносши.

ПИСЬМО XLVI.

Мѣстечко Кобылка.

Солнце садилось, когда я выѣхалъ изъ Полтавы. Вечерняя заря багровѣла на небѣ — послѣдніе лучи свѣта замирали на небѣ, на цвѣткахъ, на рощахъ — угасли — и природа скрылась подъ завѣсою ночи; но любовникъ ея не долго вздыхалъ о ея отсутствіи. Взошелъ свѣтлой мѣсяцъ, и снова освѣтилъ землю.

Вездѣ пріятна дорога въ часы мѣсячной лѣтней ночи; но нигдѣ не чувствительна такъ сія пріятность, какъ въ Украйнѣ. Здѣсь проходятъ наши Руские караваны, обозы,

нагруженные товарами и медленно везомые волами; здѣсь проводники ихъ въ часы ночи покоются на мягкой зелени, между тѣмъ какъ выпряженные, волы кормятся питательными травами; здѣсь пастухи, пася многочисленныя стада, проводятъ также ночь въ полѣ за пылающимъ огнемъ, за курящимися трубками (*), за сытнымъ ужиномъ. Толпа людей, отъ мѣста до мѣста встрѣчающаяся, свѣтящійся огонекъ, шопотъ и шорохъ несущїяся въ вѣтеркѣ, свѣтъ тихой луны, глубокое безмолвїе ночи, — все это производитъ въ душѣ глубокое впечатлѣнїе. Я не могъ до-

---

(*) Малороссїяне любятъ страстно курить табакъ.

вольно наслаждаться сими ночными сценами, такъ что дорого бы далъ на ту минуту за то, чтобы мнѣ можно было съ друзьями моими провести одну такую ночь въ полѣ, въ такой же простотѣ, также за стадомъ и обозами. Признаюсь вамъ, что я непритворно завидовалъ состоянїю сихъ людей, и думалъ, что въ такой странической жизни, подъ открытымъ небомъ, съ покойною душею есть болѣе пищи для чувства, нежели гдѣ нибудь въ городахъ нашихъ. Смѣйтесь, называйте это шалостью; но сколько такихъ шалостей, которыя бы могли сдѣлать человѣка гораздо счастливѣе, нежели всѣ обыкновенныя важности жизни!

Эта ночь обворожила меня. Мнѣ вздумалось продолжать путь мой до самаго утра, не останавливаясь. Я такъ и сдѣлалъ. Люди мои и собачка дремали, а я подъ вліяніемъ луны бесѣдовалъ одинъ съ собою. Матеріи для размышленія было довольно; можно бы написать нѣсколько томовъ, естьлибъ я хотѣлъ только передать бумагѣ все то, что чувствовало сердце и мыслила голова. Сладкія мечты, романическія идеи, надежды будущей жизни, воспоминанія минувшихъ радостей — я истощилъ все, что есть только возможностей въ мірѣ и въ силахъ воображенія. Наконецъ утомленный тяжестію мыслей, заснулъ я самымъ крѣпкимъ и сладкимъ сномъ подъ душевнымъ разслабленіемъ.

Я проснулся на зарѣ, когда мы приближились къ мѣстечку Кобылкѣ, и пріятныя сновидѣнія, свѣтлое утро, остатокъ вчерашняго впечатлѣнія настроили снова душу мою къ глубокому чувству. Я взошелъ на пригорокъ, чтобы встрѣтить первые лучи восходящаго солнца. Тамъ смотря, какъ одна розовая точка рдѣла, разливалась въ огненномъ кругу, и наконецъ разсыпала по землѣ косые лучи злата; видя, какъ земля, птички, люди, всѣ существа въ мірѣ пробуждались къ жизни и радости, какъ молодыя бѣлорумяныя крестьянки съ коромысломъ черезъ плечо сходили подъ гору къ колодезю, какъ барашки и овечки бѣжали за пастухомъ, вызывающимъ ихъ

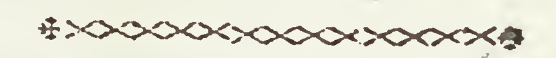
сладкою пѣснію свирѣли; видя, какъ все оживлялось съ природою, чувствовалъ я въ душѣ неописанное движеніе.

Въ минуты сего очарованія, когда еще одинъ голубокъ заворковалъ на кровлѣ одной хижины, вышла со двора молодая и прекрасная крестьянка. Румянецъ игралъ на щекахъ ея; живость играла въ ея станѣ; вѣтерокъ игралъ ея волосами; но что было всего прекраснѣе, младенецъ игралъ на рукахъ ея; онъ требовалъ груди, она не давала и улыбалась; ей весело было томить его. Я радовался счастію матери, счастію несравненному, какъ вдругъ — красавица, съ смѣлостью невинности, открыла грудь свою. Едва ли не изчезло предо мною величе-

ство матери. Снѣжная бѣлизна груди, тихое колебанiе, нѣжныя жилки, разрисованныя рукою амуровъ, плѣнительная форма округлостей, цвѣтущiя лѣта красавицы, прекрасный весеннiй день . . . . . О талисманъ! о женщины! . . . . Но младенецъ бросился, и прижался розовыми губами къ бѣлѣйшей груди. Святость матери покрыла прелести женщины; я увидѣлъ предъ собою достойнѣйшее зрѣлище въ мiрѣ, предъ которымъ низко все земное величiе, и разсудокъ сказалъ чувствамъ: *молчите!* а сердцу: *наслаждайся!*

Я удалился съ чистою душею, принося въ мысляхъ жертву очищенiя матери за минутное забвенiе чувствъ.

О добродѣтель! естьли когда нибудь я нарушу святыя права твои, то пусть не буду никогда любимъ...... милыми женщинами.

ПИСЬМО XLVII.

Кременчугъ.

Въ семъ городѣ было убѣжище, гдѣ прежде укрывались нещастные, бѣглецы, праздношатающїеся.

Сей городъ, недавно построенный, стоитъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, на ровномъ и песчаномъ мѣстѣ; нѣтъ въ немъ еще порядочныхъ строенїй; и можетъ быть, все достоинство его состоитъ въ томъ, что всѣ домики вытянуты по линїи.

Гуляя по немъ, встрѣчаются Греки, Жиды, Малороссїяне, наши Великороссійские крестьяне, и каждой съ такою физїогномїею, съ такимъ лицемъ, что вы читаете въ душѣ человѣка — и ужасаетесь. Кажется, что вы вездѣ окружены уродами моральной натуры.

Однакожъ я награжденъ былъ за оное знакомствомъ одного проѣзжающаго Италїанца. Онъ имѣетъ семейство; неудача въ купеческихъ дѣлахъ привела его въ крайнюю бѣдность. Жена его, не смотря на свое положенїе, сохранила благородной видъ. Дочь въ нѣжныхъ лѣтахъ, прекрасная собою, заставляетъ забывать ихъ о бѣдности и о несчастной судьбѣ своей. Она разливала чай

въ домашнемъ платьѣ съ черными распущенными волосами; робость потупляла взоры ея; тихїе вздохи ясно говорили, что сердце ея чувствуетъ бѣдность состоянїя и сиротство сердца. Однакожъ мнѣ не было времени долго разбирать *логогрифы* души человѣческой, и я простился съ любезнымъ семействомъ не безъ прискорбїя. Кажется, что при прощанїи взоры красавицы сказали нѣчто моимъ взорамъ.

ПИСЬМО XLVIII.

Кривой Рогъ.

Подъ Кременчугомъ переплылъ я еще Днѣпръ — и новая рѣка отдѣлила меня

отъ друзей моихъ, и новое пространство прибавилось къ разстоянію между нами. Я живо чувствовалъ это, сидя на другомъ берегу противъ Кременчуга, подъ свѣтлымъ небомъ Юга въ 900 верстахъ отъ Москвы. Но по крайней мѣрѣ, думалъ я, мы все еще подъ одною Атмосферою, подъ однимъ солнцемъ, въ одномъ мірѣ, — и мы имѣемъ еще надежду видѣть другъ друга....

Это что такое? спросилъ я, увидя на другомъ берегу Днѣпра нѣсколько избъ, тѣсную улицу, шумную толпу народа и рогатку, которая ограничивала въ глазахъ моихъ сіе мѣсто. — Это городъ Крюковъ, отвѣчали мнѣ. Городъ, повторилъ я самъ въ себѣ, и улыбнулся на сего Пигмея между городами,

которой бы могъ конечно помѣститься на Геркулесовой ладонѣ.

Отъ Кременчуга къ Херсону начинаются гористыя мѣста, и путешественникъ только что успѣетъ опуститься въ низъ, какъ уже должно взбираться на новую гору. Мѣстъ пріятныхъ нѣтъ.

Отъ Яма Зибкова, въ 100 верстахъ отъ Кременчуга, была нѣкогда Запорожская сѣчь (*). Тамъ жили козаки, какъ новые Мальтійскіе рыцари, не имѣя женъ и воюя противъ невѣрныхъ; оттуда посылали они поражать непріятеля; тамъ отъ руки ихъ погибли миліоны жертвъ;

(*) О Запорожской сѣчи будетъ говорено пространнѣе во второй части, въ описаніи Фанагоріи.

по побѣдоносное оружіе Россіи нашло ихъ во глубинѣ сѣчи, и варварство покорилось предъ Героизмомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кременчуга открылись частички горъ, которыя составляютъ можетъ быть одну цѣпь съ Крымскими горами. Здѣшнія не велики и не высоки, но довольно пространны. Онѣ состоятъ по большой части изъ аспида, и хребетъ ихъ окружаетъ деревню со всѣхъ сторонъ въ видѣ *криваго рога*; аспиду такъ много здѣсь находится, что поселяне, выкапывая его, выдѣлываютъ доски для столовъ, грифеля и проч., съ дозволенія Правительства, которое приставило къ нимъ Офицера или начальника.

ПИСЬМО XLIX.

Станція: Киргинца.

Едва ли имѣю что нибудь сказать о продолженіи моего пути къ Херсону. Кромѣ степей и почтовыхъ дворовъ, печально стоящихъ, не встрѣчалъ я ничего пріятнаго. Отъ мѣста до мѣста попадались только огромные обозы, опредѣленные надѣлять хлѣбомъ роскошныхъ городскихъ жителей въ то время, когда бѣдные поселяне, разметанные по необработаннымъ полямъ, не имѣютъ средствъ къ доставленію себѣ самонужнѣйшаго въ жизни. Зрѣлище человѣческой бѣдности, и воображеніе человѣческаго

богатства въ другихъ мѣстахъ, возбуждаютъ множество глубокихъ мыслей.

Въ одномъ бѣдномъ селенїи два мальчика просили милостыни; — я имъ подалъ — и тотчасъ сбѣжалось ихъ пятьдесятъ ребетишекъ. Остановясь, обдѣлилъ я каждаго изъ нихъ пятью копѣйками; они прыгали отъ радости; матери благословляли меня; я былъ сердечно доволенъ. Одна бездѣлка въ хорошемъ употребленїи можетъ доставить человѣку неизъяснимое удовольствїе, когда сердце въ немъ добро и умъ не испорченъ. Такъ размышлялъ я самъ въ себѣ, и гордился бытїемъ моимъ.

Отъ сего мѣста далѣе къ Херсону степи продолжаются. Ужасной видъ! Нѣтъ

нигдѣ слѣдовъ жизни; поля лежатъ пустыя; одно небо съ землею сливается; зелень и трава не приносятъ удовольствія. Тамъ невольнымъ образомъ представляешь себѣ то время, когда хаосъ царствовалъ въ твореніи, и живыя существа не населяли еще міръ нашъ; или когда воспослѣдуетъ всеобщее разрушеніе въ природѣ, и дикія пустыни покроютъ вездѣ слѣды живущихъ нынѣ людей.

Въ сихъ пустыняхъ творенія застала меня буря. Ужасной вихрь былъ ея предтечею; черныя облака застилали атмосферу; вѣтры шумѣли, воздухъ колебался, и небо и земля стенали; казалось, что всѣ стихіи міра хотятъ разорвать союзъ свой

и погрузишь вселенную въ новой безпорядокъ. Я готовъ былъ воскликнуть съ Жан-Баптистомъ Руссо:

Que vois-je! le monde vient d'éclorre;
L'univers se reforme encore
Dans les abymes du cahos.

Пишу сїе на почтовомъ дворѣ, которой есть ничто иное, какъ одна изъ горнаго камня сдѣланная стѣна, почти наравнѣ съ землею, безъ оконъ, безъ полу, съ соломенною кровлею. Я пишу днемъ при свѣчкѣ. Нѣтъ нигдѣ вокругъ селенїя. Этотъ дворъ стоитъ одинъ посреди степи такъ печально, что вы видите, кажется, человѣка занесеннаго на край свѣта въ необитаемыя пустыни, подобно Робинзону. Едва ли можно вообразить, что за сими

безплодными странами живутъ люди въ обществѣ, въ удовольствіи, подъ благословеннѣйшимъ климатомъ.

ПИСЬМО L.

Станція Ингулецъ.

Здѣсь въ семнадцати верстахъ отъ Херсона надлежало мнѣ переѣзжать рѣку Ингулецъ подъ ревомъ ужаснаго вѣтра, которой зашумѣлъ со вчерашняго дня. Не можно было взирать безъ ужаса на влажную равнину, которая волновалась, кипѣла и чернѣла; волны, разсѣкаемыя плывущимъ паромомъ и вздуваемыя буграми, разбивались съ бѣлою пѣною подъ рулемъ судна, удалялись съ

яростію къ берегу, и тамъ замирали съ шумомъ на пескахъ стенящей земли.

Сюда бы должно приходить свѣтскимъ людямъ, и Философамъ думать о ничтожности вещей земныхъ; здѣсь люди должны бы наблюдать образъ человѣческой жизни въ бурномъ волненіи водъ; здѣсь должнобъ людямъ познавать величество Бога, Систематикамъ писать свои системы, Апостоламъ нравственности — проповѣдывать добродѣтель; здѣсь наконецъ при шумѣ волнъ должно всякому человѣку размышлять о непроницаемыхъ таинствахъ природы.

Я самъ теперь пишу на берегу Ингулеца — записываю мысли свои на бумагу — и не успѣю отдавать себѣ

отчета въ тѣхъ безчисленныхъ идеяхъ, которыя однѣ за другими раждаются въ головѣ моей. Какъ неизмѣримы, какъ глубоки сокровенности міра, такъ по соразмѣрности любопытенъ умъ человѣческой. Всегда ли будетъ человѣкъ трудиться надъ изслѣдованіями великихъ предметовъ и не достигнуть до рѣшенія важныхъ вопросовъ? Всегда ли первыя причины вещей будутъ отъ него сокрыты? Есть ли предѣлы ума, и гдѣ онъ кончится? Что совершится наконецъ изъ всего видимаго? Какая связь находится между настоящимъ, прошедшимъ и будущимъ? Что есть все то, что есть? Для чего все совершилось въ мірѣ? Могъ ли міръ не существовать?

Чтобъ было тогда? . . . . . .
Воображенїе мое изнемогаетъ
подъ тяжестiю мыслей.

ПИСЬМО LI.

Херсонъ.

Херсонъ стоитъ между 47 и 48 гр. широты на устьѣ Днѣпра посреди степей, его съ трехъ сторонъ окружающихъ.

Дорога къ нему непрiятна, особливо въ нынѣшнее лѣто, когда трава пожелтѣла отъ засухи, и саранча покрываетъ нагiя поля.

Всего любопытнѣе и всего ужаснѣе видѣть приливъ сихъ насѣкомыхъ. Мирiады прыгаютъ по землѣ; дорога усѣяна ими; онѣ бѣгутъ отъ лошадей во всѣ стороны, но не

успѣваютъ разбѣжаться; однѣ хрустятъ подъ колесами, другія валятся полумертвыя; желтая полоса стелется по землѣ отъ нихъ. И это живыя твари отъ руки Бога! и сіи существа составляютъ одну цѣпь съ другими существами въ твореніи! и сіи животныя, наполняющія можетъ быть пустоту между полипами и лягушками, поглощаютъ плоды трудолюбія въ благороднѣйшемъ и возвышеннѣйшемъ мірѣ! Какія чудеса въ природѣ!

Въѣздъ въ городъ не показалъ мнѣ ничего пріятнаго; но далѣе въ такъ называемомъ *купеческомъ* предмѣстіи, въ лучшей части города, плѣнили меня свѣтленькіе домики иностранныхъ

купцовъ, каждой съ садикомъ и загородочкою передъ окнами, каждой на одной линіи съ другимъ выстроенный, такъ что вамъ вдругъ представляется одна перспектива садовъ и домовъ. Нигдѣ конечно не увидишь величества Архитектуры, ни Луврской колоннады, ни Римскаго пантеона, ни Петербургскаго эрмитажа; но за то увидишь простоту, вкусъ и пріятность, которыя конечно не въ однѣхъ богатыхъ палатахъ, не въ однѣхъ мраморныхъ зданіяхъ заключаются. Замѣтьте еще, что изъ каждаго уголка города виденъ блескъ Днѣпра, усѣяннаго зелеными островами, покрытаго судами, и быстро текущаго вслѣдъ за плывущими барками.

Рожденіе сего города есть чудо. Посреди степи, въ пустомъ мѣстѣ одна воля назначаетъ мѣсто города — и городъ возносится, люди селятся, земля обработывается; стекаются купцы изо всѣхъ краевъ земли, и новой Херсонъ цвѣтетъ, подобно древнему Херсону. Такъ творилъ людей Петръ I! Такъ повелѣваетъ природѣ и человѣчеству могущество творческаго Духа!

ПИСЬМО LII.

Херсонъ.

Крѣпость Херсонская начатая Аннибаловъ въ 1778 году, и заключающая въ себѣ каменныя зданія, арсеналъ,

Коммендантской домъ, гаубвахту и проч. обращаетъ на себя вниманіе Инженеровъ; они бы и могли показать въ ней мастерство своего искусства. Но что можетъ сказать объ ней такой путешественникъ, какъ я? Я взглянулъ только на нее.

Взглянемъ на Соборъ, построенной внутри крѣпости для прїѣзда возвышеннѣйшаго изъ путешественниковъ, громкаго въ мірѣ, знаменитаго въ Россіи, Хозяина посѣщаемой страны, Главы видимыхъ Имъ народовъ, Царя — женщины, словомъ — Екатерины II.

Простой видъ церкви плѣняетъ; тѣнистыя деревья осѣняютъ ее. Храмъ Бога — въ тѣни природы. Сердце почерпаетъ чувство Религіи

въ излїянїи слабаго свѣта, въ простотѣ иконостаснаго украшенїя, въ легкомъ сводѣ купола, которой наполняетъ только неизмѣримость между Богомъ и человѣкомъ.

Такїе храмы люблю я; въ нихъ воображенїе сквозь легкїе своды, сквозь тонкїя стѣны видитъ Божество, какъ будто сквозь прозрачность покрывала; толстыя стѣны гнетутъ мысли. Простота Архитектуры означаетъ нѣкоторымъ образомъ и кажется ближе къ великому Строителю вселенной; но бронза, мраморы, золото стѣсняютъ душу и удерживаютъ стремленїе духа, которой любитъ разлиться въ океанѣ неизмѣримаго пространства.

Взглянемъ на живопись образовъ. Эти Ангелы, Апо-

столы, мученики живы; они дышутъ; — кисть живописца воскресила на землѣ Екатерину мученицу, блѣдную, томную и прекрасную, Іоанна Богослова со вдохновеннымъ взоромъ, со пророческимъ лицемъ, Архистратига Михаила, которой возбуждаетъ трепетъ въ сердцѣ моемъ.

Вхожу въ олтарь. Жертвенникъ есть самой простой, и отъ того самой величественной. Кажется, что вы видите курящійся фиміамъ моленія и несущійся въ облакѣ къ престолу Невидимаго.

Кого вижу я надъ сѣдалищемъ? Кого представили въ семъ образѣ? Саваоѳа — Іегову; — Того, Кто, именуясь различно земными народами, не имѣетъ имени;

Кого уста не называютъ,
Но кто всего — кто нашъ отецъ.
Qu' on méconnoit, que tout annonce.

Правителя миріадовъ міровъ, миріадовъ солнцевъ, Творца червя и человѣка, Источника гармоніи, ума, чувства. . . . . .

Живописецъ! Ты не изобразишь никогда всѣ принадлежности высочайшаго Существа, всѣ черты Его величества.

ПИСЬМО LIII.

Херсонъ.

Я поклонился сего дня праху добрѣйшаго изъ людей.

Бѣлой каменной обелискъ возвышается на обширномъ

полѣ въ 8 верстахъ отъ Херсона; прекрасныя долины лежатъ вокругъ его; неизмѣримость природы служитъ ему украшеніемъ. Это гробница Говардова.

Имя сего благодѣтеля человѣчества, сего истиннаго Филантропа, будетъ вписано первое въ исторіи людей.

Одна Англинская нація могла произвести такого человѣка, которой обратилъ всѣ природныя страсти, всѣ душевныя способности, всѣ наслажденія жизни въ одно наслажденіе, въ одну способность, въ одну страсть размножать счастіе себѣ подобныхъ.

Найдите мнѣ въ Исторіи одного великаго человѣка, которой болѣе бы сдѣлалъ

изъ чистой любви къ добру, и былъ бы достойнѣе истинной славы.

Свѣтъ видѣлъ тысячу пламенныхъ Вертеровъ; земля трепетала подъ шагами Александровъ; но кто былъ Героемъ добра и человѣколюбія? Одинъ Говардъ.

Человѣколюбецъ, которой возвысился до высочайшей степени страсти къ добру, имѣлъ конецъ, себя достойной. Онъ скончалъ жизнь свою на полѣ добродѣтели, какъ воинъ умираетъ на полѣ сраженія. Одна больная женщина, за которою ходилъ онъ, сообщила ему болѣзнь свою и съ нею ядъ жизни (*).

Но люди чувствовали ли цѣну великодушнаго друга

(*) Смотри Vie d' Howard.

ихъ? Успокоили ли они въ гробѣ того, кто покоилъ ихъ при жизни своей? Нѣтъ. Онъ жилъ, и свѣтъ не удостоивалъ его уваженія; онъ умеръ, и никто не хотѣлъ воздвигнуть ему памятника. Одинъ Херсонской купецъ заплатилъ ему долгъ всего человѣческаго рода, и построилъ сей обелискъ. О люди!!........

Удалимъ сіи мысли, благословимъ память Говарда, и начертимъ скромную надпись въ честь добродѣтельнаго, которой въ последніе часы жизни изъявлялъ только одно желаніе — быть близкимъ къ небу (*).

(*) Не перевозите праха моего въ Англію; сказалъ онъ при послѣднемъ концѣ, и здѣсь буду я также близокъ къ небу.

Смотри: Vie d'Howard.

Покойся въ мірѣ, другъ людей!

Выше сей надписи замѣтилъ я съ удовольствіемъ слѣдующее:

1.

Alios salvos fecit.

2.

Vixit propter alios.

т. е.

Онъ сдѣлалъ счастіе другимъ; — для другихъ жилъ онъ.

Онъ жилъ для другихъ! Какъ трогательна мысль, что онъ жилъ не для себя!

Оставляю въ душѣ моей сіе пріятное впечатлѣніе.

ПИСЬМО LIV.

Херсонъ.

Херсонъ есть городъ купеческой и довольно многолюдной.

Здѣсь живутъ Поляки, Нѣмцы, Французы, Агличане, Греки и Жиды. Здѣсь перемѣшиваются нравы, обычаи и вѣры нѣсколькихъ народовъ; здѣсь сообщаются разные умы и сердца; здѣсь отъ тренія мнѣній вылетаютъ искры, которыя освѣщаютъ сферу идей, и которыя ловитъ наблюдатель всегда съ удовольствіемъ.

Херсонъ оживилъ мою душу. Любовь къ общежитію, врожденная въ человѣкѣ,

нашла себѣ сладкую пищу. Въ самой первой день, когда я сюда прiѣхалъ, за обѣдомъ въ трактирѣ сидѣло около десяти иностранцевъ, между которыми одинъ молодой дворянинъ и я были только Рускiе. Вообразите мое удивленiе, когда сѣвъ за столъ, услышалъ я, что языкъ любимой въ цѣломъ свѣтѣ, языкъ Волтера и Расина, гремитъ во всѣхъ устахъ, когда Аттическая соль посыпалась со всѣхъ сторонъ, когда искры просвѣщеннаго ума засверкали между бесѣдующими. Начали сперва разсуждать о моемъ путешествiи, о которомъ заставило всѣхъ спросить присутствiе незнакомаго человѣка; — сравнивали, замѣчая, что не должно сравнивать Кука съ

дю Пати, Палласа со Стерномъ, путешественника натуралиста съ путешественникомъ Философомъ; -- восхищались великими умами, цвѣтами талантовъ, Жан-Жакомъ и Аруэтомъ; — молили Музъ, чтобы Поэзія вѣчно процвѣтала на землѣ для счастія чувствительныхъ сердецъ; — радовались, что заря ея сіяетъ еще въ ле-Брюнѣ, Делиллѣ и ле-Гувѣ, въ то время, когда закатилось солнце Французскаго Парнасса; — читали стихи — разсказывали анекдоты — и наконецъ посмѣясь на счетъ Поэтовъ и Философовъ, позабавясь, выпивъ за здоровье путешественника, разстались всѣ, какъ разстаются пріятели съ желаніемъ увидѣться на другой день.

Признаюсь, что тутъ только возвратился я отъ предубѣжденія, съ которымъ приближался къ полуденному краю Россіи, что въ немъ нѣтъ ни пріятнаго общежитія, ни истиннаго просвѣщенія. Я былъ послѣ сего обѣда въ нѣкоторомъ упоеніи; душа моя, сжатая въ долговременномъ одиначествѣ, излилась въ сообщеніи съ людьми; все шумѣло и кружилось въ головѣ моей, когда я уединился въ свою комнату, и я съ нѣкоторымъ восторгомъ проходилъ въ мысляхъ сладкія минуты, проведенныя мною въ семъ обществѣ.

Вотъ духъ здѣшняго общежитія, которой мало по малу сообщается отъ чужестранцевъ и къ Рускимъ жителямъ въ Херсонѣ!

Не буду говоришь о здѣшнихъ Рускихъ обществахъ и жителяхъ; ибо я не имѣлъ времени или желанія знакомиться съ многими; но жалѣю, что не воспользовался случаемъ быть у Господина Даш***, котораго жена родомъ Полячка, прекрасная собою, одаренная умомъ и знаніемъ, бываетъ, какъ Госпожа Неккеръ, душею самыхъ пріятныхъ и ученыхъ обществъ. Я сужу такъ объ ней по описанію одного человѣка, очень ей знакомаго, и потому что я самъ имѣлъ счастіе провести съ нею въ Москвѣ одинъ вечеръ.

Я познакомился здѣсь коротко и болѣе другихъ съ пріѣзжимъ Малороссійскимъ дворяниномъ Ш***, которой, воспользуясь воспита-

нїемъ, полученнымъ имъ въ Кадетскомъ Корпусѣ; поселился здѣсь жить для дружбы и спокойствїя, и съ Швейцаромъ Рос* * *, его сотоварищемъ, которой выслуживъ крестъ Св. Владимїра въ нашемъ флотѣ, отдыхаетъ нынѣ на лонѣ мирнаго счастїя.

Эти два человѣка живутъ вмѣстѣ, и въ нихъ должно удивляться взаимнымъ выгодамъ, которыя соединяютъ тѣснымъ союзомъ людей въ обществѣ. Шес* * *ъ, богатой дворянинъ, раздѣляетъ нѣкоторую часть имѣнїя съ прїятнымъ ему товарищемъ; Швейцаръ простаго роду и бѣдной служитъ ему за то удовольствїемъ своего сообщества. Первой любя дѣятельность и входя

въ нѣкоторые подряды для приращенія своихъ доходовъ, радуется, что онъ имѣетъ сотрудника; послѣдній безпечной, предаваясь охотно волѣ судьбы, радъ, что онъ имѣетъ побужденіе къ дѣламъ. Тотъ живой, веселой, страстной ко всему и къ наукамъ, любитъ въ часы отдохновенія пользоваться знаніями умнаго человѣка; этотъ склонной къ задумчивости, къ унынію, находитъ удовольствіе въ томъ, что разговоръ молодаго человѣка разсѣеваетъ иногда и даже развеселяетъ его. Такимъ образомъ они служатъ другъ другу взаимно, живутъ согласно и счастливо отъ самаго разнообразія характеровъ, и доказываютъ можетъ быть мнѣніе славнаго Сен-

Пьера (*), что красоты физическаго и моральнаго мїра основаны на противностяхъ.

Между прочими знакомствами долженъ я замѣтить одного молодаго человѣка, которой узнавъ, что я путешествую изъ любви къ наукамъ, явился ко мнѣ сегоднешнимъ утромъ и отрекомендовался мнѣ, какъ любитель Литтературы, какъ Поэтъ, а особливо какъ ревностнѣйшїй почитатель Карамзина. — Радуюсь вашему знакомству, сказалъ я, но столькожъ радуюсь и тому, что въ самомъ отдаленнѣйшемъ краю Россїи читаютъ и восхищаются нашимъ слав-

(*) Смотри Etudes de la nature, par Bernardin de Saint Pierre.

нымъ соотечественникомъ. — Какія его сочиненія читали вы съ большимъ удовольствіемъ? — Его *плоды меланхоліи* нравятся мнѣ чрезвычайно. — Извините, государь мой! это не его сочиненіе. — Такъ, я ошибся; но я читалъ его прекрасную сказку о Царѣ, о Царевнѣ, о Карлѣ. — Понимаю. — Есть также кажется его сказка, гдѣ онъ описываетъ ночь и Турчанку. — Вы говорите конечно о Ліодорѣ. — Такъ, это самая. — Но, какъ почитатели Карамзина, вы конечно читали его путешествіе? — Нѣтъ; я не зналъ, что оно есть. Я выпишу его изъ Москвы. — Поспѣшите. Ваше почтеніе и уваженіе къ талантамъ сего писателя будетъ имѣть еще болѣе осно-

ванія. — Послѣ сего молодой человѣкъ прочиталъ мнѣ нѣсколько своихъ стиховъ наизусть, и сказалъ, что онъ переводитъ Гнидійской храмъ, сочиненія Монтескье, и жалѣлъ только, что онъ забылъ нѣсколько Французской языкъ.

ПИСЬМО LV.

Херсонъ.

Шест ***, Швейцаръ Рос *** и я взявшись за руки, пошли гулять вечеромъ на берегъ Днѣпра. Я ихъ распрашивалъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ города; они мнѣ разсказывали, и такимъ образомъ приближились мы къ купеческому порту.

Пристань построена на сваяхъ; суда Греческія, Турецкія и Россійскія стояли на якоряхъ; разноцвѣтные парусы развивались по воздуху, толпа матросовъ тѣснилась вокругъ насъ; одни выгружали товаръ, другіе нагружали; рыбаки вытаскивали рыбу; торгаши и покупщики умножали шумъ и движеніе. Я радовался, смотря на сіе кругообращеніе, гдѣ вѣчная мѣна трудовъ и услугъ, какъ говоритъ Мармонтель, заставляетъ насъ удивляться механизму общественности.

Между тѣмъ, какъ я радовался живостью людей, товарищи мои разсказывали мнѣ любопытнѣйшія вещи. — Туда къ Югу далѣе, говорили они, стоитъ Царь-Градъ, древ-

няя Византія; отсюда можно посиѣть туда въ однѣ сутки по способному вѣтру. На правой рукѣ по берегу Черного моря простираются наши владѣнія на 200 верстъ до города Свидіополя и Днѣстра, которой служитъ границею между нашею и Турецкою землею. На лѣвой рукѣ, въ 80 верстахъ отсюда, цвѣтетъ во всей красотѣ полуостровъ Крымъ, славной въ древности по своей коммерціи и не менѣе достойный славы по живописнымъ мѣстамъ своимъ.

Я распрашивалъ ихъ еще обо всѣхъ частяхъ окружающаго насъ горизонта, какъ вдругъ пара Офицерскихъ дѣвушекъ, гуляющихъ по берегу, привлекли на себя все вниманіе моихъ товарищей, кото-

рые хотѣли и меня прельстить ими. — „Взгляните: какія прекрасныя лица!„ — Но лица ихъ, государи мои, не имѣютъ физіогноміи, никакого выраженія. — „Какъ онѣ нарядны!„ — Но нарядъ ихъ безъ вкуса. — „Какая стройность!„ — Но въ стройности ихъ нѣтъ движенія и души. — „Какіе черные глаза!„ — Но взоры ихъ ничего не говорятъ. — „Черные волосы!„ — Нѣжность ихъ не сплетала. — „Розовыя губы!„ — Онѣ не манятъ поцѣлуя. - „Онѣ красавицы!„ — Ахъ, государи мои! вы не видали конечно никогда Московскихъ красавицъ. — Наконецъ мои противорѣчія никогдабъ не кончились, ежели бы упомянувъ о красавицахъ, не задумался я о любезнѣй-

шей изъ нихъ, которая въ сiю минуту по тайному согласiю сердецъ также обо мнѣ конечно думала.

Послѣ того вниманiе наше обратилось на Грека, которой сидя на палубѣ пробѣгалъ смычкомъ по струнамъ скрыпки. Онъ былъ Грекъ; онъ хотѣлъ услаждать душу свою гармонiею; онъ напоминалъ о счастливомъ образованiи того народа, въ которомъ родились Гомеры и Саѳы; но бѣдное его рубище, лице подлое и грубое, разногласiе тоновъ заставляли живо чувствовать, что онъ не имѣлъ ничего сходнаго съ древними Греками, кромѣ имени. Не могу описать того чувства, которое происходило въ душѣ моей, когда я сравнивалъ въ

мысляхъ прежнюю Грецію съ нынѣшнею.

Возвращаясь мы разсуждали, какъ одинъ благорастворенной климатъ, одно счастливое образованіе не могутъ производить въ людяхъ утонченія чувствъ, мыслей и нравственности, какъ нравственное воспитаніе дѣйствуетъ на душу, какъ прежніе Греки въ прекрасной странѣ, оживленной еще прекраснѣйшею фантазіею, дыша Піитическимъ воздухомъ, встрѣчая вездѣ *лицеи* Философовъ, храмы Музъ, улыбки Грацій, питались чувствомъ изящнаго и были изящнѣйшими изъ нравственныхъ существъ, и какъ теперешніе Греки подъ тѣмъ же вѣчно цвѣтущимъ небомъ, съ тѣми же способностями не имѣютъ

ни тонкаго чувства, ни творческаго разума, ниже того просвѣщенія, которое находимъ мы въ послѣднихъ націяхъ Европы.

Прогулка кончилась, и съ нею разговоръ нашъ о Грекахъ, которой оставилъ во мнѣ печальное чувство.

ПИСЬМО LVI.

Херсонъ.

Въ часъ утренней прогулки встрѣтилъ я сего дня ѣдущую карету, въ которой сидѣли двѣ женщины: одна блѣдная, томная и горестная поразила меня; я спросилъ объ ней моего знакомаго Швейцара, которой и разсказалъ мнѣ ея исторію.

„Сія дѣвушка была въ 15 лѣтъ прекрасна, умна и мила; родные страстно ее любили, чужіе восхищались ею; мущины приносили ей въ жертву сердца свои; но красавица была только чувствительна въ сихъ лѣтахъ къ достоинствамъ одного молодаго человѣка, которой былъ также чувствителенъ къ ея красотѣ. Не извѣстно ничего о точностяхъ ихъ связи: никто не зналъ, что таилось въ душѣ того и другаго; но вдругъ въ одинъ день, въ которой солнце не померкло и ничто въ природѣ не перемѣнилось, красавица блѣднѣетъ — взоры родителей обращаются на нее — она подаетъ знакъ, что болѣзнь въ груди ея — бросаются къ ней, и ударъ

паралича лишаетъ ее руки и языка."

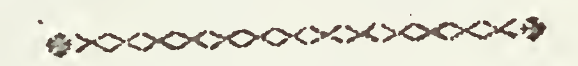
"Протекаетъ время; бѣдная сохраняетъ чувство нѣжности ко всему, что было для ней мило; живая пантомима даетъ чувствовать, что сердце ея еще любить умѣетъ, но выраженіе сего сладкаго чувства не возвращается на блѣдныя уста ея. Тщетно прибѣгали къ искуству врача; тщетно пламенная молитва сердецъ хотѣла тронуть небо; — небо не трогалось; и несчастная лишилась навѣкъ утѣшенія сообщаться языкомъ съ любезнѣйшими предметами сердца. Часто застаютъ ее одну въ уединеніи, опершися головою на одну руку и положивъ другую слѣмѣкшую на сердце, гдѣ еще жива

любовь и горячность; она сидитъ безмолвно, глядитъ на небо и заливается слезами. Сія сцена безмолвная, трогательная, ужасная служитъ ей вѣроятно утѣшеніемъ. Но какъ скоро приходятъ къ ней родные, она обтираетъ слезы свои; горесть хочетъ скрыться отъ глазъ ихъ, и страдалица утѣшаетъ ихъ нѣжною улыбкою, которая въ одну минуту родится и въ ту же минуту замираетъ..... Уже протекло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ несчастная не можетъ никому говорить того устами, что такъ ясно говоритъ ея сердце, что она любила и была несчастлива..,

„Молодой человѣкъ разставшися съ нею за нѣсколько дней предъ симъ несча-

стіенъ — не возвращался ни къ ней, ни въ тотъ городъ, гдѣ она живетъ, и никогда о ней не освѣдомлялся. . . . . „

Я не могу продолжать; глаза мои полны слезъ, сердце полно горести.

ПИСЬМО LVII.

Николаевъ.

Дорога отъ Херсона къ Николаеву около 80 верстъ простирается степями. Нѣтъ никакого селенія, кромѣ почты и постоялаго двора. Нѣтъ нигдѣ ни деревца, ни цвѣточка, ни ручейка; одна желтая трава, перегорѣвшая отъ засухи, служитъ покровомъ сей наготы; ничто не прохлаждаетъ воздуха, ни-

что не улыбается въ природѣ, и душа остается мертва, подобно предметамъ, ее окружающимъ.

Такъ дѣйствуетъ на душу видъ дикой степи, что картина солнечнаго захожденія, которая такъ плѣнительна въ другихъ мѣстахъ свѣта, расположила здѣсь меня къ унынію. Съ самыми печальными мыслями, подобными черной ночи, которая темнила небо и землю, приближился я къ Николаеву.

Тамъ я спѣшилъ освѣжить себя сномъ, чтобы разсматривать назавтра городъ съ новою свѣжестію души.

ПИСЬМО LVIII.

Николаев.

Сего дня вставъ въ семь часовъ, приготовился я итти къ Господину Аѳонину, Рускому дворянину, которой учился нѣсколько лѣтъ въ Упсалѣ у славнаго Линнея, и теперь живетъ тихо для себя, какъ старецъ, утомленный шумомъ жизни, и какъ другъ природы, наукъ и тишины.

Я послалъ сперва человѣка сказать ему, что одинъ Руской путешественникъ требуетъ позволенія посѣтить его и вручить письмо; но онъ отвѣчалъ, что почитаетъ себѣ за долгъ

предупредить меня своимъ посѣщенїемъ. Мнѣ не хотѣлось уступить ему въ учтивости; сверхъ тогожъ лѣта его и положенїе дѣлали его въ глазахъ моихъ почтеннымъ, и я рѣшился еще повторить мою прозьбу въ слѣдующемъ письмецѣ:

„Молодой путешественикъ будетъ стыдиться, что не онъ первой посѣтилъ ученика славнаго Линнея, славнаго Упсальскаго мудреца. Осмѣлюсь ли еще требовать сей чести и сего позволенїя?„ —

Послѣ учтиваго словеснаго приглашенїя, я пошелъ къ нему, засталъ его за книгою и провелъ съ нимъ нѣсколько прїятныхъ часовъ.

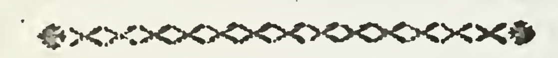
Онъ живетъ по-философски, частїю отъ бѣдности

состоянія, частію и по правиламъ благоразумія. Двѣ маленькія комнаты составляютъ все его жилище, садикъ — украшеніе, одинъ человѣкъ — слугу; все вокругъ его чисто, просто и пріятно. Не довольно ли для душевнаго спокойствія и можетъ быть для счастія?

Мы разговаривали о путешествіи, объ удовольствіяхъ жизни, о наукахъ, которыя бываютъ существеннѣйшими пріятностями для человѣка, и наконецъ о природѣ, которая настроиваетъ всегда душу къ глубокому чувству, служитъ предметомъ неистощимыхъ размышленій, и доставляетъ пищу умамъ дѣятельнымъ. Я восхищался, радовался, что вижу человѣка, которой въ тихомъ

уголкѣ свѣта умѣетъ пользоваться жизнїю, натурою и умомъ своимъ.

Но особливо радсвался я тому, что вижу человѣка, которой былъ нѣкогда близокъ къ славному Линнею; мнѣ казалось, будто я открываю слѣды его и сообщаюсь съ его духомъ. Ахъ! самая тѣнь великаго человѣка привлекаетъ душу.

ПИСЬМО LIX.

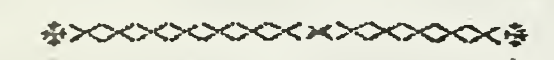
Николаевъ.

Николаевъ стоитъ въ долинѣ, окруженной пригорками, при впаденїи Ингула въ Бугъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чернаго моря.

Адмиралтейство, крѣпость, суда стоящія на якоряхъ служатъ главнымъ украшеніемъ города.

Соборная церковь во имя Св. Григорія есть зданіе вкуса и нѣжности. Я говорю о внутренности. Четыре арки составляютъ своды; шесть мраморныхъ колоннъ горизонтально пересѣкаютъ трапезу; надъ олтаремъ сгибается куполъ, поддерживаемой восьмью колоннами, изъ которыхъ четыре окружаютъ жертвенникъ, а другія отдѣляются Царскими дверьми, и олтарь представляетъ полукружіе. Нѣтъ никакихъ другихъ красокъ и цвѣтовъ на иконостасѣ, кромѣ свѣтло-голубаго, подобнаго небесной лазури и чистаго злата, подобнаго злату лучей сол-

нечныхъ; стѣны всѣ бѣлыя. Простота, смѣшенїе двухъ прекраснѣйшихъ красокъ въ природѣ, и живопись образовъ поселяютъ въ семъ храмѣ чувство и благоговѣнїе.

ПИСЬМО LX.

Николаевъ.

Естьли вы хотите увидѣть романическое убѣжище, пустыню, сотворенную для любви и счастїя, то взгляните на Спаское урочище, въ двухъ верстахъ отъ Николаева; взгляните на свѣтлинькой домикъ съ галлереею и террасою, на берегу рѣки Буга, осѣненнаго сребристыми осокорами; загляните въ темную бесѣдку, приготовленную для

таинства любви, и какъ будто бы скрытую самымъ Амуромъ въ густой тѣни рощицы; загляните въ густыя темныя аллеи сада, гдѣ сросшіяся вѣтьви перевиваются цѣпями надъ головою гуляющихъ, и грозятъ, кажется, оковами тому, кто приноситъ туда съ собою нѣжное сердце; загляните особливо въ тихіе зеленые лѣсочки, гдѣ излучистыя тропинки, нечаянной лужекъ, шумъ отдаленнаго водопада оживлены, кажется, кистію славнаго пѣвца садовъ (*); погуляйте по симъ мѣстамъ; посидите на дерновыхъ диванахъ, подъ звукомъ поющихъ птичекъ, подъ журчаньемъ ключей, —

(*) Де-лиллъ.

и вы вдругъ задумаетесь, и сладко, сладко вздохнете.

Сїе Спаское урочище, сїе божественное уединенїе, сїе сладкое убѣжище, гдѣ должно бы укрываться однимъ нѣжнымъ любовникамъ, было увеселительнымъ жилищемъ великолѣпїя, скуки, и можетъ быть, праздности.

Тамъ Руской нашъ Ришелье бесѣдовалъ съ самимъ собою въ кругу других вельможъ въ нѣгѣ и удовольствїи; тамъ однимъ взоромъ и словомъ повелѣвалъ онъ природѣ, которая перемѣнялась вдругъ предъ нимъ въ своихъ видахъ подъ рукою каменосѣчцевъ, плотниковъ и садовниковъ; тамъ уединясь одинъ въ густоту лѣса, открывался онъ можетъ быть одному небу въ скукѣ и въ

безпокойствѣ, которыя въ нѣдрахъ земнаго величества томили душу его.

Теперь ничего не осталось; домъ и садъ запустѣли, и ничто въ мірѣ не сохранило ихъ памяти. . . . .

Подумайте о ничтожности вещей человѣческихъ!

Мнѣ сказывали, что сіе мѣсто принадлежало одному Швейцару Фабру, у котораго оно куплено за 5000 р. Фабръ вздумалъ поселиться въ сихъ степяхъ въ то время, когда еще козаки или Запорожцы производили свои набѣги. Онъ радовался прекрасному положенію мѣста — жилъ съ женою, и ничего не предчувствовалъ, какъ вдругъ въ одну ночь, когда онъ заключалъ въ объятіяхъ своихъ нѣжную супругу, Запорожцы

переплывають Бугъ — врываются въ тихое убѣжище, въ домъ, въ самую спальню, и разбужають покоющихся супруговъ. Вообразите ихъ состоянїе! Варвары ихъ разлучають; одинъ похищаетъ мужа, другой жену нагую, блѣдную, устрашенную. Не могу описать вамъ того ужаса, которой овладѣлъ мною, когда мое воображенїе представило себѣ сїю сцену. Какая минута, когда похитили женщину изъ объятїй сна и любви, когда она силилась тщетно отъ нихъ освободиться, когда несчастной супругъ былъ свидѣтелемъ ея страданїя, ея борьбы и наконецъ ея стыда!

Злодѣи покравъ все ихъ имѣнїе, насытивъ грубую чув-

ственность, оставивъ имъ жизнь одну, скрылись.

Правосудїе наказало преступленїе; но оно не могло заплатить за оскорбленїе чести и за нарушенїе всего, что есть драгоцѣннѣе для цѣломудрїя и стыдливости.

ПИСЬМО LXI.

Николаевъ.

Я видѣлъ сего дня за городомъ то мѣсто, гдѣ нѣкогда воздвигнутъ былъ громовой отводъ. Желѣзной прутъ, поставленной на возвышенномъ пригоркѣ, предохранялъ городъ и жителей отъ свирѣпости стихїй; но невѣжество, приписывая ему продолжаю-

щуюся здѣсь засуху, разрушило его за нѣсколько лѣтъ предъ симъ. Такъ народъ нашъ, думая обезоруживать небо, вооружаетъ его на себя. Такъ пагубное суевѣрїе уничтожаетъ пользу наукъ и просвѣщенїя! Такъ малъ и великъ умъ человѣческой! Всегда ли Омары будутъ жить въ нравственномъ свѣтѣ вмѣстѣ съ Франклинами?...

Еще черта сего невѣжества: въ саду разведенномъ за десять лѣтъ предъ симъ, гдѣ расточены были всѣ богатства природы, куда выписывали лучшїя растѣнїя изъ чужихъ краевъ, гдѣ труды и искуство насадили можетъ быть произведенїя четырехъ странъ свѣта; — въ семъ саду не осталось нынѣ ни одного деревца;

нѣкоторыя сожжены, другія порублены. Рука времени не такъ разрушительна, какъ рука человѣка.

Занимаясь сею послѣднею мыслїю, гулялъ я, и нечаянно пришелъ къ Соборной церкви, мною описанной, которой видъ послѣ образа разрушенїй утѣшилъ меня. Человѣкъ разрушаетъ; но человѣкъ и строитъ.

Архитектура церкви впечатлѣлась въ душѣ моей. Наружность ея есть *релїефъ* красоты. Архитекторъ повѣрялъ бы се компасомъ; но я повѣрялъ сердцемъ и глазами: двумя чувствами, которыхъ орудїе, полученное отъ природы, не такъ обманчиво, какъ орудїе искуства человѣческаго.

Вкусъ въ художествахъ и наукахъ есть только чувство изящнаго, въ которомъ мы не умѣемъ отдать себѣ отчета, но которой имѣетъ свое начало въ природѣ и въ душѣ нашей. Чтобы чувствовать вѣрность живописи, красоты Поэзіи, соразмѣрности Архитектуры, надлежитъ имѣть понятіе о совершенствѣ. Не отъ того ли человѣкъ съ утонченіемъ своего чувства восхищается вездѣ тайными красотами, которыя укрываются отъ взора обыкновенныхъ людей?

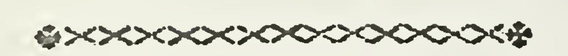
Тамъ сѣвъ на берегу шумящей рѣки, подъ вліяніемъ прекраснаго утра, обратился я мыслію къ Тому, кто самъ себѣ воздвигнулъ прекраснѣйшій храмъ въ природѣ. Солнце сіяющее на небѣ, земля

украшенная зеленою ризою, миліоны населенныхъ тварей, благовоніе и фиміамъ цвѣтовъ, живость птичекъ, — все въ натурѣ являетъ намъ Бога, Котораго такъ слабо изображаетъ человѣческое искуство.

Долго занимался я сими мыслями, долго бесѣдовалъ съ природою и Творцемъ ея, и съ трудомъ могъ разстаться съ симъ утромъ, съ симъ мѣстомъ и съ сими мыслями.

Первое дѣйствіе природы есть то, что она поселяетъ миръ и удовольствіе во глубинѣ сердца. Я возвратился домой съ кротостію духа, которая не уступила можетъ быть ничѣмъ кротости самыхъ Ангеловъ, чувствовалъ

себя въ мірѣ съ человѣчествомъ, и былъ доволенъ жизнію.

ПИСЬМО LXII.

Николаевъ.

Раздѣлите со мною самыя живѣйшія движенія души и самыя сладчайшія чувства природы.

Уже пять лѣтъ тому, какъ судьба скрыла отъ меня въ неизвѣстное мѣсто одно милое существо, которое бываетъ для сердца дороже матери, дороже друга, дороже самой любезнѣйшей женщины въ мірѣ, о которомъ одно воспоминовеніе приноситъ намъ улыбку радости и счастіе цвѣтущихъ лѣтъ на-

шихъ. Я былъ разлученъ съ симъ драгоцѣннымъ существомъ, томился въ неизвѣстности и переставалъ уже надѣяться, чтобы небо возвратило его когда нибудь бѣдному сердцу, которое сотворено кажется для потери. Небо конечно смягченное и тронутое захотѣло наконецъ наградить меня за страданіе чувствительности. Въ самое то время, когда я готовился къ отъѣзду изъ Николаева и не воображалъ ничего, приходятъ мнѣ сказывать, что одинъ человѣкъ для меня любезной, которой не хочетъ прежде сказать мнѣ своего имени, ожидаетъ меня въ своемъ домѣ въ нѣсколькихъ шагахъ. Я ничего не угадывалъ: это было для меня загадкою; и одна невольная

улыбка сверкнула на устахъ моихъ. Слово *любезнаго* человѣка есть нѣчто такое волшебное, что вдругъ перемѣняетъ душу и вселенную; природа показалась мнѣ свѣтлѣе и прекраснѣе, и сердце мое запрыгало отъ радости. Уже я бѣгу — чувствую нетерпѣніе и робость — ничего не предвижу — сердце мое только бьется — приближаюсь къ назначенному дому, и . . . . . вижу бѣгущую ко мнѣ женщину съ радостнымъ воплемъ, съ радостными слезами; это была моя кормилица.

Вообразите мое сладкое удивленіе, мой восторгъ, мою радость. Броситься къ ней, заключить ее въ мои объятія, прижать къ груди моей ту, которая такъ долго носила меня на груди своей,

было одно мгновенїе. Около часа пребывали мы безмолвны — держали другъ друга за руку — глядѣли другъ на друга какъ будто бы вглядываясь въ любезныя черты — какъ будто бы ловя въ сихъ минутахъ свиданїя всѣ часы, дни, годы, потерянные въ разлукѣ, и почерпали снова всѣ тѣ радости, которыя такъ долго укрывались отъ сердецъ нашихъ; казалось, что все то время, которое мы были въ разлукѣ, возвратилось къ намъ съ одною секундою и что мы прожили вдругъ нѣсколько годовъ, похищенныхъ у счастїя; казалось также, что мы впивали чувствами своими мало по малу капли любви и дружбы, чтобы не вдругъ наполнить мѣру удовольствїя и

счастія. Ахъ! естьли бы такіе восторги могли часто посѣщать сердце человѣческое, то бы оно скоро истощилось.

Послѣ первыхъ волненій, послѣ перваго изступленія мы вошли въ домъ. Тамъ мы видѣлись уже не въ шумѣ, не въ присутствіи тягостныхъ свидѣтелей, не на улицѣ, но подъ тихою кровлею и посреди семейства, котораго и я почиталъ себя сыномъ. Мы сидѣли, обнимались, истощали всѣ сладчайшія имена языка человѣческаго, разсказывали, вспоминали и — трогались. Сладко, оченъ сладко быть близкимъ къ груди, которая насъ покоила въ младенчествѣ, и чувствовать, какъ сердце другой матери бьется отъ

радости вмѣстѣ съ сердцемъ другаго сына.

Однакожъ видя передъ собою ту, на рукахъ которой улыбался я младенцемъ, невольное воспоминанїе заставило меня вздохнуть. Я былъ нѣкогда невиненъ и счастливъ, какъ Ангелъ, какъ первой человѣкъ, описанный однимъ Поэтомъ, и потерялъ счастїе невинности — пѣлъ блаженство дней моихъ, какъ веселая пташка, и вдругъ умолкъ отъ грома и бури — цвѣлъ и теперь можетъ быть отцвѣтаю. Такъ размышлялъ я самъ въ себѣ; унынїе овладѣло душею моею, и слезы на глаза навернулись; но любезная Марина, которой улыбка умѣла развеселять меня въ колыбели, обтерла еще легкою рукою своею юно-

шескія мои слезы. Я утѣшился.

На другой день явилось предо мною нѣсколько бывшихъ крестьянъ нашихъ, которые также живутъ въ Николаевѣ. Они пришли — я говорю ихъ словами — взглянуть на сына добраго своего господина, благословляли память моихъ любезныхъ родителей, и хотѣли знать, живутъ ли они еще въ семъ мірѣ для счастія подвластныхъ имъ сердецъ. Я сказалъ, что одного изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ. — Да утѣшитъ его Богъ въ царствѣ небесномъ, такъ какъ онъ утѣшалъ насъ на землѣ! воскликнулъ одинъ изъ нихъ. Да будетъ въ вѣкъ счастливо все его семейство! повторилъ другой. Да продлитъ

Богъ лѣта дѣтей его, и да будетъ добродѣтель всегдашнимъ наслѣдствомъ сего дома, сказалъ третій. Другіе стояли и плакали. Судите, что я чувствовалъ въ сію минуту, и это было не въ романѣ (*).

По сему случаю любезная Марина разсказала мнѣ еще нѣчто такое, что меня до слезъ тронуло. Свекоръ ея,

---

(*) Нѣтъ нужды сказывать, что это не романъ. Путешествіе сего рода не терпитъ выдумки. Авторъ сихъ писемъ видѣлъ въ самомъ дѣлѣ свою кормилицу, и — нечаянно. Кормилица была продана съ деревнею; ее не льзя было выговорить, по привязанности къ наслѣдственному крову и по связямъ семейственнымъ; послѣ того она переселилась въ Николаевъ со всею семьею, и была записана въ цѣхъ купцовъ, за Государя, но это была тайна.

которой съ нею сюда переселился, не могъ никогда вспомнить безъ слезъ о благодѣтельномъ своемъ господинѣ. За нѣсколько часовъ до своей смерти, чувствуя ея приближенiе, онъ стоялъ на колѣняхъ и молилъ Бога, чтобъ онъ продлилъ жизнь и счастiе нашего нѣжнаго отца, которой былъ также и ихъ отцемъ. Такая молитва, такое чувство, такая черта возвышаетъ человѣчество. Теперь оба старцы — и отецъ своего подданнаго и сынъ своего господина наслаждаются въ другомъ благороднѣйшемъ мiрѣ, — одинъ чувствомъ благодѣянiя, а другой чувствомъ признательности.

Писатели романовъ! не утомляйте вымыслами вашего воображенiя, ищите по-

добныхъ анекдотовъ добродѣтели, и опишите ихъ намъ магическимъ перомъ Стерна или Жан-Жака.

Вы легко судить можете, что я остался прожить нѣсколько дней подъ одною кровлею съ моей Мариной, и въ сіи дни испыталъ я все, что есть утѣшительнаго въ теченіи мирной жизни, украшенной не искуствомъ, не учтивостію, не холодными привѣтствіями, но простотою, проведенною въ объятіяхъ тихаго дружества, въ изліяніи сердца безъ бури страстей. Ахъ! для чего не могу я выразить языкомъ всѣхъ тѣхъ минутъ, часовъ и дней, которые протекли для насъ, какъ одинъ счастливой мигъ, быстро и весело! для чего не могу описать

тѣхъ несравненныхъ часовъ, когда я просыпался на утренней зарѣ! Кормилица сидѣла въ головахъ постели моей, ласкала меня словами, взорами, всѣми именами пріятнѣйшими для сердца человѣческаго, и вздыхала отъ полноты чувствъ своихъ. Сколько было сказано безъ словъ въ одномъ взглядѣ! сколько было чувствовано всего, что есть живѣе въ силахъ души человѣческой! Сколько было страстныхъ движеній безъ всякой пламенной страсти! О минуты, посвященныя чистѣйшей дружбѣ! О Николаевъ! о любезной городъ! Я буду васъ помнить и въ самой вѣчности.

Признаться ли вамъ въ странности? Нѣчто отравляло мое удовольствіе. Кор-

милица моя живетъ уже не въ крестьянской избѣ, гдѣ привыкъ я любить и воображать ее въ нѣдрахъ сельской простоты, и въ городѣ, но въ купеческомъ домѣ, но въ состоянiи мѣщанки, и она носитъ не тѣлогрею, одѣянiе мнѣ по ней любезное. Мнѣ казалось, что я вижу ужасные слѣды времени и перемѣну нашихъ состоянiй; но мнѣ хотѣлось находить прежнiй образъ юныхъ дней жизни, столь для меня памятныхъ, столь любезныхъ для сердца. Я смотрѣлъ на нее — сравнивалъ одно время съ другимъ, ее съ нею, себя съ собою, и заливался слезами.

Наконецъ надлежало разстаться; мы прощались, какъ мать и сынъ прощаются. Естьли бы вы видѣли, съ

какимЪ чувствомЪ она меня провожала, съ какою нѣжностію и простотою трепала меня по щекѣ, съ какою ласкою, съ какимЪ чувствомЪ сказала мнѣ: *прости!* Любезная родительница! прости мнѣ! но сердце мое дѣлилось на сей разЪ между двумя матерями.

Пусть важные мудрецы смѣются надЪ сею слабостію, надЪ сими подробностями, надЪ сими мѣлочами, недостойными можетЪ быть ихЪ вниманія; но я пишу, что чувствовалЪ — и не стыжусь.

ПИСЬМО LXIII.

Очаковъ.

Я ночевалъ въ Очаковѣ. Лучи утренняго солнца освѣтили въ глазахъ моихъ тотъ городъ, которой два раза исчезалъ въ крови и пламени подъ нашимъ побѣдоносным оружїемъ — былъ взятъ Графомъ Минихомъ въ 1737 году и возвращенъ Туркамъ въ 1739 году, — возникъ снова изъ своихъ развалинъ и палъ уже въ конечное разрушенїе отъ руки послѣдняго завоевателя.

Нынѣ вы видите въ немъ только одни остатки чрезвычайныхъ укрѣпленїй, непреодолимыхъ для всякаго

оружїя, кромѣ Рускаго; развалины домовъ и мечетей, пустыя стѣны и насыпанные бугры, гдѣ заступъ претыкается о груды тѣлъ человѣческихъ. — Видѣнъ фантомъ города, нѣсколько домиковъ, Ратуша, карантинъ и проч.; — видѣнъ образъ опустошенїя тамъ, гдѣ коммерцїя процвѣтала, гдѣ рука трудолюбїя побѣдила безплодность степей, гдѣ Геродоты и Страбоны восхищались плодами обработанной земли. Едва ли можно отъ слезъ удержаться, смотря на остатки Очакова; и путешественникъ утѣшается только мыслїю, что спасенїе Россїи требовало сего разоренїя, и что Генїй миролюбїя въ лицѣ ПАВЛА I

приведетъ опять все въ цвѣтущее состоянїе.

Г. Матїасъ, карантинной Директоръ, родомъ Лифляндецъ, гулялъ со мною по городу, и показывалъ положенїе нашей армїи передъ тѣмъ приступомъ, которой предпринятъ былъ не безъ намѣренїя въ день Св. Николая; проломъ, чрезъ которой ворвались наши войска, и вороты, еще и по нынѣ существующїя, гдѣ Турки обратясь въ бѣгство, были встрѣчены другою частїю Россїйской армїи и погибли тысячами во глубинѣ рва, окружающаго крѣпость.

Вокругъ Очакова были цвѣтущїе сады, которыхъ тѣнь показывала тѣнь протекшихъ мимо ихъ вѣковъ,

но которые теперь заросли травою. Можно только знать по преданію, что были тут нѣкогда сады.

ПИСЬМО LXIV.

Очаковъ.

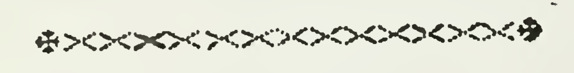
Г. Матіасъ, карантинной Директоръ, которой имѣетъ дѣтей и достойную супругу, пригласилъ меня жить, во все время моего пребыванія въ семъ городѣ, въ своемъ домѣ и въ его любезномъ семействѣ, что я и исполнилъ съ удовольствіемъ и благодарностію.

Они живутъ чисто и хорошо. Свѣтлинькой домикъ ихъ такъ простъ и милъ, какъ они въ своемъ обхож-

деніи. Безъ украшеній, все украшается ихъ гостепріимствомъ, присутствіемъ нѣжной любви и картиною семейственнаго счастія, которое улыбается, кажется, въ милыхъ ихъ дѣтяхъ. Но какъ будто бы судьба ревновала къ достоинству и счастію, и мѣшала всегда ихъ совершенству — сіи любезные люди въ нѣдрахъ сладкаго блаженства имѣютъ свои прискорбія: состояніе ихъ бѣдно, жалованье не велико; они сами терпятъ нужду и ожидаютъ одинакой судьбы для дѣтей своихъ. Къ тому же удовольствія общежитія, всегда необходимыя для человѣка, для нихъ не существуютъ. Мы ради — сказали они мнѣ — ради, что въ нашемъ одиночествѣ увидѣли человѣка,

которой есть для насъ рѣдкое явленіе. Мы окружены грубыми людьми, не имѣемъ никакого сообщенія съ остаткомъ свѣта — и томимся.

Однакожъ они имѣютъ дѣтей; они нѣжные супруги; они любятъ другъ друга, и — они несчастливы отъ того только, что не могутъ еще ни съ кѣмъ другимъ раздѣлить чувство своего счастія. — О сердце человѣческое! . . .

ПИСЬМО LXV.

Очаковъ.

Сего дня послѣ обѣда любезной мой хозяинъ взялъ меня за руку, привелъ на берегъ Лимана, гдѣ восьми-

весельной баркасъ ожидалъ меня, по его повелѣнію, чтобы плыть къ Кинбурну, которой находится въ восьми верстахъ отъ Очакова на другомъ берегу Лимана и на Косѣ Крымскаго полуострова. Мы сѣли и поплыли на всѣхъ парусахъ; способной вѣтръ дулъ намъ.

Въ первой разъ увидѣлъ я себя на морѣ или на заливѣ моря (ибо Лиманъ значитъ оное на Греческомъ языкѣ). Необозримое пространство воды, волнующаяся равнина, удаленіе берега, которой скоро скрылся отъ глазъ нашихъ; небо и море, которыя однѣ сливались на концахъ горизонта; приливъ вѣтра, которой шумѣлъ въ парусахъ, волновалъ море и качалъ лодкою; нако-

нецЪ мысль, что волны могутЪ покрыть насЪ — все это привело душу мою вЪ такое состоянїе, которое было не безЪ ужаса и не безЪ удовольствїя. Иногда волненїе усиливалось; я содрогался, и сїе содроганїе было для меня наслажденїемЪ. Иногда море утихало; я улыбался, и чувствовалЪ удовольствїе, какЪ мореплаватель послѢ кораблекрушенїя радуется у пристани. Иногда я гордился бытїемЪ своимЪ, и думалЪ сЪ удивленїемЪ, какЪ человѢкЪ виситЪ на хребтѢ волнЪ между воздушною пустотою и морскою пучиною, между двухЪ стихїй — и, можетЪ быть, на границахЪ двухЪ мїровЪ. БерегЪ Кинбурнской Косы перервалЪ теченїе мыслей.

Кинбурнъ былъ городомъ въ правленіи Турокъ; но онъ нынѣ есть одна крѣпость, которая принадлежитъ Россіи со времени покоренія всего полуострова Крыма. Еще Руские овладѣли онымъ въ 1736 году; но по Бѣлоградскому трактату, заключенному въ 1739 году между двумя воюющими Державами, онъ возвращенъ прежнимъ владѣтелямъ.

Въ Кинбурнѣ встрѣтилъ меня Коммендантъ, семидесятилѣтній старикъ, Нѣмецъ, которой узнавъ, что я Руской путешественникъ, повелъ меня тотчасъ по крѣпости, показывалъ бастіоны, и наконецъ то мѣсто, гдѣ нашъ Рымникской Герой съ 1 го Октября 1787 году покрылъ себя славою.

Дѣло, которымъ отличилъ себя въ Кинбурнѣ Генералъ *Суворовъ*, было замѣчательною чертою. Турки приближились на судахъ къ Кинбурну — и Суворовъ, видя ихъ приближенїе, оставался въ бездѣйствїи. Ему доносятъ, что непрїятельскїя войска выходятъ на берегъ — и онъ ложится спокойно на постелю, запрещая трогаться. Къ нему приходятъ спустя нѣсколько минутъ повторить облизости непрїятеля — и онъ махнувъ головою, закрываетъ глаза свои. Уже время протекаетъ въ бездѣйствїи; уже Турки, высадя на берегъ пять тысячь человѣкъ безъ сопротивленїя, строются въ порядокъ баталїи; уже Коммендантъ осмѣливается безъ повелѣнїя своего Генерала вы-

стрѣлить нѣсколько разъ на непріятеля, какъ вдругъ прибѣгаетъ Суворовъ. *Хорошо*, говоритъ онъ Коммендантy, *вы знаете свое дѣло; но опасности нѣтъ: къ намъ идутъ на помощь.* Въ самомъ дѣлѣ цѣлой гусарской полкъ, за которымъ Суворовъ давно отправилъ посланнаго и которому назначенъ былъ часъ, приближился — наступилъ на Турокъ подъ предводительствомъ Суворова, вытѣснилъ ихъ изъ пятнадцати сдѣланныхъ ими окоповъ и обратилъ всѣхъ въ бѣгство, между тѣмъ какъ галерной флотъ нашъ, предупрежденной также отъ Суворова, сразился съ непріятельскимъ флотомъ, потопилъ суда, и такимъ образомъ пресѣкъ Туркамъ послѣднее спасеніе. Тысячи по-

гибли на сухомъ пути; тысячи, искавъ спасенія на судахъ, нашли одинъ разверстый гробъ въ морѣ. И такъ что казалось непонятною безпечностью въ Начальникѣ, было дѣйствіемъ проницательнаго ума, которой сообразя возможности, оставался увѣренъ въ успѣхѣ своего дѣла. Онъ ожидалъ покойно, чтобы Турецкой мичманъ высадилъ войска свои безъ остатка, чтобы притворное бездѣйствіе Рускихъ выманило ихъ всѣхъ изъ судовъ на берегъ, и чтобы наконецъ, осажденные вдругъ неожидаемыми тысячами и лишенные флота, отдѣленные отъ своихъ пространствомъ моря, очи претерпѣли тѣмъ жесточайшее пораженіе.

Коммендантъ, разсказывая мнѣ онное дѣло, при которомъ онъ самъ отличился, хотѣлъ еще оживить въ себѣ огнь воина; но зима сѣдѣла на головѣ его, и жаръ, съ которымъ онъ говорилъ о погибели пяти тысячь человѣкъ, не проливался въ душу мою. Не пріятно слышать о военныхъ ужасахъ изъ устъ старца, близкаго къ мирной вѣчности.

Я простился съ Коммендантомъ и съ Кинбурномъ — переплылъ еще Лиманъ и возвратился въ Очаковъ, будучи болѣе доволенъ своимъ маленькимъ мореплаваніемъ, нежели тѣмъ, что я видѣлъ.

Здѣсь на прекрасной галлереѣ, на берегу Лимана, за часмъ, ожидало меня любезное семейство. Хозяйка сама

разливала — и я напился чаю очень пріятно подъ Очаковскимъ небомъ, близъ Чернаго моря, изъ рукъ нѣжной супруги и матери, вокругъ которой рѣзвились ея дѣти. Вечеръ былъ прекрасной, хозяйка молода и любезна, супругъ чувствителенъ, дѣти невинны и веселы, — и сердце мое тронулось.

ПИСЬМО LXVI.

Очаковъ.

Истинной другъ человѣчества не увидитъ конечно безъ сладкаго умиленія порядокъ, чистоту и украшеніе Очаковскаго карантина. Все, что можетъ усладить судьбу страждущихъ, все тутъ

расточено попечительною любовію о человѣкѣ: зеленыя березки для бальзамическаго испаренія въ воздухѣ, садикъ для прогулки, травка для мягкаго ступанья, комнаты свѣтлыя, бѣлье чистое, пища простая, но вкусная. Не могу довольно описать вамъ стараніе тѣхъ, которые ходятъ за больными. Снисхожденіе къ слабостямъ, предупрежденіе желаній и позволеніе всѣхъ невинныхъ удовольствій служатъ утѣшеніемъ для болящихъ, — и я желалъ бы, чтобы вездѣ были таковы убѣжища страждущаго человѣчества.

Карантинной Директоръ заслуживаетъ всякую похвалу.

ПИСЬМО LXVII.

Очаковъ.

Вчера послѣ ужина простился я съ гостепрїимнымъ семействомъ, чтобъ выѣхать сего дня на разсвѣтѣ; но такъ сладокъ и самой сонъ въ семъ домѣ, что я также, какъ и люди мои, проспалъ до пяти часовъ. Вы приворожили меня къ себѣ конечно, сказалъ я Гну Матїасу; мнѣ отсюда не выѣзжать; чувствую, что тайная сила души меня удерживаетъ. — Онъ пожалъ мою руку и повелъ къ женѣ, которая по обыкновенїю своему встала еще до солнечнаго восхожденїя и сидѣла съ дѣтьми. Я похва-

лилЪ ее, что она просыпается вмѣстѣ съ птичками; но она удивилась, слыша отъ меня, что Московскія красавицы не позволяютъ никогда утреннимъ лучамъ солнца заглядывать въ ихъ спальню и тревожить ихъ нѣжнаго сна.

Между тѣмъ подали чай; мы сѣли всѣ кружкомъ подъ открытое окно; ароматы травъ мѣшались съ ароматами чаю; свѣжій утренній воздухъ прохлаждалъ насъ; предъ нами цвѣтки стряхивали съ себя блестящія жемчужины; листочки тихо шевелились; птички пѣли; вдали шумѣло море; къ намъ отъ минуты до минуты прилеталъ вѣтерокъ — прикасался съ нѣжностью къ свѣжему лицу Госпожи Матіасъ

(которая дѣлалась отъ того еще свѣжѣе и пріятнѣе), къ черным волосамъ ея, къ легкому покрывалу груди — отлеталъ и возвращался играть снова тайными прелестями женщины. Мы пили чай съ отмѣннымъ вкусомъ — дышали сладостію утра, и всѣ вдругъ почувствовали вдохновеніе.

Какое утро! сказалъ важный Матіасъ со вздохомъ (и сей вздохъ по флегматическому характеру души его слѣдуетъ у него всегда и за движеніемъ радости и за движеніемъ горести).

Какое прекрасное утро! сказала съ чувствомъ нѣжная его супруга.

Какъ весело летаютъ птички! воскликнули дѣти съ улыбкою.

Какое трогательное согласіе сердецъ! повторилъ я за всѣми: какое сладкое чувство! какое невинное счастіе! Мы жалуемся на несовершенство человѣческое, продолжалъ я съ нѣкоторымъ жаромъ: мы сѣтуемъ на судьбу, мы обвиняемъ небо; но скажите, скажите, не дала ли намъ природа все, что только нужно для спокойствія и радости — тихія убѣжища, землю украшенную зеленью и цвѣтами, милыхъ дѣтей, пріятность семейственной жизни, и сверхъ того сердце доброе, чувствительное, нѣжное? Чего недостаетъ для наслажденія чувствъ и для занятія мысли? Ахъ! естьли человѣкъ не доволенъ судьбою своею, то это отъ того, что искуственной по-

рядокъ общества разстроилъ порядокъ души и природы! Но вы, вы конечно счастливы: съ вами залогъ любви вашей, съ вами прекрасная натура, съ вами добрыя сердца ваши. Я замолчалъ; — слезы навернулись на глазахъ моихъ; хозяинъ и хозяйка взглянули на меня съ трогательнымъ взоромъ, которой изъяснилъ мнѣ ихъ чувство.

Едва ли могъ я принудить себя сказать имъ: *простите.*

Я оставилъ Очаковъ — оставилъ любезное семейство; но не оставилъ воспоминанія сего утра, которого минуты были однѣ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни.

Теперь не жалѣлъ бы я, естьлибъ и никогда не видалъ

Очакова; но жалѣлъ бы, естьлибъ лишился минутъ проведенныхъ мною въ нѣдрахъ Матїасова семейства.

ПИСЬМО LXVIII.

Одесса.

Дорога, идущая степью отъ Очакова до Одессы, была для меня занимательна, потому что Карлъ XII укрывался на ней послѣ Полтавской баталїи. Я люблю видѣть торжество истинной славы и паденїе ложнаго героизма.

Въ деревнѣ Дофинеевой, на послѣдней станцїи, открылся мнѣ городъ Одесса на берегу Чернаго моря и на горѣ; зданїя возвышаются въ видѣ амфитеатра; разно-

цвѣтные флаги развѣваются у пристани; кажется, что необозримое море, передъ которымъ городъ есть одна населенная точка, несетъ его на хребтѣ своемъ; кажется, что гора со всѣми домами, со всѣми зданіями плыветъ съ моремъ. Этотъ обманъ глазъ дѣлается тѣмъ сильнѣе, что вы ѣдете и видите, кажется, какъ земля, море и берегъ бѣгутъ передъ вами.

Рожденіе Одессы есть также чудо. Въ 1794 году было здѣсь одно пустое мѣсто; но въ 96 году мгновенно вознесся городъ, поселилось множество жителей, торговля открылась, и теперь купеческіе суда стоятъ въ гавани.

Для сего городка нѣтъ можетъ быть точнаго выраженія на нашемъ языкѣ; но Французы назвали бы его конечно *le joli*. Красота домиковъ, картина моря, живость биржи, толпа торгующихъ, шумъ пристающихъ кораблей, — все дѣлаетъ его очень пріятнымъ.

Я гулялъ весь вечеръ по городу и по берегу моря; люди ходили, шумѣли, толпились; солнце текло къ послѣднимъ предѣламъ горизонта; огненная заря пылала на небѣ и на морѣ; и вечерняя серенада, несущаяся изъ одного ближняго дома, прибавляла къ очарованію мѣста и природы.

Естьли хотите знать о здѣшнихъ жителяхъ, то

они всѣ купцы, люди занятые коммерцiею; едва ли найдется одинъ изъ нихъ, которой бы не имѣлъ участiя въ торговлѣ. Одна живетъ въ городѣ и въ умахъ; каждой мыслитъ о барышахъ своихъ; каждой бѣжитъ на биржу; каждой, сидя у моря или въ домѣ своемъ, ожидаетъ корабля.

Я обѣдалъ у Г. Кирьякова, таможеннаго Директора, къ которому дано мнѣ было рекомендательное письмо. Поутру говорили объ отправленiи одного судна, которое должно заплатить триста процентовъ; — за обѣдомъ говорили о выгодахъ торга; — послѣ обѣда говорили о товарахъ, которые выгружены въ таможнѣ.

И такъ вы видите, что Одесса есть коммерческой городъ, и что въ немъ не должно искать общежитія.

ПИСЬМО LXIX.

Одесса.

Вотъ нѣкоторыя, собранныя мною, примѣчанія объ Одессѣ.

Она есть одна изъ знатнѣйшихъ гаваней въ Россіи, какъ по выгодамъ своего мѣстоположенія, такъ и по преимуществамъ, ей даннымъ.

Нѣтъ другаго Черноморскаго Порта, гдѣ бы корабли могли лучше укрываться отъ вѣтровъ и бурь; горы защищаютъ его съ трехъ сторонъ, и глубина моря не заключаетъ въ самой близости

Порта ни одной неспособной мѣли.

Сей портъ есть для Чернаго моря тоже, что Рига для Балтическаго; они имѣютъ одинакое назначенїе, и имъ даны однѣ права. Всѣ главные товары, которые платятъ пошлину по оцѣнкѣ съ рубля, и называются цѣновными, входятъ въ Россїю, по силѣ новѣйшаго учрежденїя, только чрезъ три порта, объявленные главными: чрезъ Одессу, Ригу и Кронштатъ.

Черноморская коммерцїя можетъ сдѣлаться со временемъ выгоднѣе Балтической; но торговля, подобно искуствамъ и наукамъ, любитъ процвѣтать подъ тѣнїю мира. Тогда покровительствуемые Турецкимъ правленїемъ наши корабли проходилибъ въ Среди-

земное море надѣлять Южную Европу Россійскими продуктами; другія націи отдавалибъ намъ на смѣнъ свои собственныя произведенія, и теченіе нашей торговли не былобъ слишкомъ удалено отъ средоточія своего. Самая Франція, по пресѣченіи внутреннихъ безпокойствъ и по возстановленіи законнаго правленія, которое позволилобъ другимъ Державамъ заключить съ нею союзъ, могла бы, какъ природная совмѣстница Англіи, спориться съ Великобританіею, въ исключительномъ правѣ владычествовать на моряхъ и сдѣлать для насъ выгодной перевѣсъ.

Сверхъ того торговля, производимая нами въ Черномъ морѣ, могла бы обра-

тить снова теченіе всеобщей коммерціи къ Средиземному морю, которое, до открытія Мыса Доброй Надежды, служило однимъ путемъ для всѣхъ торгующихъ народовъ. Исполненіе сего проэкта принадлежитъ съ большимъ правомъ Россіи, по ея владычеству на Черномъ морѣ, нежели новымъ похитителямъ Египта.

Соединеніе Двины съ Днѣпромъ, которымъ, какъ мнѣ сказывали, занимаются нынѣ Государственныя головы, послужитъ также къ успѣхамъ торговли.

ПИСЬМО LXX.

Овидіополь.

Съ живѣйшимъ чувствомъ приближался я къ сему городу.

Имя Овидія, его пламенная Муза, жаркая любовь, изгнаніе изъ Рима за преступленіе слишкомъ горячаго воображенія и, можетъ быть, сердца, печальная жизнь на берегахъ Понта, пѣсни горести и утѣшенія — все, однимъ словомъ, что имя Овидія пересказываетъ памяти и воображенію, осуществлялось въ моихъ мысляхъ такъ живо, такъ ясно, что я блаженствовалъ въ Римѣ, и страдалъ въ заточеніи вмѣ-

стѣ съ Овидіемъ. Скажу всѣмъ сердцамъ, чувствительнымъ къ любви и Поэзіи: не приближайтесь къ слѣдамъ его; они опасны для нѣжнаго чувства; нѣчто осталось отъ него въ томъ воздухѣ, которымъ дышалъ онъ, и гдѣ жаръ души его не могъ и съ смертію истощиться.

Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ нетерпѣнія, я въѣзжаю въ Овидіополь. Вижу городъ окруженной степями, едва примѣтной на земной поверхности, составленной изъ нѣсколькихъ хижинъ, населенной Греками, Жидами, Молдаванами.

Но что мнѣ до того нужды? Покажите мнѣ слѣды Поэта; приведите къ остаткамъ его жилища; дайте

мнѣ облобызать порогъ его хижины.

Говорю — и никто меня не понимаетъ. Спрашиваю объ Овидїѣ — и мнѣ показываютъ домъ Коммендантовъ.

„Подорожная, пашпортъ! . . . .„

Вотъ они; но Овидїй, Поэтъ Августова вѣка, пѣвецъ Превращенїй, другъ Юлїи, преступникъ сердца и любви? . . . . .

Ахъ! не ищите здѣсь слѣдовъ его, и выслушайте слѣдующїй Анекдотъ.

Степи покрывали мѣсто Овидїополя. Побѣдительница Оттомановъ повелѣла заложить крѣпость и городъ на берегу Днѣстра, которой служитъ границею между Россїею и Турцїею. Начинаютъ копать, опускаютъ заступъ

глубже и глубже — и вдругъ онъ отскакиваетъ отъ сопротивления какого-то твердаго тѣла; заглядываютъ во внутренность окопа, и находятъ поясной образъ женщины, изваянной изъ камня.

Инженеръ, которой къ счастію и славѣ наукъ имѣлъ не однѣ познанія Инженера, не пренебрегъ симъ открытіемъ и доставилъ его къ Государынѣ. Сего довольно было, чтобы возбудить подозрѣніе и догадки любопытной Монархини, Которая знала, что Овидій жилъ въ Томахъ (*), недалеко отъ Днѣстра, и хотѣла почтить

(*) Думаютъ, что это тотъ самой городокъ, который извѣстенъ нынѣ въ Бессарабіи подъ названіемъ *Акліянова*.

память великаго Пѣснопѣвца. Она предложила бюстъ на судъ ученаго Лондонскаго Общества, и сїе Общество признало его за изображенїе Юлїи, Августовой дочери, можетъ быть по однѣмъ вѣроятностямъ, можетъ быть по аналогїи, можетъ быть для удовольствїя Государыни. Какъ бы то ни было, она воспользовалась симъ случаемъ, чтобы назвать городъ Овидїополемъ. Вотъ его произхожденїе!

И такъ по крайней мѣрѣ сядемъ на берегу Днѣстра и посвятимъ минуты сего прекраснаго вечера памяти Овидїя.

Солнце закатилось — мрачныя тѣни въ воздухѣ; розовая заря на небѣ, на землѣ тишина, на водѣ шумъ;

вдали мѣсяцъ — и блестящія звѣзды показываются.

Какая ночь! Какое чувство въ мірѣ! Какое соединенное вдохновеніе природы и Генія!

Мнѣ кажется, будто я слышу въ тишинѣ ночной, какъ эхо разноситъ печальныя пѣсни Поэта, какъ оно разсказываетъ вселенной о жребіи сего именитаго несчастливца, какъ оно даже льется въ шумѣ Эвксинскихъ волнъ, которыя затвердили конечно исторію его злополучій.

Поэтъ, которой выросъ на берегахъ Тибра при дворѣ Августа, между вѣжливыми Римлянами, наслаждался тамъ своею Музою и былъ осыпанъ рукоплесканіями

міра; — тотъ самой Поэтъ доживалъ вѣкъ свой на краю свѣта, въ странѣ вѣчныхъ Аквилоновъ, посреди дикаго народа; природа не цвѣла передъ нимъ, птички не пѣли, ручейки не журчали, одни вѣтры бушевали; зима свирѣпствовала; — и Пѣвецъ весеннихъ радостей, отягченный горестью, страждущій въ разлукѣ, восклицалъ въ уныніи души своей: „Гдѣ Римъ? гдѣ прекрасные дни жизни моей? Куда скрылось все, любезное для моего сердца? Я одинъ, на странѣ чуждой, буду томиться смертію — и никто не прольетъ слезы вокругъ меня; вздохну въ послѣдній разъ — и никто изъ любезныхъ не закроетъ глазъ моихъ; лягу во гробъ — и никто не посѣтитъ могилы

моей (*); но ты, милая души моей! писалъ онъ къ своей супругѣ; ты не оставь здѣсь моихъ остатковъ, вели собрать мои кости, предай ихъ землѣ въ близости Рима, усыпь цвѣтами гробъ мой, ороси ихъ каплями драгоцѣнныхъ слезъ твоихъ — и самой прахъ мой, обращенной въ пепелъ (**), будетъ тронутъ твоею любовію (***).„

Замѣтьте однакожъ, что великіе Геніи держатъ въ рукахъ скипетръ міра, и повелѣваютъ человѣчествомъ. Овидій былъ царемъ въ уголкѣ свѣта, и богомъ въ пустынахъ. Она дарилъ бытіе

(*) Смот. lib 3. Eleg. 3. Ovidii Elegiae.
(**) Древніе сжигали тѣла умершихъ.
(***) Idem. Ovid. Eleg.

и счастіе огрубѣлымъ существамъ, которыхъ чувство закрыто было для красоты и гармоніи; лира его, подобно Орфеевой, вдохнула въ нихъ душу, нѣжность и любовь; кротость смягчила варварство, и Скиѳы, до того холодные, нечувствительные, трогались до слезъ отъ его пѣсней, полюбили страстно Поэзію и Поэта, и увѣнчали его съ большею славою, можетъ быть, нежелибъ онъ былъ увѣнчанъ въ Капитоліи. Наконецъ кипарисы покрыли лавры: увяла жизнь Пѣснопѣвца; но добрые Скиѳы поставили у городскихъ воротъ памятникъ — любимцу своему и любимцу Музъ.

Сей славный изгнанникъ имѣлъ свои утѣшенія, и великія утѣшенія. Какъ трога-

тельно онъ писалъ объ нихъ къ своей дочери! — „Безъ семейства, безъ отечества, безъ тебя, одинъ въ мірѣ, наслаждаюсь я умомъ своимъ и утѣшаюсь Музами; самъ Августъ не можетъ отнять у меня сихъ удовольствій. Естьли прервется нить моей жизни, то имя мое останется въ мірѣ, и творенія мои будутъ жить вѣчно.„ (*)

Счастливыя дарованія, живое воображеніе и нѣжное сердце суть такія сокровища, которыхъ никто похитить не можетъ у человѣка.

И такъ утѣшьтесь, великіе люди! вы, которыхъ не лелѣетъ мірское счастіе!

(*) Смотри libr. 3. Eleg. 7. Ovidius ad Perillam filiam suam.

Слава переживаетъ гоненіе; тѣнь несправедливаго посрамленія исчезаетъ рано или поздно предъ блескомъ истиннаго достоинства; все погибаетъ на землѣ, кромѣ великихъ дѣлъ и твореній ума человѣческаго, которой съ именами Солоновъ и Ликурговъ, Катоновъ и Цицероновъ, цвѣтетъ, кажется, среди развалинъ міра.

Гдѣ Египетскія пирамиды? гдѣ трофеи завоевателей? гдѣ имена многихъ царствъ и народовъ? . . Они исчезли, и нѣтъ ихъ памяти.

Имя Овидія — въ устахъ вселенной.

Торжествуй, освященная тѣнь!

За тебя Екатерина будетъ спориться съ Августомъ предъ судомъ потомства.

Вспомнимъ его эпитафїю къ себѣ:

Hic ego, qui jaceo tenerosum lufor amorum;
Ingenio perii Nafo poeta meo.
At tibi, qui tranfis, ne sit grave, quifquis amafti,
Dicere: Nafonis molliter ofsa cubent.

Итакъ — миръ Овидїю!...

ПИСЬМО LXXI.

Овидїополь.

Бросаю послѣднїй взглядъ и послѣднюю мысль на Овидїополь.

Я нахожу, что сей городъ не довольно питаетъ глаза и сердце путешественника. Воображенїе можетъ играть въ немъ; но оно не встрѣчаетъ ничего такого,

на чемъ бы чувство могло опереться и придать силу воображенїю. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы на берегу Днѣстра стояла хижина, осѣненная съ одной стороны густыми тѣнями деревъ, а съ другой открытая прохладному вѣянїю зефира, шуму волнъ и лучамъ солнца, со століикомъ внутри, на которомъ бы лежала книга: Ovidii Elegiae, per exilium conscriptae — съ соломенною постелью въ углу, и съ бюстомъ Юлїи въ головахъ.

Тутъ путешественникъ увидѣлъ бы тотчасъ несчастнаго Поэта одного съ Музою своею, иногда на колѣняхъ предъ идоломъ сердца, въ пїитическомъ восторгѣ поющаго гимнъ любви и Поэзїи; иногда на берегу шум-

ныхъ водъ съ глазами полными слезъ и обращенными къ Риму; иногда у порога хижины сидящаго между добрыми Скиѳами съ тихою улыбкою и забывающаго на часъ горе свое.

Тутъ сердце каждаго путешественника сказалобъ нѣчто объ Овидіѣ, и рука согласно съ онымъ начерталабъ надпись; тутъ всѣ народы и вѣки приносилибъ дань хвалы и почтенія вѣку Овидіеву; тутъ каждая нація произнеслабъ приговоръ свой.

Я воображаю себѣ, что гордой островитянинъ, Царь морей, перечитывая Элегіи Поэта (особливо первую изъ второй книги), воспоминая низости, слабость и малодушіе того, кто достоинъ былъ сидѣть на тронѣ сла-

вы, чести и величества, надписалъ бы смѣлою рукою: „Можно быть *ребенкомъ* у ногъ Коринны, но должно быть *мужемъ* предъ Августомъ (*).

Явилсябъ легкомысленной Парижанинъ, изнѣженной во всѣхъ вкусахъ, заглянулъ бы въ книгу Элегій, и сказалъ съ улыбкою: „ Это очень умно; но я хотѣлъ бы чего нибудь чувствительнаго, или сентиментальнаго.„

Россіянинъ, которой имѣетъ также свои мысли, вспомня судьбу славнаго изгнанника, видя уваженіе вѣковъ къ его памяти, написалъ бы въ свою очередь: *вселенная отомщаетъ за Овидія.*

(*) Смотри въ Elemens de litterature article: *Elegies.*

Съ сими мыслями удаляюсь; — Овидіополь скрывается отъ глазъ моихъ — и мнѣ кажется, будто я разстаюсь съ самымъ Назономъ.

Такъ; кто умѣлъ отпечатать умъ и воображеніе свое на бумагѣ, тотъ живъ всегда въ мірѣ и въ чувствительныхъ душахъ.

ПИСЬМО LXXII.

Херсонъ.

Я возвратился въ Херсонъ, какъ въ нѣдро любезнаго семейства къ своимъ знакомымъ и пріятелямъ, въ тотъ же трактиръ, гдѣ я стоялъ прежде.

О возвратной дорогѣ моей не имѣю ничего сказать.

Моральное чувство не могло дѣйствовать, или шеряло силу свою отъ перевѣса чувства физическаго. Я страдалъ головною и зубною болѣзнїю около двухъ сутокъ; однакожъ шерпѣнїе все превозмогаетъ. Чѣмъ болѣе усиливалась боль, тѣмъ менѣе позволялъ я себѣ ропташь на нее, и наконецъ природа уступила твердости; — болѣзнь миновалась — и я радостно вздохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Мое намѣренїе было не останавливаться въ Херсонѣ; но чего не дѣлаетъ ласка и дружелюбїе? Мои Херсонскїе прїятели уговорили меня пробыть здѣсь еще одинъ день. Для нихъ продлю я нѣсколькими часами время, которое разлучаетъ меня съ

любезнѣйшими друзьями въ свѣтѣ, и между тѣмъ опишу вскользь и вдругъ сегодняшнее мое препровожденіе дня.

Роз* * * и Шос* * *, милой Кадетъ мой, застали меня еще сего дня утромъ въ постелѣ. Я извинился передъ ними и природою, что проспалъ прекраснѣйшіе часы дня; всталъ — и мы, за веселымъ разговоромъ, напились моего Московскаго чаю, которой, говорили они, дышетъ ароматами и услаждаетъ вкусъ пріятнѣе, нежели какой нибудь другой чай. Я соглашался съ ними и увѣрялъ ихъ сверхъ того, что Москва есть вообще святилище вкуса, сладости, нѣжности; что наши красавицы милѣе всѣхъ красавицъ въ мірѣ, и что тамъ отъ ихъ

улыбки — природа веселѣе и нравы душнѣе. Товарищи мои смѣялись, но я — вздыхалъ.

Послѣ того пошли мы взглянуть на Адмиральтейство, котораго я еще не видалъ.

Оно прекрасно: его сравниваютъ съ Петербургскимъ; многіе предпочитаютъ его Портсмутскому Адмиральтейству. Не могу судить, но знаю, что очень пріятно гулять по берегу выстланному камнемъ, мимо верфовъ, при движеніи тысячи работниковъ, подъ громомъ рубящихъ топоровъ, имѣя въ глазахъ сію живость многолюдства и картину моря, прилѣвающаго съ шумомъ къ берегу.

Я всходилъ на корабль Марїи Магдалины, которой близокъ къ окончанїю и будетъ черезъ мѣсяцъ спущенъ на воду. Двѣ тысячи человѣкъ трудятся надъ состроенїемъ онаго. Я смѣшался съ толпою народа и носился съ сею толпою. Какое жужжанье! Какая волнующаяся куча! Какой трескъ и громъ! Одни мостятъ палубу, другїе вскатываютъ бревны; иные переносятъ доски, ходятъ, толпятся, пересѣкаютъ другъ у друга дорогу, приливаютъ и отливаютъ, подобно морскимъ волнамъ. Я смотрѣлъ — удивлялся и размышлялъ.

Сила человѣческаго духа овладѣла всѣми силами природы. Смертный разрушилъ смѣлою рукою столпы и пре-

грады, гдѢ рука природы начертала съ Алкидомъ: Non plus ultra; полетѢлъ по безднамъ Океана сражаться съ яростнѢйшими стихїями, и достигнулъ до отдаленнѢйшихъ предѢловъ мїра, куда досязаетъ только взоръ и понятїе.

Но сила природы уступая на часъ человѢку, какъ будто бы для шутки, побѢждаетъ его съ новымъ торжествомъ. Плывущая громада, которая возносится въ зданїе корабля при потѢ и трудахъ людей, стоитъ такихъ великихъ усилїй, и есть плодъ утонченныхъ дѢйствїй разума, бываетъ сама покорна волѢ вѢтровъ и бурь, которые играютъ ею, какъ перышкомъ, и въ мигъ разрушаютъ.

Мы вышли изъ Адмиральвейства, гуляли изъ улицы въ улицу, куда глаза глядѣли, и вдругъ очутились передъ Синагогой. — Впусти насъ, сказали мы Жиду: мы любопытны ее видѣть. Жидъ поглядѣлъ на насъ, подумалъ нѣсколько минутъ и отворилъ намъ двери. Мы вошли съ нимъ вмѣстѣ: онъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію, а мы со всѣмъ тѣмъ уваженіемъ, которое человѣкъ обязанъ имѣть къ вѣрѣ другаго человѣка. — На что это возвышенное мѣсто, спросилъ я Жида, посреди окруженное балюстрадомъ? — На немъ отправляютъ Богослуженіе. — Это множество налоевъ? — Каждой изъ насъ на своемъ налоѣ читаетъ молитвы. — А эпѣ окны на

сшѣнѣ, подъ самымъ сводомъ? — Тамъ въ особливомъ отдѣленїи молятся женщины.

Мы поблагодарили Жида за сїе снисхожденїе; но онъ отвѣчалъ намъ, что ему должно благодаришь насъ. — За что? — За то, что вы приходили сюда не осмѣивать нашихъ обрядовъ и не бранить насъ въ лицо. — Развѣ къ вамъ приходятъ сюда смѣяться? — Очень часто; для того и вамъ не вдругъ я отворилъ двери, но если-ли бы зналъ. . . . . . . Ахъ, государи мои! Богъ вездѣ Богъ, во всѣхъ храмахъ и во всѣхъ сердцахъ. Презрѣнїе къ вѣрѣ стыдно для человѣка, и оскорбительно для того, кто полагаетъ въ ней драгоцѣнность души своей.

Эта черта и этѣ слова умнаго Жида замѣчательны. Ахъ! для чего такая разительная истинна въ устахъ Жида и не всегда въ сердцѣ Христіанина? . . .

ПИСЬМО LXXIII.

Херсонъ.

Я обязанъ господину Ш*** многими подробностями о внутреннемъ и внѣшнемъ торгѣ сего края.

Здѣсь открыты источники богатства и трудолюбія, сказалъ онъ мнѣ, должно только умѣть черпать. Что бы возбудить, или поддержать духъ коммерціи, охоту къ трудамъ и любовь къ пріобрѣтенію, изъ кото-

рой протекутъ золотые ручьи и въ Государственную казну, нуженъ человѣкъ умной, просвѣщенной и мыслящій, которой бы правилъ умами, теченіемъ дѣлъ и слѣдовалъ бы не одной рутинѣ.

Нигдѣ жители не имѣютъ столько средствъ къ обогащенію позволительному, какъ здѣсь. Коммерція есть душа города и жителей; всякой человѣкъ, болѣе или менѣе, участвуетъ въ торговлѣ; всякой имѣетъ свои маленькіе и вѣрные барыши отъ земли хорошо обработанной, отъ подрядовъ и поставокъ разныхъ, отъ внесенія маленькой суммы денегъ въ капиталъ богатаго купца, которой вѣрнѣе всякаго вексельнаго кредитора, платитъ

по пятнадцати и болѣе процентовъ на сто, смотря по времени и деньгамъ; нигдѣ трудолюбіе, умъ и свѣденіе, нужныя во всякомъ дѣлѣ, не приносятъ столько выгодъ и барыша, какъ здѣсь; но такихъ людей вездѣ мало — и коммерція не есть то, что она бы быть могла. Нѣтъ столько знающихъ людей, сколько торгующихъ и думающихъ только о барышѣ.

Между людьми, которые стараются проникать въ механизмъ своего дѣла, есть здѣсь нѣкоторые, которымъ отечество обязано много. Они стараются согласить личную пользу съ общественною, и думая о барышѣ, выводятъ заключенія о причинахъ недостатковъ и объ источникахъ богатства. Здѣсь степени не-

обработанныя въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и затвердѣлыя, подобно камню, не родятъ и самой травы или сѣна, ѿтъ того, по замѣчанію сихъ людей, что на поляхъ ростетъ трава *кобыль*, мѣшаетъ другимъ травамъ, и что сверхъ того, позволяется крестьянамъ ѣдущимъ съ обозами разводить огонь, которой не рѣдко зажигаетъ траву. Она сгараетъ такъ, что уже земля послѣ того ничего не производитъ: но помѣщики, или имѣющіе землю открывъ сію физическую причину неурожая сѣна, предохраняютъ свои поля отъ такого злоупотребленія, и пользуются уже плодами своего открытія. У нихъ выростаютъ не только высокія травы, но

и разныя цвѣты: зелень свѣжа; и они косятъ сѣно нѣсколько разъ въ годъ. Напротивъ того въ другихъ мѣстахъ брошенныхъ трава желта, и нигдѣ не увидишь цвѣточка.

Скотоводство, главное богатство сего края и, можетъ быть, всей Россіи, заслуживаетъ особенное примѣчаніе.

Еще до завоеванія нами Крыма, Бессарабіи и части Молдавіи, народы въ степяхъ кочующіе: Калмыки, Запорожцы, Нагайцы и проч., размножили великія стада овецъ: но военные громы устрашили робкихъ пастуховъ, робкихъ народовъ; они удалились за границы, и скотоводство изчезло вмѣстѣ съ кочующими народами; но

возстановился миръ — и Болгарцы съ Молдаванами снова поселились на мирныхъ поляхъ, завели снова скотоводство, и подали собою примѣръ.

Чобаны (*) живутъ всегда въ полѣ, пасутъ стада свои лѣтомъ и зимою, и размножаютъ ихъ до такого числа, которое можетъ показаться невѣроятнымъ. Отъ 100 овецъ (ибо здѣсь предпочитаютъ ихъ) родится чрезъ три года 200; изъ сего числа продаются однѣ матки; а самцы, оставляемые на племя, утроиваясь каждой годъ, размножаются черезъ десять лѣтъ до 8000 въ Геометрической прогрессіи.

(*) Такъ называются здѣсь пастухи.

Содержанїе ихъ ничего не стоитъ. Зима бываетъ очень легка; снѣгъ едва покрываетъ землю, и стада, кромѣ одного мѣсяца, пасутся всегда въ полѣ на травѣ.

Чобаны не убиваютъ для себя ни одной овцы, и кормятся *пшенкой* или *кукурузой*, родъ растѣнїя, котораго мѣлютъ сѣмена, составляютъ муку, а изъ муки кушанье, извѣстное у Чобановъ подъ названїемъ *мамалика*. Это составляетъ всю ихъ пищу.

Чтобы еще лучше доказать доброту земли, достатокъ жителей, выгоды находящихся въ самыхъ степяхъ, надобно только еще прибавить три черты: 1. Что недалеко отъ Херсона есть безводная степь, называемая:

Ингульской ладъ, на 100 верстъ окружности, гдѣ отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ пасутся сами собою во весь годъ стада дикихъ лошадей, и чрезвычайно разводятся: доказательство превосходныхъ травъ. 2. Что, не взирая на безлѣсныя мѣста, не взирая на многочисленное войско, которое обыватели должны на свой коштъ отапливать въ ихъ квартирахъ, здѣшнiе жители пробавляются еще сами лѣсомъ, покупая его, и не жалуются: доказательство хорошаго состоянiя, и дохода, получаемаго отъ земли и скотины. 3. Что, по замѣчанiямъ наблюдателей, изъ семи лѣтъ, одинъ годъ бываетъ только здѣсь плодороденъ; что сѣверные вѣтры,

и открытыя мѣста мѣшаютъ дождямъ падать, и что земля, не смотря на это не требуетъ навозу, такъ что пытавшїе удобрять ее симъ средствомъ, отнимали у ней силу отъ чрезвычайнаго утучненїя.

Одинъ изъ глубокомысленныхъ экономовъ наживъ богатой капиталъ, строитъ на своей землѣ каменные домы, селитъ на нихъ семейства Шляхетовъ Польскихъ, отдаетъ имъ въ наймы землю для обработыванїя, и получаетъ съ нихъ плату за жилье и мѣсто. Онъ же имѣетъ домы и для Жидовъ, которые, поселясь у него и платя за то, производятъ разные торги, въ которыхъ онъ еще участвуетъ. Сего не довольно. Пользуясь от-

крытіями Физики, онъ самъ трудится надъ составленіемъ *поташа* (*), и доставляетъ въ Италію, которая его требуетъ. Онъ также скупаетъ пшеницу, складываетъ въ житницы и продаетъ ее на мѣстѣ Цареградскимъ купцамъ, которые наиболѣе ее разбираютъ. Это не есть монополь; ибо онъ только отъ себя, и изъ однѣхъ рукъ продаетъ въ чужія земли то, чтобы каждой особенно продалъ. Посудите по сему, чтобъ могли произвести здѣсь умъ и трудолюбіе, естьли бы находилось здѣсь болѣе наблюдательныхъ экономовъ, естьли бы всѣ старались пользоваться всѣмъ тѣмъ что за-

(*) Щелочная соль, вывариваемая изъ золы разныхъ деревъ.

ключаетъ земля, и что приноситъ пользы торговля, естьли бы всѣ степи, нынѣ впустѣ лежащія, могли быть населены Шляхетами и прочими. Можетъ быть философическое око заглянувъ далѣе въ святилище природы, откроетъ, что земля равно одѣляетъ всѣхъ своими дарами, что одинъ край, уступая другому въ нѣкоторыхъ выгодахъ, имѣетъ передъ нимъ свое особенное превосходство, и что вездѣ добро, какъ въ нравственномъ, такъ и въ естественномъ мірѣ замѣняетъ зло; въ самомъ дѣлѣ, вездѣ земля отверзаетъ нѣдра свои; во всѣхъ сторонахъ міра она питаетъ человѣка, и вездѣ равно конечно она надѣляетъ сокровищами руку, ее обрабо-

тывающую; кажется даже, что природа предвидя несмысленность и лѣность нашу, развертываетъ сама сѣмена плодородія въ пустыняхъ и степяхъ, никѣмъ не населенныхъ. Пріятно воображать такую материнскую попечительность натуры.

Что касается до Черноморской коммерціи, то она приноситъ также немалую пользу. Не имѣю довольно свѣденія, ни нужды, чтобы изчислить доходъ Государственной и партикулярной; но вотъ что вывозится и приходитъ изъ Черноморскихъ Портовъ:

Вывозится:

1) Пшеница - -	Охотнѣе покупаютъ арнутку, извѣстной сортъ, которой мало подверженъ порчи на

2) Сало. 3) Масло коровье. 4) Кожи воловьи и лошадиныя. 5) Шерсть бѣлая. 6) Воскъ. 7) Холстъ. 8) Желѣзо. - - 9) Мачтовой лѣсъ. 10) Мореходные суда строятъ иностранные въ Херсонѣ, и продаютъ въ Царѣградѣ и въ Средиземное море. 11) Солонина. 12) Веревки и канаты.	морѣ, и которой только на цѣльныхъ земляхъ родится. Бѣлое выпущается изъ Таганрогскаго поля.

Приходящіе товары:

1) Разные свѣжіе фрукты.	Какъ-то: апельсины, лимоны, гранаты и проч. —
2) Вины. 3) Разныя шелковыя матеріи. 4) Разныя кисеи. 5) Разныя шали. 6) Шолкъ сырецъ. 7) Хлопчатая бумага. 8) Кофе Леванской. 9) Сахарной песокъ.	Торгъ весьма важной, которой уже обратилъ на себя вниманіе всѣхъ фабрикантовъ.
10) Отмѣнной доброты сафьяны.	Сафьяновъ великое множество нижней доброты выходитъ изъ Крыму въ Россію.

Теперь сами судите и изчисляйте доходы.

Я сообщаю вамъ сіи примѣчанія для того, что меня просили о томъ нѣкоторые люди, которые здѣсь берутъ великое участіе въ успѣхахъ торговли, и которымъ мнѣ хотѣлось сдѣлать удовольствіе. Впрочемъ это не мое дѣло, и оно не совсѣмъ входитъ въ планъ моего путешествія.

ПИСЬМО LXXIV.

Кизикерманъ или Бериславъ.

Кромѣ сего города нѣтъ ни одного до самаго Крыма.

Онъ стоитъ на горѣ, на берегу Днѣпра, и видъ его пріятенъ, особливо въ вечеру,

когда послѣдніе лучи солнца сыплютъ на него огни, и розовая заря краситъ вершины горъ, его окружающихъ.

Онъ принадлежитъ Грекамъ. До Святослава I, который овладѣлъ имъ, въ послѣдствіи времени Печенѣги совершенно его раззорили; но Татары возобновили и назвали Кизикерманомъ, что значитъ на языкѣ ихъ *дѣвичья крѣпость*.

И такъ еще нѣсколько верстъ — и я въ Крыму.

Сердце мое бьется отъ радости.

ПИСЬМО LXXV.

Таврической Херсонесъ.
Перекопъ.

Вся отдаленность исчезла — и я на Крымскомъ полуостровѣ, куда давно влекло меня пламенное любопытство, куда переносился въ воображеніи, гдѣ любилъ поселяться съ романическими мечтами. Я на немъ — и вдыхаю въ себя съ жадностію воздухъ кроткаго Юга, и спѣшу насыщать глаза тѣмъ, что восхищало меня въ описаніяхъ путешественниковъ, и радуюсь мыслію, что человѣкъ чрезъ горы и рѣки, чрезъ лѣса и степи, чрезъ всѣ преграды натуры и судьбы

достигаетъ наконецъ до цѣли пламеннаго своего стремленія. Одинъ великой Поэтъ изрекъ определенїе смертнаго въ семъ великомъ словѣ: Nil mortalibus arduum est (*); и съ тѣхъ поръ рушились, пали, изчезли столпы, гдѣ рука дерзкаго Алкида осмѣлилась начертать предѣлы мїра.

Такъ — я въ Крыму; но не встрѣчаю еще прелестей славнаго полуострова, не вижу величественныхъ горъ, описанныхъ великимъ Натуралистомъ (**), не слышу томнаго журчанія Салгира, оживленнаго на бумагѣ кистью одного

(*) Нѣтъ для смертныхъ невозможнаго.

(**) Палласомъ.

Поэта (*); не вижу ничего, кромѣ дикихъ степей, Татарскихъ селенїй и бѣднаго Перекопа.

Разрушенныя стѣны крѣпости, нѣсколько домовъ, которые однимъ взоромъ перечесть можно, таможня, шесть или пять лавокъ, одинъ баталїонъ войска, малое число бѣдныхъ жителей, недостатокъ воды и пищи, недостатокъ всего нужнаго для жизни — вотъ что есть Перекопъ, которой раздѣляетъ Россїю съ Тавридою, гдѣ подъемной мостъ соединяетъ полуостровъ съ твердою землею, и гдѣ путешественникъ, не бывъ Родосскимъ колоссомъ, можетъ стоять въ одно

(*) Смотри Поэму *Таврида*.

время на краяхъ двухъ земель.

Удивленіе поражаетъ, когда взоръ и мысль разсматриваютъ глубокой ровъ, которой проведенъ въ Перекопѣ отъ одного моря до другаго на семь верстъ длины. Ширина его въ двенадцать саженъ, глубина въ семь; внутри все выстлано камнемъ, и рука человѣческая трудилась надъ сею работою едва вѣроятною.

Чего не производитъ слабость, чтобы защитить себя отъ нападенія, и чего не преодолѣваетъ сила и гордость, чтобы похитить власть и право на самыя скрытнѣйшія убѣжища! . .

Сижу теперь, и думаю о судьбѣ Таврическаго Херсонеса.

Никогда уголокъ земли не былъ такъ отдѣленъ отъ цѣлаго міра, такъ защищенъ природою, такъ укрытъ отъ несогласія народовъ и отъ ударовъ оружія, какъ полуостровъ Крымъ. Три моря окружаютъ его: Черное съ Юга и Запада, Азовское съ Востока, Гнилое съ Сѣвера; одинъ перешеекъ служитъ слабымъ узломъ между имъ и твердою землею; но и сіе послѣднее сообщеніе перервано. Ширина и длина его простирается на 200 верстъ; положеніе его между 51° и 55° долготы и подъ 44° широты есть самое счастливое; климатъ кротокъ; земля плодородна; число жителей невелико; кажется, что природа хотѣла, чтобы сія земля, ограниченная пре-

дѣлами морей, наслаждалась независимостью, тишиною и счастіемъ.

Но любовь къ пріобрѣтенію нарушаетъ миръ народовъ. Скиѳы, первые извѣстные обитатели сего полуострова, жили покойно, не заботясь о распространеніи границъ своихъ, не входя въ соперничество съ другими народами, довольствуясь одною пастушескою жизнію, плодородною землею и собственностію, драгоцѣннѣйшимъ изъ сокровищь. Потомки ихъ, захотѣвъ быть умнѣе предковъ своихъ, и не умѣя цѣнить, можетъ быть, важное право собственности, позволили Грекамъ поселиться на берегахъ съ тѣмъ, чтобы новыя колоніи открыли торгъ, и чтобъ они могли въ немъ

участвовать. Сіе нарушеніе отечественнаго наслѣдства было первымъ шагомъ къ тѣмъ важнымъ перемѣнамъ, которыя однѣ за другими быстро послѣдовали въ Таврическомъ Херсонесѣ.

Скиѳы, давъ право Грекамъ производить торгъ на землѣ своей, всспользовались симъ случаемъ, чтобы поработить ихъ; но наконецъ сами были порабощены ими за 300 лѣтъ до Р. Хр., когда Митридатъ общее съ Греками нагрянулъ на нихъ со всѣми своими силами, и овладѣлъ полуостровомъ отъ Танаиса до Кубани.

Понтїйской Царь основавъ городъ Эвпаторїю, владѣлъ сею землею до того времени, когда побѣжденный Помпеемъ въ Азїи, онъ при-

нужденъ былъ скрыться въ Босфорѣ и лишить себя жизни. Послѣ его смерти Греки покорились Римлянамъ, которые должны были въ свою очередь уступить силѣ Татаръ.

Въ концѣ XII вѣка Генуезцы завоевали Кафу, Ѳеодосїю, Циммерїумъ, открыли торгъ съ Татарскими Ханами, и мало помалу присвоили себѣ право на всѣ приморскїя мѣста; ихъ гордость раздражила Татаръ. Сїи послѣднїе вооружились, ударили на Генуезцевъ вмѣстѣ съ Турками, и принудили ихъ, лишивъ всѣхъ владѣнїй, укрываться во внутренности горъ, гдѣ высѣченныя пещеры были единственнымъ ихъ убѣжищемъ и достойнымъ наказанїемъ.

По изгнанїи Генуезцевъ, открылось новое поле брани. Турки и Татары начали сражаться за право владычествовать на полуостровѣ. Турки были сильнѣе: Татары слабѣе; и первые удержали превосходство.

Къ счастїю Крыма, котораго климатъ, плодородїе и красоты достойны были того, чтобы просвѣщенїе и науки поставили въ немъ престолъ свой, къ пресѣченїю всѣхъ неустройствъ и браней, которыя такъ долго опустошали сїю прекрасную землю, явилась въ Сѣверѣ Государыня, Которая взглянула на Крымъ, вспомнила о цвѣтущемъ его состоянїи и захотѣла возвратить ему древнїй блескъ его. Екатерина II

покорила себѣ полуостровъ Крымъ въ 1783 году. —

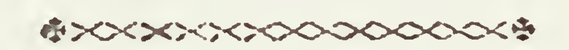
Теперь онъ наслаждается спокойствїемъ подъ оливами мира, подъ Скипетромъ ПАВЛА I. —

Кажется, что народы дѣлаются рано или поздно одни жертвами другихъ, что кровавыя брани ведутъ за собою цвѣтущее благоденствїе Имперїй, и что всѣ перемѣны Царствъ имѣютъ свое основанїе на непремѣнномъ законѣ натуры, которая для того, чтобы привести мїръ въ движенїе и въ порядокъ, напечатлѣла въ сердцѣ человѣческомъ стремленїе къ счастїю и дѣятельности.

Можетъ быть Крымъ долженъ былъ въ сцѣпленїи земныхъ произшествїй претерпѣть всѣ бури и перемѣны

для того, чтобы процвѣтать подъ тѣнїю мирной Державы, произвести наконецъ свои науки, свои искуства, и явить намъ новую Грецїю.

Ахъ! я вздыхаю — и кладу перо.

ПИСЬМО LXXVI.

Ахмечеть.

Два раза солнце скрывалось предо мною за Таврическіе Альпы, два раза солнце освѣщало въ глазахъ моихъ цвѣтущїй Херсонесъ: но я еще все не вѣрю, что это не обманъ, не вѣрю глазамъ своимъ, не вѣрю осязанїю чувствъ своихъ, не вѣрю тѣмъ красотамъ, которыя

разсыпала здѣсь кажется рука какой нибудь Армиды.

Не буду описывать, что я чувствовалъ въ ту минуту, когда послѣ утомительныхъ степей за Перекопомъ, послѣ нѣсколькихъ печальныхъ озеръ, Таврическіе Альпы выглянули сквозь синѣющій туманъ, ниже и выше носящихся облаковъ въ образѣ тѣхъ неизчетныхъ громадъ, которыя, по описанію баснословія, вознесены были къ небу руками Гигантовъ. Скажу только, что спутники мои, также какъ и я, пораженные такимъ новымъ, великолѣпнымъ, удивительнымъ зрѣлищемъ, пребывали нѣсколько минутъ неподвижны; мы взглядывали только другъ на друга съ нѣкоторымъ священнымъ благоговѣ-

нїемъ, и краснорѣчивое наше молчанїе было достойнѣйшимъ поклоненїемъ великому Творцу природы.

Далѣе встрѣтили насъ ночь, дичь и пустыня; но на другой день первымъ привѣтствїемъ было намъ прекрасное утро, пѣснь соловья и такая долина, которой нѣтъ можетъ быть ничего подобнаго въ мїрѣ.

Гладкая, чистая, прекраснѣйшая равнина, которая простирается на нѣсколько верстъ окружности, и на которой стоитъ городъ Ахмечеть. Пирамидальные осокоры, растущїе зеленѣющими группами по берегу Салгира, нѣжная рѣчка сего имени, извивающаяся въ тѣни между кустарниковъ по бархатному лугу, горы одѣтыя облаками,

нѣжные цвѣты, свѣжая зелень, ясное небо — все цвѣтетъ, все улыбается, все кажется волшебствомъ на сей несравненной долинѣ.

Никогда воображенiе мое въ самыхъ пылкихъ лѣтахъ не творило такихъ романическихъ убѣжищь; никогда кисть живописца не рисовала предо мною такъ очаровательно; никогда Поэты не сообщали мнѣ понятiя о возможности такихъ прелестей въ природѣ.

Все, что я мечталъ о тѣхъ прекрасныхъ долинахъ, гдѣ Геснеръ поселялъ своихъ пастуховъ и пастушекъ, гдѣ Руссо гулялъ, наслаждался и забывалъ самаго себя, гдѣ нашъ Руской путешественникъ писалъ жарчайшiя изъ писемъ своихъ — все это есть

одна романическая тѣнь передъ тою долиною, на которэй я пишу.

Здѣсь путешественникъ чувствуетъ тайной вздохъ въ груди своей — чувствуетъ желанїе провести въ сладкомъ уединенїи жизнь свою; здѣсь собираетъ онъ вокругъ себя всѣ любезныя ему существа, забываетъ вселенную и дышетъ въ новой атмосферѣ.

Предметы любви моей! нѣжные друзья, драгое семейство! и ты, ты любезнѣйшая изъ всѣхъ людей, любезныхъ моему сердцу! теперь вы одни остались со мною; остатокъ мїра для меня не существуетъ. Тайная сила влечетъ меня къ чистымъ удовольствїямъ натуры; сердце мое отрекается отъ суетъ мїра; я удаляю предразсудки,

мнѣнія, страсти, разстаюсь съ людьми и сохраняю васъ однихъ. Пусть жизнь моя протечетъ тихо на сей долинѣ; не хочу никакой славы: встрѣчу съ улыбкою часъ смерти, и буду счастливъ въ самомъ гробѣ, ежели рука ваша скроетъ прахъ мой подъ сими зелеными кущами, поставитъ камень, и надпишетъ только надъ нимъ сіи слова: *здѣсь покоится другъ нашъ.*

Съ сими мыслями слѣдовалъ я тихими шагами за теченіемъ Салгира — быстро лились струи ручейка — быстро текли мои мысли — и я, сѣвъ на берегъ рѣчки, излилъ въ семъ письмѣ душу мою.

ПИСЬМО LXXVII.

Ахмечеть.

Думалъ ли я, что на краю Европы ожидаетъ меня романическая земля, романическіе люди, романическія произшествія?

Не ищите меня на веселыхъ долинахъ съ веселою улыбкою; не ищите радости въ моемъ сердцѣ: но идите за городъ въ мрачную рощу, на берегъ томнаго Салгира, и вы тамъ найдете вашего путешественника, сидящаго въ уныніи, въ горести, отирая одною рукою слезы, а другою писавъ къ вамъ.

Я оплакиваю новую жертву любви, новаго страдальца чувствительности.

Одинъ молодой человѣкъ жилъ въ Ахмечетѣ, ходилъ въ гости къ П* * *, видѣлъ дочь его — слушалъ, какъ она играетъ на арфѣ — видалъ въ ея взорахъ, какъ сердце согласно гармонируетъ съ музыкой — и трогался. Каждой взоръ ея болѣе и болѣе впечатлѣвался въ его душу; каждой день осыпалъ для него новыми сладостями жизнь земную. Быть въ ея присутствіи, видѣть, какъ цвѣтетъ милая красавица въ шестнадцатилѣтней веснѣ своей, внимать сладкой гармоніи струнъ, одушевляемыхъ рукою сего ангела — было для него счастіе. Сильныя душевныя движенія всегда

имѣютъ на лицѣ значительныя черты; страсть не укрывается отъ глазъ; и красавица столькожъ по его блѣдности, сколько по собственному сердцу угадала тайну. Взоры изъяснились — языкъ договорилъ — и сладости взаимной любви полились пламенною рѣкою для двухъ добродѣтельныхъ любовниковъ.

Пусть нѣжныя души вообразятъ ихъ радости и восторги, игры и бесѣды, взоры и сердечныя біенія; пусть представятъ себѣ, какое небесное блаженство было ихъ долею, какъ существо душъ ихъ сливалось съ сими впечатлѣніями, и какъ послѣ того всякая перемѣна должна была потрясти ихъ въ самомъ основаніи жизни,

Любовники, послѣ тайныхъ объятій, послѣ невиннѣйшаго наслажденія, захотѣли наконецъ, чтобъ рука родительская благословила союзъ ихъ. Они пали къ ногамъ родителей — жестокой отказъ былъ однимъ отвѣтомъ — и имъ велѣли навѣкъ разстаться. Увы! одно предубѣжденіе противъ рода было причиною сего отказа.

Молодой человѣкъ удалился съ отчаянною душею. Сидя по вечерамъ на берегахъ томнаго Салгира, слыша, какъ журчаніе рѣчки сострадало о судьбѣ его, сравнивая прежнее состояніе съ теперешнимъ, онъ чувствовалъ глубоко въ объятіяхъ природы, что безъ милой красавицы жизнь ему будетъ

несносна, и рѣшился испытать еще послѣднее средство для своего спасенія. Онъ подкрался къ любезной, и тихимъ, сладкимъ голосомъ сказалъ ей: жизнь, или смерть! будь моею, не смотря на родителей, или завтра не будетъ меня на свѣтѣ. — Можно ли было не послѣдовать такому милому голосу? Красавица бросается въ его объятія — сердца ихъ бьются близко одно къ другому — цѣль пламенныхъ желаній приближается — какъ вдругъ энтузіазмъ добродѣтели заставляетъ любовницу вырваться изъ объятій любовника. — Нѣтъ; я не хочу огорчать моихъ родителей, не хочу бѣжать; лучше будемъ въ вѣкъ несчастливы. — Такъ говоритъ она, и скрывается

отъ глазъ отчаяннаго, оставленнаго друга своего.

Онъ писалъ къ ней — искалъ еще путей къ ея сердцу, и не получилъ ничего, кромѣ отвѣта, которой показывалъ, что чувство дочерняго долга побѣдило нѣжность и силу любви. Увѣрясь точнымъ образомъ, что красавица не будетъ уже существовать для него, онъ удалился на тихїе берега Салгира, чтобъ оттуда взглянуть на блаженное жилище П * * *. Мѣсяцъ засталъ его на равнинѣ въ слезахъ и горести; скоро слезы перестали литься отъ чрезвычайнаго стѣсненїя души; онъ возвратился къ себѣ слабыми шагами — затрепеталъ, увидя свою комнату, прежде повѣренную его счастїя,

а нынѣ свидѣтельницу муки, и. . . . . Татарскимъ кинжаломъ пронзилъ грудь свою. Одна минута пресѣкла навѣки жизнь человѣка и счастїе двухъ существъ. Все миновалось. О небо! . .

Любовница, узнавъ о семъ, лишилась чувствъ; отецъ содрогнулся; мать раскаялась; но — все было поздно. Чувство возвратилось молодой дѣвушкѣ; но глаза ея не осушаются ни день ни ночь, и долго конечно не осушатся.

Приключенїе новаго Вертера случилось за три дни передъ моимъ прїѣздомъ. Трауръ покрываетъ городъ; мертвое унынїе видно на всѣхъ лицахъ. Я самъ пролилъ нѣсколько горячихъ слезъ

съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о семъ произшествіи.

Я видѣлъ уже и трогательную жертву любви; но теперь не буду вамъ говорить объ ней. Сердце мое истощилось.

До завтраго.

Конецъ первой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части.

Отъ Издателя.

ПИСЬМО первое.

Стран.

ПИСЬМО V.

Тула.

ПИСЬМО VI.

Тула.

ПИСЬМО VII.

Деревня.

ПИСЬМО VIII.

Обтуха.

ПИСЬМО IX.

ОрелЪ.

ПИСЬМО X.

КурскЪ.

Стран.

Стран.

Стран.

ПИСЬМО XXII.

Кїевъ.

ПИСЬМО XXIII.

Кїевъ.

ПИСЬМО XXIV.

Кїевъ.

ПИСЬМО XXV.

Кїевъ.

ПИСЬМО XXVI.

Кїевъ.

Стран.

ПИСЬМО XXVII.

Кіевъ.

ПИСЬМО XXVIII.

Кіевъ.

ПИСЬМО XXIX.

Кіевъ.

ПИСЬМО XXX.

Кіевъ.

ПИСЬМО XXXI.

Кіевъ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

